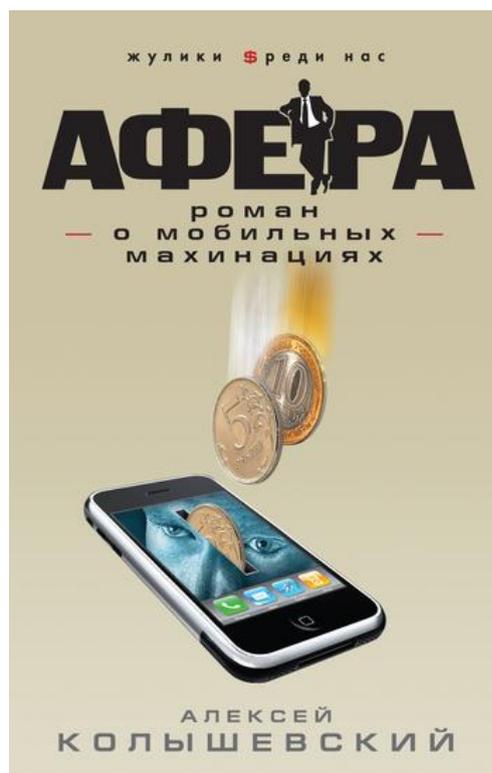

Алексей Юрьевич Колышевский

Афера. Роман о мобильных махинациях

Аннотация

Роман Алексея Колышевского посвящен махинациям в сфере бизнеса мобильной связи. Существует множество неясных способов «отъема денег» у абонентов, которые позволяют туго набить карманы тех, чья работа в том и заключается, чтобы эти способы придумать и реализовать. Чем дальше, тем сложнее разобраться в водовороте услуг мобильных операторов: рингтоны, картинки, приколы – деньги текут рекой.

Алексей Колышевский

Афера. Роман о мобильных махинациях

Посвящается больному обществу больной страны

*Елене Тихоновой,
Женщине разбившей мою жизнь.
За что лично от меня ей большое спасибо.*

Один день полной жизни

*16 июня,
12 часа 44 минуты*

Телефон милиции – 02. Мне – 32. Я никогда не звонил по телефону 02, поэтому мне немного не по себе. Хотя какое там «немного»? Трясет меня, как неисправный драндулет со сбитым зажиганием. Шутка сказать, на такое решиться? Ведь уголовное дело, если заметут!

Я воровато посмотрел по сторонам: никого. Пустой переулок и манящий таксофон. Никого. Ну так была не была, надо действовать быстро.

Пересек переулок: двенадцать шагов, я сосчитал каждый про себя. Двенадцать ударов в темя, пульс сто двадцать, рванул трубку на себя, нажал две кнопки, услышал тусклый женский голос: «Вы позвонили в милицию. Пожалуйста, дождитесь ответа». Дождался:

– Милиция, двадцать вторая, что у вас случилось?

Еле успел зажать нос двумя пальцами! Чуть не забыл! Загнусавил, словно умный голубой слоненок в очках из мультика про 38 попугаев:

– Хочу сообщить, что в здании страховой компании «Сносно» заложена бомба.

– Адрес какой? – Голос «двадцать второй» на другом конце стал колючим.

– Чей адрес? – не понял я.

– Страховой компании «Сносно», – раздраженно бросила двадцать вторая, – и ваш, заодно.

– Адрес «Сносно»? Да вы что там? Вообще, что ли? Говорю вам – бомба там у них. Здоровенная такая. Рванет – мало не покажется!

– Я поняла, поняла, – смягчилась оператор. – Бомба, значит. В «Сносно», да, вы говорите?

– Да, в «Сносно». Скоро там все взорвется на хрен!

– Я поняла, поняла. – «Двадцать вторая» стала как-то ласковей, а оттого на мгновение роднее и ближе. Но только на мгновение. – Представьтесь, пожалуйста, – попросила она.

– Да пошла ты... – Я бросил трубку, и она с глухим стуком ударилась о пластиковую стенку таксофона: «Время тянет эта «двадцать вторая». Сюда уже, небось, патрульный наряд мчится, опергруппа! Этого мне только не хватало. Что я за дурак, сразу не понял, зачем она с расспросами-то своими... Бежать! Бежать немедленно!»

Но побежать – значит привлечь к себе внимание. Хоть и пуст был переулок, все равно кто-нибудь обязательно увидит, из-за занавески... А потом, раздуваясь от собственной значимости: «Да, я видел его, он побежал вон туда. Такой высокий, худощавый, в черном пиджаке, с портфелем». Вот почему я не побежал, а ссутулился, свернул в первую попавшуюся подворотню, оттуда в сквер, потом во двор соседнего дома. Возле подъезда какой-то человек вылезал из желтого такси. Водитель в нетерпении постукивал ладонями по рулю. Я поравнялся с ним, наклонился:

– Свободен?

– Да, вот, – он кивнул в сторону удалявшегося недавнего клиента, – только что освободился. Вам куда?

– На Озерковскую.

– Пятьсот.

– Угу.

– Поехали.

Повезло, пробок почти не было, и доехали минут за пятнадцать. Хотелось курить, сигарет ноль, таксист курил «Винстон», стрельнул у него. Вышел в начале Озерковской и пошел полюбоваться на дело рук своих. Шел и думал: «Получилось или нет? По идее должно было получиться. Ведь у них там, в 02, все разговоры должны записываться. Не могли они не отреагировать на мой звонок».

Перед центральным офисом «Сносно» скопилась огромная толпа, проехать по Озерковской с каждой минутой становилось все трудней, и вскоре вся набережная превратилась в одну сплошную пробку. Здание «Сносно» было оцеплено милицией и ОМОНОм.

– Прикинь, Саня, у нас в офисе бомбу ищут, а нас всех эвакуировали. – Какой-то клерк в лакированных ботинках, в полосатом костюмчике, плотно облегающем его упитанную фигуру, вытянув губы хоботком, оживленно сообщал по телефону последние новости: – Сейчас все столы обшмонают, небось, а у меня там два конверта с баблом осталось. В тумбочке! Прикинь! Вот засада! Я в суматохе не успел достать. Что? Да что я, у всех на глазах

буду бабло ворошить, что ли? Я и так под колпаком (тут клерк длинно и некрасиво выругался), а тут целых два конверта! Я бы этого ублюдка, который про бомбу сообщил, порвал бы на фашистские знаки! Наверняка кто-то из сотрудников, кого недавно уволили, или недовольный клиент. Больной на всю голову сукин сын!

Наслаждаясь собственной неуязвимостью, я, стоя рядом с этим негодующим плутом, изнывал от желания подойти к нему поближе, взять за пуговицу пиджака и гаркнуть прямо в его сытую физиономию:

– А вот мы еще посмотрим, кто кого порвет, падла!

Но ничего такого я, конечно же, не сделал. Я, в сущности, такая же «падла», как и он. «Конверты с баблом», ха! Знакомо. Парнишка «решает вопросы»: наверняка сидит на корпоративных клиентах, у которых автопарк исчисляется сотнями единиц, и «оптимизирует» для них страховку за половину стоимости дельты между максимальной и минимальной стоимостью полиса. Иными словами, «торгует скидкой». Схема стара как мир. А может, и нет, может, в розыском отделе подвизался этот бедолага и возвращает стоимость угнанной машины, «ускоряет» процесс получения страховки по риску «угон» процентов за десять-пятнадцать от стоимости. Да чего там говорить-то! Правду сказать, так сплошь жулики в этих страховых компаниях. Весь страховой бизнес изначально построен на обмане, разводках и коррупции. Впрочем, на коррупции сейчас построено многое. Коррупция везде, куда ни глянь. И мне нравится это. Покуда жива коррупция, будут хорошо жить такие, как мы: я и этот страховщик и многие такие же – в полосатых костюмчиках и лакированных ботинках.

Преступника всегда тянет на место его преступления, и сейчас я, тихо и молча, любовался на дело рук своих. Все происходящее я воспринимал в виде компенсации за целую череду ужасных событий, обрушившихся на меня в течение этого, еще не закончившегося дня. Будущее, казалось мне, никогда не настанет. Я и не знал, что именно сегодня начинается моя новая жизнь. Я медленно побрел вдоль закованной в гранит реки навстречу жаркому московскому солнцу. На душе было пусто, и страшно хотелось выпить.

15 июня,

примерно за сутки

Во всем когда-то нужно успеть поставить точку, пока ее не поставил кто-то другой. Я решил, что больше никогда с ней не увижусь. Даже хотел позвонить и сказать ей:

– Знаешь, мы сегодня не встретимся.

Тогда она бы, наверное, спросила:

– Почему?

Да. Она спросила бы именно так. Мы давно готовились к этой встрече, все просчитали-подгадали – и вот на тебе! Я звоню и говорю, что ничего не получится. И после ее «почему» я бы сурово ответил:

– Знаешь, я понял, что пора всему этому положить конец. Наши отношения совершенно бесперспективны.

Клянусь, я сказал бы все это, я был готов к любой реакции – к истерике, к скандалу, даже к полному равнодушию ее ответу:

– Как хочешь. Мне все равно...

Хотя нет, не так. Что же я вру-то, в самом деле? Не был бы я готов к такому ответу, ведь бросал я ее, а не наоборот. Представляете себе, да? Вы, такой весь из себя решившийся, говорите, что, мол «все, Noney (как вариант Pussycat, Рыбка, Мышка, Кошка и тому подобные), больше ничего не будет». А в ответ полное безразличие. Это остужает. Это как удар по яйцам. Чертовски больно, совершенно неожиданно.

– Шпок! (Звук удара по яйцам).

– Уяааа! (Ваш искренний вопль из глубины души).

Но ничего подобного не произошло. Моему намерению расстаться помешал запах. Я подждал лифт на первом этаже, чтобы подняться в офис. И вот лифт опустился, раскрылись-разъехались его двери, и вышла из большой, зеркальной кабины какая-то

девушка. Я думал о насущном и не обратил на нее внимания. По всей видимости, она была не в моем вкусе, так как я всегда обращаю внимание на девушек, если они в моем вкусе. Я вошел в кабину, нажал нужную мне кнопку и погрузился в ассоциативный поток. Девушка ушла, но в кабине остался запах ее духов. Маша (так звали мою любовницу) очень любила эти духи. Я вошел в лифт полным решимости прекратить всякие отношения с ней, а вышел оттуда, обо всем позабыв, словно кабина лифта оказалась чертогом забвения. Вдыхая оставшийся от девушки аромат духов, я воспроизвел перед собой Машу. Она стремительно менялась, словно быстро запустили ролик, состоящий из множества ее фотографий, одна другой краше. Я вдруг понял, что больше всего на свете хочу сейчас оказаться с ней наедине. Какое там расставание?

Первым делом я набрал ее номер, сказал, что заканчиваю сегодня в пять вечера и сразу же поеду в отель. Там мы с ней и встретимся. Поинтересовался, когда она рассчитывает приехать.

– Не слишком задерживайся, – попросил я.

– Это еще вопрос, кто из нас приедет раньше, – ответила она таким голосом, что мне стало жарко и хорошо. Мы увидимся! Сегодня! Как это замечательно! Это лучшее, что может случиться...

Я женат. Уже три года. За это время я много раз изменял своей жене с разными женщинами, но это было «просто так». Только секс, и ничего более. Так было до тех пор, пока я не встретил Машу. Я считал, что моя жена ни о чем не догадывается. Моя работа предполагала частые командировки и еще более частые вечерние мероприятия. В рекламе иначе не может быть: мы оживаем к вечеру, тогда как по утрам мы бледные полутрупы. Мы, рекламщики, дети ночи. Она пестует нас, насыщая существование острыми, как край бумаги для принтера, эмоциями. Я не совсем типичный рекламщик, у меня бессонница. Мне жаль тратить свою бесценную жизнь на сон, на потение под одеялом. Я курю и люблю виски. Я нравлюсь женщинам, и женщины нравятся мне. Маша изумительная любовница, ее характер точь-в-точь мой, с поправкой на то, что он женский. Мы с ней сделаны из одного теста, и все это, конечно, ужасно неправильно, что женат на ней не я, а кто-то другой. Хотя, кто знает? Будь она моей женой, разве были бы наши редкие свидания столь упоительными? Ну разумеется, нет. Все же хорошо, что жена моя ни о чем не догадывается...

16 июня,

4 часа

Я подошел к окну. В белесых утренних сумерках легкая штора казалась стеной ожидаемого уличного тумана. Окно словно растворилось, и туман просочился сюда, в наш тайный приют, где мы любили друг друга всю ночь, и лишь совсем недавно, под утро, в изнеможении отпустив друг другу наш общий грех, уснули, держась за руки.

Мой мозг включился, как всегда, очень рано. Он предпочитает вставать с петухами, черт бы побрал всю эту непознанную его систему, пронизанную нейронами. Мозг никогда не может отключиться полностью, и я после двух-трех часов полуобморочного состояния (так протекает мой сон – на грани яви и морока) просыпаюсь, словно от удара током. Мое пробуждение всегда молниеносно, я очень быстро «включаюсь». Мне не нужно ошалело смотреть по сторонам, трясти головой, мучительно соображая, где я, и вспоминая, что было накануне. Мне ни к чему протирать глаза, «наводить резкость»: у меня отличное зрение. Все мои жизненные функции, включая, уж простите мне такую подробность, шикарную эрекцию, начинают работать мгновенно и без сбоев, словно весь я – это какой-то супернадёжный компьютер, порождение яйцеголовых гениев Силиконовой долины. Не знаю, как долго это продлится, но чувствую, что мой жизненный ресурс не исчерпан еще и на треть.

Проведя рукой перед собою, я подсознательно стремился ощутить кончиками пальцев волнительную и гнетущую своей неизвестностью туманную сырость. Но это была, конечно же, лишь штора, и я бесшумно отвел ее в сторону. Тогда сразу стало видно, как я обманывался, и обнаружилось, что за шторой никакого тумана нет вовсе, а вместо этого вдалеке, над лесом, встает багровое солнце, окрашивая черные верхушки сосен в пламенную охру. Солнце

придавало лесу конкретику, прорисовывая каждый ствол. Мне казалось, что отсюда, сквозь стекло номера загородного отеля, я вижу невероятно далеко. Я различаю каждую ветку, каждую хвойную иглу, каждую резную деталь дубового листа. Начинался новый день, и я замер, прислушиваясь. Я медитировал. Я делаю так каждое утро. Я слушаю тишину, и она вовсе не кажется мне тихой. В тишине серебром переливается нежный голос ангельской капеллы и чуть более грубый хор демонов. Они поют о том, что ждет каждого из нас, они предсказывают будущее нового дня. Я понимаю суть их пения и настраиваю себя на то, что должно произойти. Я готовлю себя к встрече с неизбежностью. Когда-то я занимался буддистскими практиками, тогда я научился медитировать и быстро накапливать энергию Ци. С тех пор я перестал нормально спать.

...Багровое солнце. Говорят, что оно бывает таким на рассвете, если ночью где-то случилось страшное. Большая планета, на ней всегда что-то происходит. В том числе что-то нехорошее. И я удивляюсь, что солнце так редко багровеет на рассвете. Видимо, должно произойти что-то совершенно особенное, выдающееся в своем роде, истинно злодейское. Там упал самолет, здесь случился пожар, тут, прямо посреди обреченной толпы, взорвала себя заблудшая фанатичка. Да, определенно сегодняшний день будет тяжелым: я услышал в тишине переливы печального и прекрасного голоса, он пел мне о том, чего уже не изменить. Я не понимал его языка, я лишь чувствовал его интонацию. Мне стало тревожно. Я никогда не привыкну к этому: слушать потустороннее пение – дар сомнительной ценности. Я бы сам себя назвал сумасшедшим, но всякий раз я убеждаюсь, что мои предчувствия верны. Буддистские монахи называют это способностью видеть другое измерение, иной мир, в котором гораздо раньше происходит все то, что только должно произойти в нашем мире. Спорить с ними бессмысленно. Я всегда предчувствую будущее как минимум на день вперед, но всякий раз меня охватывает смятение, если предчувствия мои тревожны. Постоянно находиться на пике эмоций – это синдром менеджера. Это погружение в постоянный стресс. «Колбасит» – и, если все время пребывать в этом состоянии, то от бастиона собственной личности очень скоро не останется камня на камне. Крепчать надо, вот что. Крепчать и заставлять себя переключаться. Заставлять себя радоваться...

Я обернулся. Маша разметалась на кровати, прекрасная в своей наготе, и я с наслаждением разглядывал ее нежные формы, похожие в утренних сумерках на контуры статуи работы Микеланджело. Я знаю, что этот мрамор теплый, податливый, страстный. Он иссушает и наполняет меня, вот почему я не могу отказаться от наслаждения встречаться с этой девушкой, проводить с ней редкие, преступные ночи, покупая их ценой обмана у своей жены.

При воспоминании о жене я чуть было не закашлялся и, зажав рот, затряс головой, отгоняя ненужные мысли. Это удалось мне невероятно легко. Настолько легко, что я удивился этому. Обычно меня начинала мучить совесть, я вспоминал, что женат, что Маша замужем, что нам с ней так хорошо именно потому, что встречаемся мы нечасто. Мы никогда не сможем создать семью и быть вместе постоянно. Это не нужно Маше. Это не нужно мне. Мы счастливы тому, что есть сейчас между нами, и не вправе рассчитывать на большее. Есть прирожденные психологи, врачи, учителя. Мы с Машей прирожденные любовники. Во всяком случае, мне очень хочется, чтобы это было именно так. Я благодарен ей за то, что она ни разу не заводила нудный разговор в стиле: «А представляешь, у нас с тобой семья?» Она умница. И, кажется, ее все устраивает.

Для наших обманутых половин мы на выездных семинарах. Мы оба работаем в очень и даже слишком больших компаниях, в которых подобное частенько практикуется. Выездной семинар – это когда все рассаживаются по автобусам и едут в такой же вот отель, где слушают интересные выступления настоящих бизнесменов и нудные выступления теоретиков от бизнеса. Потом все выпивают, играют в боулинг, сплетничают о коллегах по работе и наутро, за завтраком, вливают в себя много холодного апельсинового сока.

Сегодня четверг. Наш «семинар» увы, закончился, и теперь неизвестно сколько времени должно пройти, прежде чем я смогу вот так же любоваться поутру Машей и наши автомобили

простоят всю ночь рядом. Мне кажется, что они тоже равнодушны друг к другу: мой черный, похожий на мастодонта «Infinity» и ее изящный «BMW». Я посмотрел вниз, туда, где стояли машины. На их крышах сверкали капли утренней росы, и было в этом что-то невероятно трогательное и одновременно совершенно безумное, как бывает всякий раз, когда ловишь себя на мысли, что пытаешься очеловечить неодушевленный кусок, пусть и очень дорогого, железа.

Мой телефон беззвучно подавал тревожные признаки жизни. Кому это я понадобился в пять утра? Оказалось, что пришло сообщение от жены: «Надумаешь прийти сегодня домой – не удивляйся». Я с недоумением прочитал это загадочное сообщение еще раз, но так толком ничего и не понял. Бредит она, что ли? Вот и предчувствия меня не обманули. День начался. Начался так начался. То ли еще будет...

Стоя в душе, я, подставив затылок под крохотный водопад, рассматривал свои пожелтевшие резиновые тапки. В машине я постоянно вожу набор гостиничного ловеласа. Резиновые тапки входят в обязательный комплект. И вот я подумал: «Отчего желтеют резиновые тапки?» Вспомнилась мне желтая пятка, которой стучал ее собственник у Ильфа и Петрова. Подумалось про ржавеющие по осени листья. Попытался связать воедино желтую пятку, ржавые листья и жизненный опыт. Получилось: «Чем желтее становятся твои резиновые тапки, тем ты становишься старше. И уже не за горами то время, когда пятки твои пожелтеют и ты превратишься в желчного джентльмена, стучащего своими желтыми пятками по каким-нибудь поверхностям, вовсе для этого не предназначенным. И тогда настанет осень твоей жизни, которую обязательно сменит зима, которая успокоит тебя навсегда, и тапки тебе уже никогда не понадобятся. Боже мой, какое отвратительное следствие!» С негодованием я выбросил свои пожелтевшие тапки в пластмассовое ведро и решил сегодня же купить себе новые. Ах, если бы так легко все решалось в жизни. Поменять тапки – это словно поменять кожу. Но мы не змеи. И все, что мы носим с собой, остается с нами до тех пор, покуда не наступит зима.

Маша спала крепко или делала вид, что спала крепко, и я решил не будить ее. Я скатал все свои вещи в большой ком и, держа его перед собой на вытянутых руках, вынес одежду, мелкие гаджеты, портфель и пахнущие влажной дубленой кожей и парфюмом «Шанель» ботинки в коридор, осторожно прикрыл дверь, проворно оделся, застегнулся, зашнуровался. Пусть рубашка будет мягкой, но ботинки должны быть начищены и надушены, так как их приходится иногда снимать, как предпоследнюю, перед трусами идущую, часть туалета, раздеваясь перед женщиной во время дневного свидания. Мечтая о чашке кофе и свежей выпечке на заправке «ВР», я запустил двигатель и на малых оборотах выплыл за пределы отеля. Хорошо, что я не стал будить Машу. Утренние ароматы человеческого тела не лучшие союзники в любви. Утро не для таких, как мы с ней. Мы пили друг из друга жизнь под покровом темноты, мы были словно вампиры, а под утро разлетелись, зная, что снова встретимся, когда лунный свет позовет нас за собой.

Помня о предчувствиях (а как же иначе?), я вел машину с очень средней скоростью. «Infinity» имеет ураганные возможности, это чрезвычайно скоростной предмет, который, дайте ему волю и крылья, с радостью превратился бы в самолет. Эта машина была предметом моей низменной гордости. Я гордился ею так, как только и можно гордиться материальным предметом, владение которым отделяет тебя от владельцев других, менее престижных и менее дорогих автомобилей. Это был внедорожник, похожий на изящного, красивого бегемота. Сотни лошадиных сил, роскошный салон, мягкий ход... И невероятно удобный задний диван, где так чудесно проходили свидания с девушками, которым нравилось сочетание меня с этим автомобилем, а если быть точнее, то этого автомобиля со мной. «Раз у чувака такая тачка, то он заслуживает внимания», – думали девушки и отдавались автомобилю и мне, мне и автомобилю. Мой «Infinity» знал, что такое химчистка и не раз подвергался тщательной уборке, что случалось всякий раз после очередного свидания с девушкой на заднем сиденье. Это была та плата, которую автомобиль платил за возможность на время превратиться в дом любви, и, похоже, ему это нравилось. Я любил его. Я педантично заставлял его проходить все

необходимые процедуры, все эти плановые ТО, покупку каких-то особых шин и тому подобное. Я всегда верил всем этим «приемщикам» из автосервиса, рекомендовавшим заменить то одно, то другое, и не скупился, и за цену не стоял. В последний раз мне было заявлено о необходимости замены тормозных дисков, и я раскошелился на две тысячи долларов, уплатив за четыре диска фирмы «Brembo». После замены я не ощутил особенной разницы в поведении машины, но не обратил на это никакого внимания. «Infinity» и прежде прекрасно тормозил. «Значит, все так и должно быть», – подумал я и тут же забыл об этом. Я не знал тогда, что пройдет всего две недели и проблема замены тормозных дисков станет моей Большой Проблемой. Эти мерзавцы из автосервиса увидели, что я простака, который ни черта не смыслит ни в «Brembo», ни вообще хоть в чем-то, что касается автомобильных агрегатов. Доверчивый простака. Такому можно «впарить» все, что угодно, все равно он ничего не поймет. Они действительно установили мне диски «Brembo», но не новые. Точнее сказать – совсем неновые. А прежнему владельцу, своему другу-приятелю, они поставили новые диски, за которые я уплатил по полной. Думаете, я вру? Тогда вы наивные люди. На автосервисах такое происходит сплошь и рядом. Вот и меня кинули. И хорошо, если бы просто на стоимость этих чертовых дисков. Увы, все вышло совсем иначе...

Я ехал в правом ряду пустого Новорижского шоссе, скорость была около сотни. Размышляя о сообщении жены, я незаметно для себя вплотную приблизился к старой «Тойоте» и включил левый поворотник, собираясь обогнать ее. Однако водитель этой «Тойоты» был рожден русским, любящим быструю езду. Он упрямо вдавил педаль в пол, ускорился сразу километров до ста пятидесяти, и я увидел, как вдруг «Тойота» стала превращаться в точку на горизонте. Вот тут бы мне плюнуть, но куда там. Вместо того чтобы продолжать плестись себе потихоньку в правом ряду, я презрительно цыкнул зубом и нажал на педаль газа. «Infinity» ожил, ему по нраву было такое пришпоривание. Он рванул как бешеный! Сердце мое обливалось адреналином, когда я нагнал старушку «Тойоту», ослепил врага ксеноном и резко вильнул, перестраиваясь в левый ряд для обгона. Водитель «Тойоты», увидев, что я ему «моргаю», решил: «Этот мудака требует, чтобы я освободил правый ряд. Вот мудака! Да ну его, с такими мудаками, как этот, лучше не связываться!» и... «Тойота» также резко перестроилась влево! Я со всей силы ударил обеими ногами по широкой педали тормоза! То, что произошло через мгновение, было поистине ужасным: старый тормозной диск правого колеса не выдержал перегрева и... лопнул! Колесо тут же заклинило. На скорости двести километров машину развернуло на сто восемьдесят градусов и выбросило на широкую, поросшую травой разделительную полосу, где «Infinity» стало крутить, словно пушинку в потоке воздуха. Автомобиль закувыркался, его протащило по кривой траектории метров двести и ударило о ограждение встречной полосы. Металлические столбики ограждения ломались, словно спички, широкая металлическая лента гнулась так, словно это был не металл, а мятная пластинка «Wrigley», а я визжал от ужаса, и, кажется, единственным членораздельным словом, которое различалось в этом паническом визге, было слово «Мама». Пишу его с большой буквы еще и потому, что оно помогло мне выжить. Ограждение не пустило скомканный «Infinity» на встречную полосу, под колеса какого-нибудь двадцатитонного самосвала, груженного песком. «Мама» – это последняя молитва всех, попавших в отчаянное, предсмертное положение. Если перед самым своим концом вы вспомните о своей матери и позовете ее вот так же, искренне, то вся ее любовь обязательно придет вам на помощь и спасет вас. После бесчисленных кувырканий изувеченная до неузнаваемости машина встала на колеса. Она не подвела: не загорелась и не взорвалась. Монотонно подвывая, я вылез через проем, в котором совсем еще недавно находилось лобовое стекло. Не удержавшись на искореженном капоте, я упал на землю, только что взрыхленную плугом за сто тысяч долларов. Жив. Спасибо, мама.

16 июня,

9 часов 03 минуты

Приехали менты. Довольно быстро. Сразу стали напирать, мол «превышение скорости»

и так далее. Особенно усердствовал один из них: конопатый, моложе меня, но уже налитый белесым нездоровым жиром. Я некоторое время думал, что за прозвище ему больше подходит: Геринг или Колобок, но остановился все-таки на Колобке. Настоящий Колобочище, только не тот наивный и безмозглый, который от дедушки с бабушкой дернул на улицу и там был до смерти замучен пороками, а такой вот Колобок, выживший после улицы. Улица его воспитала, а потом он поступил на работу в ГАИ, научился сечь фишку, брать бабло, рубить капусту, прессовать лоха, драть три шкуры и орудовать волшебной полосатой палочкой.

– Сколько у тебя скорость-то была? Двести? Вон ты сколько протащило! Заграждение поломал, создал аварийную ситуацию, такую тачку угробил! – с сердцем, словно это была его тачка, выговорил, наконец, Колобок.

– Это моя тачка... Была, – помедлив, пробормотал я. – Я не знаю, что случилось. Я стал тормозить, и меня развернуло, подняло в воздух. Как вертолет, понимаешь? На вертолете летать доводилось?

– На освидетельствование пойдешь, – не унимался хамоватый Колобок, – небось, коньячок всю ночь посасывал? Наркотики употребляем? Кокаинчик нюхаем?

– По себе судишь, брат? – равнодушно спросил я, и он сразу взбесился, стал совсем уже в открытую хамить, назвал меня... Как же он меня назвал? Не хочу повторять, это очень неприличное слово.

– Миха, – позвал Колобка его приятель, который исследовал оставшийся от «Infinity» металлолом. – Да брось ты его. Ты лучше иди сюда.

– А что там? – нехотя отозвался Колобок. – Что там такое?

– У него, похоже, диск лопнул. Сам посмотри. Разорвало прямо!

– «Лопнул», «разорвало», – ворчливо повторил Колобок, склонившись над колесом. Внимательно посмотрел и даже присвистнул. – Да чего же тут удивительного! Диск-то совсем изношенный. Ты смотри-ка! Тут износа миллиметра три-четыре, а можно полтора от силы. Чего ж ты так машину-то запустил? – уже вполне по-человечески, с сочувствием обратился он ко мне.

– Не может быть, – мотнул головой я. – Я совсем недавно новые тормоза, ну в смысле диски эти самые поставил. Кучу денег отвалил. Не могло там быть такого износа.

– Наивняк ты, – хохотнул напарник Колобка. – Иди сам посмотри, раз на слово не веришь. Говорят тебе, что старье у тебя на машине стоит. На них тысяч пятьдесят отъездили, и притом хорошо так отъездили, с ветерком. Ну ничего, страховая все возместит. Мы напишем, что ты не виноват. Ты только это... Ты нам спасибо не забудь сказать. Все-таки машина-то не две копейки стоит. У тебя в какой страховой машина застрахована?

– В «Сносно», кажется, – рассеянно ответил я, – у меня в бумажнике их визитная карточка, я должен позвонить.

– Конечно, звони. Эвакуатор пусть пришлют и аварийного комиссара. Что ты раньше-то не позвонил?

– Растерялся.

– Понятно. Пойдем к нашей машине, и давай документы свои, начнем оформлять...

Колобок взял мои права, поглядел в них, неопределенно хмыкнул, потом посмотрел на меня, затем еще раз поглядел на пластиковую карточку водительского удостоверения:

– Виктор Картье. Картье? Это фамилия твоя?

– Нравится?

– Да-а, – протянул он. – Ну и дела. А нет у тебя никого из знакомых с фамилией, ну скажем, Фаберже?

– Есть, – соврал я. – Все большие ювелиры знакомы между собой. У нас что-то вроде секты.

– Охренеть. – Колобок сдвинул фуражку на самое темя и потер лоб форменным рукавом.

– По поводу? – не понял я.

– Я имею в виду, кого только не встретишь на дороге. Я разных людей видел. – Он принялся загибать пальцы: – Михаила Круга-певца покойного, Кобзона Иосифа Давыдыча,

этого, как его, артиста-то... Во! Маковецкого! Да много всяких... Но вот настоящего ювелира Картье – это, конечно, впервые. Слушай, для тебя, наверное, эта машина все равно, что для меня окурок? Так же по фигу, да? Я в том смысле, что ты себе каждый день по такой же новой покупать можешь. Картье... Это ж какие деньжищи-то! Золото-брильянты! Эхх...

– Да ладно, никакой я не ювелир, – честно признался я, – однофамилец просто. Так что извини, но для твоей коллекции знаменитостей не гожусь.

– Жаль, – с сердцем ответил гаишник. – А я уж думал у тебя карточку со скидкой попросить. У жены скоро день рождения, хочу ей часики презентовать какие-нибудь прикольные.

– Прикольные? – удивился я. – Прикольные часики от «Cartier»? Да они же стоят кучу денег!

– А ты не переживай, – огрызнулся гаишник, – деньги у тех, кто работает, а я работаю – к твоему сведению. Ты мои деньги не считай. Договорились?

– Ладно, – мирно сказал я, желая поскорей «замять для ясности». – Мне нужно в страховую позвонить.

В страховой трубку, казалось, сняли еще до того, как у них зазвонил телефон. «Молодцы какие, – подумал я. – Оперативно работают».

– «Сносно», добрый день. Чем могу помочь? – приятный девичий голос. Ну, слава богу, сейчас весь этот кошмар закончится. Как все-таки хорошо, что придумали страховку «КАСКО»! Как хорошо, что в страховых компаниях работают такие вот милые, отзывчивые девушки. Ты звонишь с места аварии, ты волнуешься, ты готов рвать на себе волосы от отчаяния, тебе жаль погибшего автомобиля, и вот ты слышишь ее, страховую принцессу. Она сидит в своем воздушном замке, в руках у нее легкий волшебный жезл, увенчанный серебристой звездой, и мановением этого жезла она творит чудо, она делает так, что тебе становится спокойно на душе и ты понимаешь, что ничего серьезного не произошло. Что уже очень скоро приедет аварийный комиссар. Что тебя доставят куда тебе надо и не возьмут за это денег. А труп твоего автомобиля куда-то далеко утащит гробовщик-эвакуатор, и ты будешь навсегда избавлен от грустного зрелища разбитой вдребезги колесницы. Нет, прекрасно, что есть такие вот милые страховые принцессы...

– Виктор Иванович Картье? – переспросила принцесса, оторвав меня от размышлений.

– Да-да! – радостно подтвердил я. – Он самый!

– Хм-м, – совсем не по-принцесочьи произнесла она, и это ее «хм-м» мне совсем не понравилось.

– Что-то не так? – с немного наигранной озабоченностью спросил я, еще не чувствуя, впрочем, серьезного подвоха.

– Видите ли, господин Картье, срок вашей страховки истек сегодня, 16 июня, в 00 часов 01 минуту, – быстро проговорила принцесса, превращаясь в жабу.

Скажете, так не бывает? Еще как бывает. Все привыкли, что сказочная принцесса появляется в образе жабы и затем с ней происходят различные трансформации, превращая лягушачьи лапки в стройные ножки, а глаза навывкате в карие очи, и полумесяцем изгибается бровь. А здесь не сказка. Здесь вся правда жизни, как она есть. И правда эта такова, что никто, никакая жаба, никакая принцесса не выплатят мне страховую стоимость моей машины. А это значит, что я попал. Попал невероятно, попал на такое бабло, что осознание этого, вливаясь по капле в кровь, мутило меня похлеще любой гребаной синтетики (а меня всегда мутит от синтетики).

– Подождите-ка... – сразу тяжело задышав, выдавил я. – То есть как «истек срок»? Как такое может быть? У меня страховка VIP. Почему же никто меня не предупредил?!

– Мне очень жаль, – ответила принцесса. – По всей видимости, вам не смогли дозвониться. Обычно всем клиентам мы звоним заранее и предупреждаем, что полис заканчивается.

– Девушка, все мои телефоны работают постоянно, также работает электронная почта, скайп, аська! Я не в состоянии запомнить, когда именно у меня заканчивается страховка, я

занятой человек! – Перейдя на крик, я начал оживленно жестикулировать. Меня словно ломало изнутри, и движения тела выглядели нелепыми и спорадическими.

– Мне очень жаль, – повторила она. – Но уж что есть, то есть. Я вас по-человечески очень хорошо понимаю, но ничем не могу вам помочь. Если вы вновь станете страховать машину в «Сносно», то можете рассчитывать на привилегии для постоянного клиента.

– Для того чтобы страховать машину, ее вначале нужно купить, – буркнул я и вдруг, уразумев, наконец, что это конец и я только что потерял автомобиль ценой в сто тысяч баксов, что никакой аварийный комиссар никуда меня не доставит, а меня только что вежливо «послали», я взбесился. И уже готов был наговорить этой... из «Сносно» скабрёзных гадостей. Но сдержался и не наговорил. Просто сбросил звонок, вот и все.

– Ну чего? Страховая пришлет эвакуатор? – с плохо скрываемой насмешкой спросил Колобок (он все слышал и все понял).

– Хренатор она пришлет, – процедил я сквозь зубы.

– Слушай-ка, – оживился Колобок, – тогда давай я своему тестю позвоню. Он как раз на эвакуаторе колымит. Мужик нормальный, много с тебя не возьмет.

– Конечно. Чего ж ему много брать, раз у него зять в ГАИ? Ты ж его заказами-то всегда обеспечишь?

– Ну да, – ответил Колобок и оскалился в улыбке. – Семейный подряд. Нормально!

Я махнул рукой:

– Звони скорей. А то мне еще в Москву добраться на чем-то нужно, придется попутку ловить.

Колобок оскалился еще шире:

– Да ты не заморачивайся особенно. Я брательнику позвоню, он в тачке тут работает в местной. Довезет с ветерком.

– Предприимчивый ты какой! – подковырнул я его.

– Нормально, – беззаботно повторил Колобок и стал звонить тестю и брательнику.

*16 июня,
полдень / flashback*

В офис я добрался к полудню... Понимаю, что звучит это банально и во всех банальных историях банальные герои банально добираются куда-либо именно к полудню, а в полночь банально бьют часы и еще случается множество всякой банальной всячины. Но я, лично я, совсем не против полудня и полночи. К чему избегать того, что существует вне зависимости от тебя. Да что вообще от тебя зависит? Что зависит от каждого из нас в отдельности? Также не стоит избегать банальностей, так как из них состоит сама жизнь по большей части.

Стеклянные двери тихо разошлись, пропуская меня; я оказался в вестибюле нашего бизнес-центра, прежде бывшего зданием завода «Красный пролетарий». Новое время: пролетарием быть непрестижно, и теперь вместо пролетариев офисный планктон. «Пролетарии всех стран, объединяйтесь?» Какая несусветная глупость, какой неправдоподобный, заранее невыполнимый призыв! Пролетарии имели обыкновение объединяться максимум «на троих»: откуда-то из моего детства растет воспоминание о карикатуре из журнала «Крокодил». На ней нарисована бутылка водки с тремя горлышками, на этикетке надпись «На троих. Особая». Пролетарии в этом отношении были куда как дружнее пришедшего им на смену офисного планктона. В стае офисной мелкоты каждый сам по себе, а планктоном нас делает наша удивительная схожесть друг с другом. В офисном служебке нет индивидуальности. Мелкие клерки поголовно носят дешевые бренды вроде «Tissot» и «Zara», если говорить о часах и тряпках. Чуть поднялся, глянь, он уже имеет на запястье «Longine», а костюмчик у него от «Pal Zileri» и куплен в магазине распродаж под Миланом. Что до меня, то я сверяю время по «Breguet» и достаю носовой платок из пиджака «Zegna». Это значит, что я топ-менеджер.

Моя контора – это медиахолдинг, состоящий из телеканала, двух газет, нескольких интернет-сайтов разной направленности: мода, новости, бизнес. Я отвечаю за всю,

проходящую через структуры холдинга рекламу. У меня прекрасная работа, не самая плохая зарплата, вокруг меня постоянно вращается множество известных людей (вернее, это я вращаюсь вокруг них) и красивых женщин, некоторые из которых были, есть или будут моими скоропостижными любовницами. В этом мире предпочитают быстрый и ни к чему не обязывающий секс. Почему бы не заняться этим, раз это приносит удовольствие? Человек сейчас ставит собственное удовольствие в качестве высшего приоритета, и все мы стремимся лишь к одному – получить удовольствие, насладиться, чего бы это ни стоило, и страшно переживаем, когда нам не хватает денег, чтобы насладиться именно так, как мы о том мечтаем.

Я давно уже не живу на одну зарплату. Тот образ жизни, который я веду, является весьма затратным. К тому же я создал семью с женщиной, которая любит жить на широкую ногу, а с рождением дочери мои затраты возросли настолько, что зарплата не покрывала их и на треть.

Мою жену зовут... Хотя «зовут» – это неправильно. Вообще неправильно, что я принялся за этот рассказ в настоящем времени. Все это «было», а значит, верно будет сказать «звали». Итак, жену мою звали Ларисой. Мы познакомились с ней в автосервисе. И у нее и у меня были тогда «Ниссаны»: у меня «Primega», у нее букашечная «Mitsa». При автосервисе действовало кафе. Я взял свою чашку, сел на диванчик, обтянутый коричневым дерматином, уставился в телевизор. Передо мной стоял журнальный столик, на столике лежали журналы «Hello», «Cosmopolitan», «GQ» и «7 дней», содержимое которых было мне настолько хорошо знакомо, что я даже не стал утруждать себя пролистыванием. Недалеко от меня сидела приятная девушка офисно-ухоженного вида и листала «Esquire». Помню, я тогда удивился тому, что она выбрала именно этот журнал, так как в нем порой попадались довольно заумные статьи, что не вполне, на мой взгляд, подходило для глянца. Я решил, что девушка как минимум не пустышка, раз читает «Esquire». Пульт от телевизора лежал там же, на столике, и я потянулся за ним, снедаемый желанием переключить какой-то восхитительно-тупой сериал про милиционеров и отыскать программу новостей или в крайнем случае MTV или Discovery.

– Зачем вы переключили? – услышал я ее недовольный голос. – Я смотрела этот канал.

Я сделал вид, что удивился:

– Вот как? Но я предполагал, что вы читаете этот умный журнал и не обращаете внимания на то, что происходит по сторонам.

– Умный? Журнал? Этот? Вы шутите? Что тут может быть умного? Знаете, если бы гляцевые журналы печатали хоть что-то умное, то их просто некому было бы читать.

Я был заинтригован, она явно шла на контакт, она сказала слишком много для простого ответа. Так мы и познакомились.

Лариса работала референтом у одного большого босса из «Wrigley». Мы варились в одной с нею кастрюле, имели общих знакомых, наши деловые орбиты пролегли неподалеку друг от друга. Она происходила из приличной питерской семьи: не сливки интеллигенции, но просто порядочные, крепкие в своих убеждениях люди. Она не любила Москву и постоянно сравнивала ее с Питером, утверждая, что здесь, в Москве «все не так». Спрашивать у нее, зачем же тогда она переехала из Питера сюда, я не стал, так как давно привык к легкой ксенофобии как со стороны питерцев по отношению к москвичам, так и наоборот. Сам-то я никогда не был настроен по отношению к питерцам враждебно, но и Москву я никогда особенно не любил, потому что всегда стараюсь быть в тренде, а нынче, среди коренных москвичей, принято показательно не любить Москву, поругивать ее и тому подобное.

Лариса жаждала вить гнезда. Ее страстной мечтой была большая квартира в хорошем районе, большой дом по престижному направлению, большой автомобиль повышенной проходимости и большой счет в банке. На мой вопрос, а зачем все это, она сделала огромные глаза, хмыкнула и совершенно серьезно ответила:

– У всех же так.

У кого это «у всех»? Хотя, разумеется, она была права и нацелена на то же, на что был нацелен я. Однако жизненный комфорт был нужен мне прежде всего для внутреннего ощущения свободы. Я думал: «Квартира, дом, счет. Один раз купил, построил, открыл, и все, эта страница жизни перевернута, можно идти дальше и утопить свою жизнь в омуте радости:

тусоваться с разными клевыми людьми, путешествовать... Да мало ли?» И вот я начал соображать, как бы мне все это повернуть по-быстрому. Меня крайне напрягала перспектива растянуть обретение всех вышеперечисленных активов на долгие годы. Хотелось всего и сразу. Только так. На своем месте я получал пять тысяч долларов в месяц. Кому-то подобная зарплата покажется шпилем замка желаний, я же считал, что мне колоссально недоплачивают, и на этом убеждении довольно быстро построил систему защиты от собственной совести. Совесть бубнила: «Не воруй, не бери взятки, живи честно», но все это ее надсадное нытье расшибалось о бастионы моего цинизма и алчности. Рекламщики в большинстве своем – это довольно грубые, развязные, вспыльчивые и агрессивные люди, одержимые погоней за быстрой прибылью. Да простят меня коллеги по цеху, вернее, забегаю вперед, скажу: «бывшие коллеги по цеху», но портрет типичного топ-рекламщика выглядит, по моему мнению, именно так. Ведь я частенько гляжусь в зеркало и вижу там именно такого вот прожженного циника, которому глубоко наплевать на все, кроме Лавандоса. Лавандос, кстати, в пантеоне богов рекламщика, да и всякого топ-менеджера – это бог денег, и имя его пишется, конечно, только с большой буквы.

Мой шеф, Максим Кирсанов, один из держателей пусть крошечного, но тем не менее все же пакета акций холдинга, был избран на свою должность тайным голосованием, проходившим в штаб-квартире головной организации, что в славном городе Нью-Йорке. Нью-Йорк... Я произношу это название, и по спине моей бегают мурашки, сладко жая, впрыскивая под кожу яд возжеления. Я люблю этот город. Я люблю его больше всех других городов на свете. Но хорошо жить там, где нас нет, поэтому я живу в Москве и, как я уже и говорил, сильно ее не жалею. Что же до моего шефа, то этот парень прочно держал бога за бороду, ездил в «Роллс-Ройсе», был нереально крут и со мной держался запросто. Частенько мы выпивали прямо у него в кабинете. У Макса (так он требовал называть себя) всегда имелся чудный коньяк «Nine», мой любимый, невероятно стильный и вкусный дубовый аквавит, который я ставлю на голову выше всех прочих коньяков, сколько их есть на белом свете.

За коньяком мы решали рабочие вопросы, но Макс никогда не давал себе поблажек в виде душевного сближения с подчиненными и партнерами по бизнесу. Он уважал лишь тех, кто стоит выше него, тех, у кого больше акций, – своих американских боссов. Он прошел тщательный отбор и был утвержден всеобщим голосованием совета директоров: 34 – при одном воздержавшемся. А совет состоял сплошь из американских акул медиабизнеса, причем многие из них имели немножечко, такибожежмой, одесские корни.

Во всем, что касалось бизнеса, это был человек-танк, который невозможно было подбить. Он пер напролом, сквозь любую словесную пургу, которой его пытались закидать бестолочи, не знающие еще, с кем они имеют дело. Он никому не позволял надрать себе задницу. И я всегда знал, что кроется за его кажущимся добрым отношением.

– Ты мне нужен, нужны твои мозги, поэтому ты можешь сидеть в моем кабинете, пить мой пятисотдолларовый коньяк и курить мои сигары «Cohiba», – сказал мне однажды Макс, выпустив изо рта красивое, правильной формы колечко дыма. – Я плачу тебе больше остальных потому, что ты жесткий переговорщик и действуешь в интересах фирмы. Ты вообще тот, кто мне нужен. Но! – Он поднял коньячный бокал на уровень глаз и плавно покачал его, любуясь длинными, стекающими по стенкам «ногами», что свидетельствовало о высоком качестве напитка. – Ты помнишь, что сказал колумбийский наркобарон Соса своему американскому партнеру Тони Монтана? «Не пытайся облажать меня», – вот что он сказал ему. Вот и ты... – Макс поставил бокал на стол и пристально посмотрел на меня, – ...не пытайся.

– Киллера пришьешь? – невольно вырвалось у меня.

– Хуже, – усмехнулся Макс. – К чертовой матери выкину тебя из медиабизнеса. Раз и навсегда. Станешь никем. Это будет страшней киллерской пули, не так ли? Самое страшное забвение не то, что наступает после смерти, когда тебе уже все равно, а то, которое ты ощущаешь при жизни, сделавшись изгоем, отторгнутым системой, которая прежде была для тебя кормящей матерью.

Макс, сам того не желая, стал катализатором моей алчности. Я переступил порог, за которым кончается относительно честная жизнь и начинается жизнь коррумпированная, после того как он пригласил меня провести один из выходных дней в его загородном доме.

– Захвати с собой жену, – посоветовал Макс, – пусть они познакомятся: твоя жена и моя. Она любит, гм... женщин. Пока они будут трепаться о своем, мы с тобой сыграем в гольф. Ты играешь в гольф?

– Пару раз пробовал, – честно признался я, – так что игрок из меня тот еще.

– Это ничего, – беззаботно махнул рукой Макс, – покажу тебе пару хороших ударов. В гольфе главное – крепкая рука и мозг, который ее контролирует. Ну и чуть-чуть техники...

И вот, в следующую субботу, мы с женой отправились в гости к Максиму в Горки-9.

Миновав два поста военизированной охраны и подъехав к его дому, мы были потрясены роскошью, о которой и не подозревали.

– Сколько же этот парень зарабатывает? – вырвалось у меня. – Мать его...

За изысканной кованой оградой начинался парадный двор, выложенный настоящей, баснословно дорогой брусчаткой. Везде господствовала строжайшая, выверенная симметрия. Во дворе были устроены два абсолютно одинаковых, роскошных фонтана. Каждый из них украшала группа из трех обнаженных бронзовых девушек. Высоко над головой они держали по большой раковине, из которых били вверх струи воды, поднимаясь на высоту нескольких метров и красиво рассыпаясь радужными брызгами на миллион сверкающих самоцветов. Фонтаны окутывала легкая водяная дымка. Далее высился массивный особняк в георгианском стиле, из красного кирпича, с медной кровлей, покрытой благородной патиной. Участок земли был огромным. Прежде этим поместьем, занимавшим не менее полутора гектаров, владел бензиновый король по фамилии Шахматов. Но однажды он проиграл свою партию, получил фатальный шах, за которым должен был последовать неминуемый мат. Тогда, не дожидаясь худшего, король Шахматов бежал с континента на британский остров, а его многочисленная собственность была распродана через доверенных лиц.

За домом начинался английский парк с частыми скульптурами – копиями известных античных статуй. Живой изгородью парк был отделен от крупного спортивного комплекса. На одной его стороне был большой плавательный бассейн, на другой тренажерный зал, а в середине – теннисный корт, накрывавшийся на зиму надувным куполом. Макс находился в прекрасной физической форме и однажды, «на спор», прямо в офисе упал на пол и отжался 100 раз менее чем за полторы минуты.

У входа нас встретила Полина Кирсанова, привлекательная и разговорчивая брюнетка, сразу же приятно поразившая меня буквально исходящими от нее теплом и дружелюбием. Она представляла собой разительный контраст с моей супругой. Лариса была словно ошетилившаяся против всего мира кошка. Она только и шипела: «Посмотри, какой автомобиль у тех-то, какая у этих новая мебель. Ишь, какую шубу она себе позволяет, а сама-то страшна, словно атомная война». Лариса не любила людей, и я никогда не слышал, чтобы она сказала о ком-нибудь хоть что-то нейтральное, поэтому я заранее предвкушал ее длительный, полный колкостей и сарказма монолог после сегодняшнего приема.

Полина провела нас через комнаты, отделанные в традиционном классическом стиле, где стены были покрыты шелковыми английскими обоями с изысканным рисунком, потолки украшены изощренными лепными украшениями, на полах лежали редкие иранские ковры. Помещения, по которым она вела нас, были обставлены дорогой антикварной мебелью, привезенной Максимом из Европы. Я украдкой бросил взгляд на Ларису. На нее было жалко смотреть: она кусала губы, и казалось, что вот-вот моя жена сядет прямо на ковер за тридцать тысяч евро и разревется. Висевшие на стенах картины показались мне, не искушенному в живописи, настоящими произведениями искусства. Как выяснилось, Полина была азартным коллекционером антиквариата и картин европейских и американских художников. Помимо всего прочего она получила прекрасное образование, окончила бизнес-школу в Гарварде и работала на высокой позиции в московском «Райффайзен-банке»... Я быстро подсчитал, что только для поддержания подобного образа жизни семейство Кирсановых должно тратить

никак не менее миллиона рублей в месяц, и сердце мое нехорошо заныло от нахлынувшей зависти.

Тем временем мы продолжили путь через парк и спорткомплекс. Я видел, что покрытие теннисного корта украшала крупная монограмма ПМК, буквы переплетались между собой, их венчала корона, напоминая корону в эмблеме часов «Rolex». Почему-то, вспомнив о «Rolex» – пошлейшем бренде, который предпочитают всякие саудовские шейхи и прочие аль-файеды, мне захотелось рассмеяться во весь голос. Сейчас я понимаю, что это была просто истерика, вызванная всем этим невероятным чужим богатством.

Макса нигде не было видно. Оказалось, он ожидал нас у края поля для гольфа, сидя в роскошном плетеном кресле и попивая свежавыжатый овощной сок из высокого тонкостенного стакана. Это был своего рода сюрприз: здесь, прямо на краю поля, под тентом, был накрыт отменный стол, и за столом этим сидел Макс-великолепный, Макс-супермен. Одет он был, как всегда, безупречно: небесно-голубой пуловер от «Burberry», белая рубашка, выгодно оттенявшая его круглогодичный загар, ботинки «Ессо» с подошвой, оснащенной специальными протекторами для ходьбы по безукоризненно подстриженной траве поля для гольфа. Отвечая однажды на вопрос, почему он постоянно носит белые рубашки, Макс сказал: «Мне в жизни и так слишком часто приходится принимать решения, так пусть хоть выбор рубашки не морочит мне голову, и вообще я считаю, что белая рубашка подходит ко всему». Его черные, словно у итальянца, волосы были изящно подстрижены и разделены аккуратным пробором. Макс поставил свой стакан, встал и, широко улыбаясь, плавно развел руки, словно обнимая всех нас. Пригласил за стол. Выглядел он слегка уставшим, но вскоре сицилийское вино ударило мне в голову, и я перестал обращать внимание на такие тонкости. Обед был изысканным. Слуга в белых перчатках подал мне напечатанное на плотном картоне меню:

– Суп из спаржи или крем-суп из сельдерея и белых грибов? – спросил этот парень, и я, не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями, промычал в ответ что-то невнятное. В результате я вынужден был есть суп из спаржи, к которой всегда относился довольно равнодушно.

Захмелевшая Лариса всю болтала с хозяйкой дома. Мою жену несло: она строила воздушные замки неуклюжего вранья, рассказывая о нашей «огромной» квартире и планах будущего загородного дома. Вежливая Полина слушала, не перебивая, но со стороны я видел, как в глазах ее несколько раз появлялось и тут же исчезало снисхождение, так свойственное всем богатым людям, вынужденным выслушивать хвастовство нетрезвого плебса. Наконец Полина не выдержала и, всплеснув руками, воскликнула:

– Я уверена, что все у вас будет просто чудесно! У вас в доме должна быть просторная кухня. Пойдемте, я покажу вам свою.

Кухня в доме Кирсановых была больше, чем вся наша квартира. Богатство Макса и его жены произвело на меня неизгладимое впечатление. Перед началом визита я предполагал решить пару важных рабочих вопросов из числа тех, что нужно решать именно в неофициальной обстановке и под хмельком, но наш разговор с Максом не клеился. Наконец, несколько часов, отведенных для визита, истекли. Мы болтали о том о сем, немного посплетничали про одного клиента (у парня была непростая и бурная личная жизнь, в которой он не делал различий среди пола своих партнеров). Женщины вот уже некоторое время не показывались. Вдруг я увидел, что в нашу сторону быстро идет, почти бежит, раскрасневшаяся Лариса.

– Нам пора, – решительно произнесла она. – Макс, огромное вам спасибо, все было очень вкусно.

– Да-да, всегда к вашим услугам, – рассеянно ответил он и кивнул мне: – Ждем в другой раз с ночевкой.

Это его «с ночевкой» вызвало у Ларисы нервную дрожь. Я никогда еще не видел ее такой. Причина же ее поведения выяснилась только в машине, где супруга устроила мне настоящую адскую пытку, которая продолжалась на протяжении всей дороги домой. Порой я даже думал, не врезаться ли мне в дерево той половиной машины, где сидела она и тем самым

заткнуть фонтан ее грубого красноречия.

– Почему ты не предупредил меня, что эта чертова Полина лесбиянка! – вопила жена. – Она лапала меня, гладила по заднице, пыталась поцеловать!

– Дорогая, успокойся. У меня уже очень сильная эрекция от твоих слов, это мешает мне вести машину, и я к тому же не очень трезв.

– А все потому, что нормальные люди давно ездят с водителем! – еще больше завелась Лариса. – А ты только и можешь, что собственную жену подкладывать под лесбиянок!

– Откуда же я знал? – спокойно возразил я. Меня очень забавляла вся эта ситуация, и я был в миллиметре от приступа ломающего тело смеха.

– Хорошо. Ты не знал, – как будто успокоившись, выпалила Лариса. – Но ты видел, как они живут? Ты это видел? Сколько лет этому твоему Максусу? Да они же не старше нас с тобой, а уже слуга в перчатках...

– Ты наблюдательна, – быстро вставил я. – И у тебя превосходная память! Как это ты запомнила, что он был именно в перчатках?

– Толку-то? Ты мне зубы не заговаривай! Ты лучше ответь мне, когда у нас будет что-то подобное? Я не могу долго ждать!

– Почему?

– Я беременна. Ребенок должен иметь условия!

Наша дочь родилась спустя семь с половиной месяцев после того памятного визита к Кирсановым. К моменту ее появления на свет у нас появился очень даже сносный загородный дом со всеми удобствами, а над моей головой постепенно стали сгущаться тучи.

Дом обошелся в полтора миллиона долларов. Как я сделал эти деньги? Все настолько несложно, что описание никого сильно не утомит. Есть контент, который необходимо превратить в деньги, и в нашем холдинге такого контента немало. Прежде всего это телесериалы. Их необходимо сделать рейтинговыми, вдолбив в головы тех, кто еще смотрит телевизор, что именно «Дочки», «Институт», «Кукины» – это то, без чего не в состоянии обойтись их душа и тело. Надо заставить пипл хавать. Как только сериал, что называется, «выстреливает» и занимает верхние строчки в сводных таблицах рейтингов, рекламодатели выстраиваются в очередь. Все они хотят купить рекламное время в рейтинговом сериале, понимая, что их рекламу увидит большое количество хавающего это говно пипла. В сериалах вроде «Дочек», которые смотрят детишки, начиная с детсадовского возраста, охотно покупают время производители вредной сладкой газировки, шоколадных батончиков и прочих детских радостей. Остальные компании-производители всего-чего-угодно, также не против «зарядить» детские мозги на будущее, сделав из детей потенциальных потребителей своего майонеза, автопокрышек и пылесосов. Все, о чем я рассказал в двух словах, ясно как божий день, но без этого небольшого вступления было бы невозможно перейти к сути моего преступного бизнеса. Именно я был тем человеком, который отвечал за рекламный бюджет того или иного контент-продукта. Постепенно я начал завышать сметные расходы, предварительно договорившись с собственниками рекламных поверхностей – агентствами, производящими и размещающими «наружку»: все эти билборды, постеры на остановках, афиши и так далее. За размещение заказа рекламные агентства откатывали мне по 20–25 процентов его стоимости, что выражалось в кругленькой сумме наличных. По своей работе я часто посещал крупнейшие рекламные агентства Москвы и Питера и пакеты с деньгами получал прямо там, за закрытыми дверями. Как правило, это были доллары или евро, реже рубли. Если я получал взятку рублями, то немедленно конвертировал их в более надежную валюту, а деньги хранил в нескольких банковских ячейках. Был соблазн размещать деньги на срочных депозитах и начать играть на бирже, но я не доверял мифу о банковской тайне, а открывать вклад на имя Ларисы как-то не хотелось. Что касается биржи, то здесь я не готов был рисковать и предпочитал пусть и банковскую, но все-таки кубышку. Когда дело дошло до покупки дома, то мне все же пришлось оформить его покупку на жену. И здесь меня даже не пугал тот скандал, который она готовилась устроить мне, оформи я дом на себя. Нынешняя доступность любых сведений о собственности кому угодно, в том числе службе безопасности

холдинга, делала внезапное появление у меня загородного особняка такой откровенной подставой, после которой угроза Макса выбросить меня из бизнеса выглядела более чем реалистично. А так всегда можно было объяснить, что это «наследство» супруги, дар ее родителей, что угодно. Я даже хотел нанести «упреждающий удар»: сообщить Максиму о том, что мы, наконец, тоже обзавелись домом, и пригласить его в гости, но в последний момент я передумал. Никогда не стоит показывать своему работодателю, на что ты тратишь денежки, которые он тебе платит. Это, как правило, сильно его травмирует. У него возникают небеспочвенные подозрения. Обязательным номером программы является попадание «под колпак» к СБ. Коллеги начинают коситься и перешептываться за спиной. Поразмыслив обо всем как следует, я решил просто молчать.

Шло время, я познал всю прелесть легких денег, и вот что я понял: эгоизм, который живет в каждом из нас, с невероятной силой активизируется именно тогда, когда ты начинаешь с легкостью удовлетворять те свои желания, которые раньше казались тебе малоосуществимыми. Хотел каждый день обедать в ресторанах, получил такую возможность и тут же ощутил внутри себя нехорошее чувство пустоты. Раньше желание наполняло тебя, а теперь его нет, оно исчезло! Но внутри не может быть вакуума, и тут же на место прежнего желания приходит другое. И его ты можешь удовлетворить уже за бóльшие деньги. Эгоизм – это персональный наркотик, который живет в каждом человеке. Дай ему проснуться, и он может выйти из-под контроля и погубить тебя. Тот, кто смог обуздать свой эгоизм, накинуть на него аркан, стреножить, тот и есть по-настоящему счастливый человек. Заставить эгоизм утихнуть в восточных религиях называется «достичь совершенства». Да, я воплотил в жизнь мечту: купил дом, но счастливее от этого не стал. Мой эгоизм гнал меня вперед, нещадно стегая, точно ездовую лайку. Мир вокруг меня изменился, и я изменился вместе с ним.

Макс чувствовал, что со мной что-то не в порядке. Однажды он задал мне прямой вопрос:

– Старик, что с тобой происходит?

– А... что? – рассеянно переспросил я, старательно отводя взгляд.

– У тебя, спрашиваю, все в порядке? Ты плохо выглядишь. Может, ты заболел? Устал? Тебе нужен отпуск?

Тогда получилось как-то отшутиться, но с тех пор я частенько ловил на себе пристальный задумчивый взгляд Макса из серии не предвещавших ничего хорошего. Но шло время, ничего особенного не происходило, и так было до того самого дня, когда я подъехал к офису на «Infinity». Я вполне мог себе позволить такую машину и без всякого «левого» приработка, во всяком случае, мне так казалось (с денежным приливом мировоззрение меняется). Однако я сильно ошибался. Коллеги через одного перестали со мной здороваться: завидев меня, многие отворачивались, и я про себя называл их «завистливыми тварями». У меня появилась постоянная любовница Маша, помимо нее я встречался еще с несколькими разными женщинами, среди которых была совсем молоденькая стриптизерша из «Распутина». Первый раз она досталась мне в качестве представительского подарка одного из собственников крупного агентства наружной рекламы. Ей было от силы лет девятнадцать, и я никогда еще не держал в руках столь совершенного тела. Все случилось в самых больших апартаментах «Распутина», тех самых, с большой гостиной, где стоит тяжелый стол, окруженный стульями с готическими спинками, а справа, под огромным балдахином большая круглая софа с множеством подушек. За круглой софой проход в будуар с джакузи и широченной королевской кроватью, упругой, словно спортивный снаряд для прыжков. Есть в этих апартаментах сауна, душевые и еще какие-то помещения непонятного предназначения. Стены украшены фотографиями «распутных» девушек. Стриптизерша была настолько превосходно сложена, что казалась ненастоящей. Она дала мне свой телефон, мы иногда встречались, и я каждый раз платил ей за секс, дурачась и представляя себе, что я пузатый «папик» – мужик на шестом десятке, которому женщины дают только за большие деньги. Я даже обещал устроить ей кастинг в агентстве «BBDO», но потом мне надоело быть спонсором какой-то профурсетки, и я прекратил встречаться с ней.

*16 июня,
12 часов 06 минут*

История, которую я хочу рассказать, началась тогда, когда после дорожного несчастья и потери автомобиля ценой в 100 000 долларов я в конце концов добрался до офиса. Дурные утренние предчувствия начали сбываться, и лишь за порогом офиса я перевел дух, посмотрел по сторонам, убедился, что все здесь по-прежнему, обстановка привычна, люди те же. Вот и секретарь Макса – женщина сорока пяти лет из серии «усохшая блондинка» – была все той же усохшей блондинкой. Грустный возраст: женская осень. Еще хочется, еще может, но поезд жизни уже прибывает на станцию «Старость», и очень мало шансов на то, что он проскочит ее без остановки.

– Он просил тебя зайти, – не поднимая головы, так, словно у нее на темени были глаза, с прокуренной хрипотцой сказала усохшая блондинка. – Прямо так и сказал: «Как появится Картье, пускай сразу же зайдет ко мне».

– О'кей, Сима (так ее и звали). Сейчас выпью кофе, проверю почту и зайду.

– Нет, Виктор, он действительно настаивал, чтобы ты зашел к нему сразу же, как только появишься. – Она подняла голову, и я убедился, что глаза у нее на месте, там, где им и положено быть, и в глазах этих прячется какая-то нехорошая лукавинка. Она явно о чем-то знает, но молчит и наслаждается своим владением тайной. Отношения с усохшей блондинкой у меня были немного натянутыми, поэтому нечего было и думать, чтобы по-свойски ей подмигнуть и полусшепотом спросить:

– А к чему такая срочность? Что случилось?

Нет, нет. Как-то раз, на новогоднем корпоративе, между мной и ею случился какой-то неприятный, полупьяный разговор, и, кажется, я что-то такое сказал ей, что-то насчет того, как старательно она пытается закадрить молоденького совсем айтишника и поехать с ним после корпоратива в номера. Да, кажется, именно так я и пошутил с ней тогда и нажил себе врага. Сам виноват. Никогда не стоит высмеивать чужие чувства, сколь бы ничтожными они ни выглядели со стороны.

– Хорошо, я зайду прямо сейчас, – сказал я так, словно делал ей легкое одолжение.

– Подожди минутку, у него там Бирюков в кабинете, я спрошу...

Бирюков – начальник нашей службы безопасности. По моему мнению, просто тупой кретин. Строит из себя секретного агента на пенсии: носит пиджак в мушкетерскую елочку, а на лацкане пиджака у него значок: щит и меч – символ Лубянского братства, которое в божественных кругах принято именовать не иначе, как «кровавая гэбня». Я никогда не сталкивался с ним. С такими, как этот супермен, у меня никогда не было ничего общего. Моя фамилия Картье, видите ли. Никакого отношения к ювелирному дому, просто однофамильцы. При царском режиме мои предки были инженерами и преподавали в гимназиях. Но доказать это чекистам, которые с 1937-го по 1945-й держали в холодных сибирских пределах мою бабулю, встретившую там моего деда – русского физика Льва Неменова и зачавшую в заключении мою маму, было невозможно. Они посадили ее из-за фамилии. Ведь не такая, как у всех. Выделяется. Отдает аристократическим, контрреволюционным сионизмом. Впрочем, мотив у них все же был: отец моей бабушки, мой прадедушка, был мобилизован в 1915-м в чине полковника инженерных войск царской армии.

Контрреволюционная фамилия моей родни приносила беды вплоть до 1945-го, а потом моего деда вызволил из концлагеря сам Курчатов. Он сказал, что не представляет себе, как будет работать над бомбой без моего деда, которому на тот момент исполнилось уже пятьдесят два года. Бабуля была дедушкиной последней страстью, и он, выпятив вперед бородку клинышком, заявил, что без своей Ирочки (так звали мою бабушку) выходить из лагеря не собирается. Их освободили. Я помню, как бабушка любила рассказывать о своем последнем дне в лагере. Как вызвал ее начальник лагеря, вот такой же «Бирюков». Как заставил стоять перед ним, уже беременную, на седьмом месяце. Как долго и тяжело молчал, нагоняя ужас, лениво листал бабушкино «дело», курил папиросы «Казбек», многозначительно

покашливая. И вдруг так неожиданно, резко, прямо в лицо:

– Что, сука, подстелилась? Как это у вас баб все так ловко получается, особенно на раздельном режиме? Это еще расследовать надо, налицо преступный сговор. Знала, что ли, под кого подстелиться-то?

– Вам не понять, товарищ чекист, – храбро ответила бабушка.

– Это почему же? – нахмурился майор – начальник лагеря. – Почему же это я, офицер НКВД, не смогу понять, как такая троцкистская сволочь провела товарища Неменова? Я-то как раз все очень хорошо понимаю. По ошибке ты выходишь, Картье, по чьей-то большой ошибке...

– А вы, товарищ начальник, изложите свои соображения письменно и пошлите лично товарищу Сталину. Это по его приказу нас с мужем досрочно освобождают из вверенного вам учреждения. Вот вы ему и напишите, что он, дескать, ошибся. Знаете, мне кажется, ему бы это не понравилось. Товарищ Сталин ошибаться не может.

Далее бабушка изображала рожу этого майора, которая сначала стала цвета свеклы, а потом побелела, словно бумага. От него запахло чем-то очень неприятным, словно майор наложил в штаны. И... бабушку выпустили.

И вот подобные рассказы я слушал и впитывал в очень молодом возрасте. И я, так сказать, с младых ногтей усвоил следующее правило: «Никогда не имей ничего общего с Системой. Она сама по себе, ты сам по себе». Не то чтобы ненависть, но очень осторожное, неприязненное отношение ко всякого рода людям в погонах было растворено в моей крови, присутствовало на генном уровне. Бабушка не поменяла свою фамилию в силу того обстоятельства, что именно из-за нее она угодила в концлагерь. Из гордости не поменяла. Она считала это неопровержимым аргументом в пользу того, чтобы не брать при замужестве фамилии деда, у которого к тому же была первая семья и в ней уже взрослые дети. Не желая носить клеймо «детей врага народа», они поспешили от дедушки отказаться, и дедушка сказал, что не намерен давать своей дочери, моей матери, свою фамилию:

– Чтобы не пришлось больше отказываться от родного отца, – говаривал он, бывало, топорща свою бородку клинышком, а-ля всесоюзный староста товарищ Калинин.

Вот такой неслабый экскурс в историю. А как объяснить иначе мою неприязнь к этому Бирюкову? Я его и всерьез-то никогда не воспринимал и не разговаривал с ним и, кажется, даже не здоровался...

– Здравствуйте, гм... – откашлялся я, вспоминая, как там, черт побери, его зовут, Бирюкова-то. И не вспомнил.

– Привет, Макс, – бросил я Кирсанову и, не дожидаясь приглашения, сел. – Вызывал? У меня утром были траблы с тачкой. Зато теперь все хорошо, тачки нет и траблов нет соответственно.

Макс на мое приветствие не ответил. Он смотрел на меня и покусывал губы. И молчал. И Бирюков тоже молчал, но молчал выжидающе, ожидая команды, и он ее дождался.

– Юрий Владимирович, начинайте, – попросил Макс. – Я думал сам, да у вас, верю, лучше получится. В конце концов, это ваша работа.

– Спасибо, Максим Филиппыч. – Бирюков почтительно поклонился хозяину. Послушный пес, на тебе за службу медаль из кружка колбасы.

– Ну что, господин Картье, – обратился ко мне Бирюков, и под правым глазом его задергалась голубая прожилка. – Желаете, быть может, сами? Не дожидаясь, так сказать, вещдоков?

– Не понимаю... – проямлил я, чувствуя, как разливается в желудке противная, холодная, густая жижа. Так рождается ужас. Он наполняет изнутри, а потом выходит наружу сквозь поры и называется «холодный пот». Я не ждал, что все это случится именно так. Получается, что меня застали врасплох, не дали сосредоточиться, подготовить оборону.

– Как видите, Максим Филиппыч, клиент поплыл, – потер руки довольный Бирюков, и под глазом у него перестало дергаться. – Господин Картье, мой департамент, разумеется негласно, работал по вам два последних месяца. И, признаться, не напрасно. Удалось

выяснить, что живете вы, мягко говоря, не по средствам.

– Хватит вам, – устало отмахнулся я. – Прекратите тут красоваться. Тоже мне монолог Чацкого. Мои средства вас не касаются. Макс, освободи меня от этого рыцаря плаща и кинжала, прошу тебя.

– Старичок, ты уже сам себя освободил. От всего. – Макс горько усмехнулся. – Твоими стараниями холдинг переплатил рекламным агентствам такую сумму, что тебе ее, по моим подсчетам, должно хватить до старости. Нагрел ты меня крепко, сволота, – вдруг рывкнул Макс и саданул кулаком по столу.

Все это было хорошо отрепетированным спектаклем. Они давили на меня вместе и каждый в отдельности. Макс улыбался иезуитской улыбочкой и на короткое время впадал в ярость, вновь принимался стучать кулаком, орать. Поведение психопата. Бирюков гвоздил меня теми самыми «вещдоками», поэтапно, факт за фактом озвучивая длинную цепочку моих преступлений. Я, молча, слушал, безучастно смотря перед собой. Отпираться было бессмысленно. День продолжался, он стал точкой, в которой сошлись все лучи моей неправильной жизни, словно они прошли сквозь призму моих грехов. Какая циничная и строгая физика!

– Здоровье-то у вас крепкое, господин Картье, – рассуждал Бирюков, – как бы вам его часом не надорвать.

– Деньги нужно будет вернуть, Виктор, – Макс щелкнул гильотинкой, срезая кончик сигары. – Иначе...

– Что иначе? – встрепенулся я. – Грохнешь меня? Ты чего тут фарс устроил? Или считаешь себя честным человеком? Да ты сам вор, каких еще свет не видывал! В гольф он играет, видите ли! Лакей у него в перчатках, ковры персидские! «Роллс-Ройс» под задницей! Откуда все это?! Честно заработал, скажешь? Ах ты! Меня пугать не надо, сейчас не то время. Ничего я не верну! Мне нечего возвращать! Этот, – я ткнул пальцем в сторону Бирюкова, и тот оскалился, словно зажатый в угол волк, – бредит наяву! Он же сумасшедший, у него мальчики кровавые в глазах!

– Скажите мне, товарищ Бирюков, – обратился я к чекисту, решив, что терять мне уже нечего, – у вас реально горячее сердце, холодный мозг и чистые руки? Особенно меня руки интересуют. Они что, действительно чистые? Или кровь на них имеется? Вы меня одним своим видом оскорбляете. Ненавижу таких, как вы. Псы-опричники. Руку хозяйскую до кости зализать готовы. Ното servus, человек служивый. Ха! Такие, как вы, мою родню на каторге гноили. Моя фамилия Картье, я аристократ: белая кость, голубая кровь, и не намерен терпеть издевательства со стороны такого субъекта, как вы!

Набрав в легкие побольше воздуха, я, вспомнив повадки офицеров Белой армии, заорал что есть мочи:

– Молча-а-а-ть!

Это была самая настоящая истерика, я выкрикивал оскорбления в адрес Бирюкова, проклиная всех чекистов и его персонально. Наверное, выглядело это омерзительно, но возымело действие.

– Пошел вон отсюда, – неожиданно спокойно сказал Макс. – Иди, иди, я тебя отпускаю. Живи своей жизнью. Только бабло ты все равно верни, по-хорошему. Тебе Юрий Владимирович предъявит цифру, и ты уж ему все передай из рук в руки, а то я, при всем к тебе расположении, ничего не смогу сделать.

– Максим Филиппыч, но как же... – запротестовал Бирюков. – Как же это? Ведь я все приготовил, сейчас ребята подъедут из прокуратуры, раскрутят этого... Он же поплыл! Вы что, не видите? – Он с неприязнью посмотрел на меня. – На нем минимум две статьи и каждая лет на восемь. Он же сознался фактически! Нельзя его отпускать, Максим Филиппыч, просто так-то! А не ровен час он соскочит, ведь, шутка сказать, сумма похищенного громадная! Его в клетке надо держать, а вы его на свободу?!

– Я еще раз повторяю, пусть валит отсюда. Он далеко не мудака, не соскочит он никуда. – Макс пристально посмотрел мне в лицо, словно хотел запомнить на всю оставшуюся жизнь. –

Я тебе напоследок дам одно напутствие, Витя. Оно простое. Зарываться не надо. Крысить не надо по-тупому. Делиться надо. Все. Пшел...

Под мстительным взглядом Бирюкова я покинул кабинет. Макс смотрел в окно. Над головой его поднималось красивое колечко дыма.

*16 июня,
около 13 часов*

По улице шел человек без работы, и человеком этим был я, Виктор Картье. Я совершенно не представлял, что же теперь мне делать, и страстно желал получить хоть какой-то знак свыше. Что-то, что определило бы дальнейшее развитие событий, совокупность которых, окружающая человека, и называется жизнью. С детства я обладаю редким даром читать поэзию числа, видеть за цифрами нечто большее, о чем знают лишь люди с математическим складом ума. Я свободно произвожу в уме арифметические действия большой сложности, деля крупные числа вплоть до десятого знака после запятой. Эта способность перешла ко мне от деда-физика, и я всегда очень гордился ею, втайне считая себя не лишенным гениальности. Нас окружают числа, мы действительно находимся внутри матрицы! Нет, я не сумасшедший. Во всяком случае, в моей медицинской карте такой недуг не зафиксирован. Иногда, в минуты острого стресса, я вижу мир таким, каким его представили однажды братья Вачовски, те самые, создавшие знаменитую кинотрилогию о Матрице. Все предметы состоят из сонма чисел, заключенных в условной форме, но чисел неуловимых, изменчивых. Можно уловить лишь некоторые. Мысленно осмотревшись по сторонам, я вдруг увидел ленту, бесконечную тикерную биржевую ленту. Во всяком случае, то, что возникло передо мной, было очень похоже именно на череду котировок с той лишь разницей, что названий акций я не видел, а по ленте, со скоростью курьерского поезда, пронеслись вроде бы ни к чему не привязанные числа. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле, они имели отношение ко мне. Я выхватил несколько ближайших чисел из ленты и стал «играть» с ними.

Мне 32 года, на календаре стояло 16 июня, а на часах стрелка недавно пересекла полуденную отметку. Машинально перемножив 32, 16 и 12, я получил число 6144. Число представилось мне невероятным, объемным, шарообразным многогранником, состоящим из 6144 граней, и я стал разглядывать его, поворачивая так и эдак, соображая, что с ним можно сделать. Я последовательно разделил его на ряд Фибоначчи, начиная с 8 и заканчивая 34, но в результате получил совершенно некрасивую дробь. Тогда я пошел самым простым путем и превратил 6144 в 15, сложив все значения числа, а 15 таким же образом превратил в 6.

– Плохое число, что и требовалось доказать. Когда все плохо, то и числа выпадают черт знает какие... – пробормотал я вслух и довольно отчетливо, так, что меня услышала впереди идущая девушка. Она обернулась, с интересом поглядела на меня и, видя, что я не обращаю на нее ни малейшего внимания, покраснела, отвернулась и ускорила шаг. Вскоре она исчезла, свернув в ближайший двор.

Шесть... Что же мне делать с шестеркой? Шестерка «докупает» число 666, а оно уж точно не сулит никаких радужных надежд. Поглядев по сторонам, я увидел заклеенный афишами забор. На одной из афиш под фамилией артиста красовалась надпись: «30 лет на эстраде». Махом я разделил 6 на 30 и получил 0,2.

В ларьке я приобрел бутылку пива, сел тут же, неподалеку, на низенькую изгородь и стал прихлебывать пиво, курить и предаваться унынию. То ли солнце напекло макушку, то ли вернулось ко мне мое самое нелюбимое из воспоминаний: шеренги идущих в пороховом дыму солдат, и я среди них, и висит на шее рогатый «калаш», гнет к земле... Вспоминается это дерьмо частями, и я, как ни силюсь, не могу вспомнить все, так основательно меня тогда потрянуло в момент взрыва. Я скрываю, что «я там был», от всех. Только скажи кому, и можно тут же поставить крест на карьере. Не любят у нас тех, кто был «там». Клеймо «психопат» и «вам отказано в приеме на работу». А в моей нынешней ситуации такой довесок, как сведения о моей армейской жизни, вовсе лишние...

Докурив, я немедленно вытащил из пачки новую сигарету и полез в карман, чтобы

достать зажигалку. Пальцы наткнулись на ключ от «Infinity», и тут я вдруг понял, что обязательно должен сделать какой-то ответный ход, вернуть этому дню хотя бы часть ядовитой сыворотки событий, так сильно отравивших мою жизнь. На мгновение мелькнула мысль, что после может быть еще хуже, но я немедленно отмахнулся от нее. «Что может быть хуже, чем остаться без работы и перспектив ее получить?» Наоборот, может случиться что-то позитивное, если я вмешаюсь в череду сплошных неприятностей, а не поддамся течению дня, который нес меня дальше, к новым неприятностям.

Пиво осталось недопитым, сигарета выпала из пальцев и покатилась куда-то, дымя, словно паровоз. Я убрал запятую между нулем и двойкой. Получилось «02» – телефон милиции. Остальное вы знаете...

16 июня,

14 часов 42 минуты

День приближался к трем часам, а я был уже очень пьян. Сидя в «Япоше» на Сретенке, куда меня унесли ноги после телефонного «теракта», я пил водку, изредка закусывая давно остывшими пельменями. Передо мной лежал телефон. Я выключил звук и безучастно наблюдал, как его экран то и дело вспыхивает от частых звонков и сообщений. Я не отвечал, зная, что звонят люди, которым известно обо всем произошедшем со мной. Зная, что в лучшем случае я услышу притворные соболезнования, переходящие в закономерный вопрос: «Старичок, а кто теперь вместо тебя? Может, познакомишь? Бизнес-то нельзя сворачивать!» «Да пошли вы все...» – решил я.

Я люблю напиваться вот так, в одиночестве, но находясь среди людей. Такой сценарий предполагает дальнейшие веселые приключения с участием окружающих. Можно запросто обратиться к соседу и навязать ему разговор «за жизнь», излить душу, наврать с три короба и, глядя на его испуганную, стремительно удаляющуюся спину, разразиться сатанинским смехом. Можно попытаться познакомиться с девушками, но это почти всегда в таких случаях напрасный труд, так как девушки (если только они не воровки на доверии) не любят пьяных. Можно разрушить идиллию какой-нибудь парочки, бесцеремонно вторгшись в их воркующий мирок. Воркующие парочки беззащитны, они сидят на насесте и обмениваются милыми глупостями, пощипывая друг друга за перышки. И тут, прямо между ними, на насест шлепается сильно потрепанный субъект с налитыми кровью глазами, нарушая всю томность воркования. Я сознательно опускаю тот факт, что вследствие подобных хмельных маневров можно (и так порой случается) огрести по полной: получить в душу, в шнопок, по печени, по хлебалу, по яйцам. Можно, конечно, чего уж там греха таить. Однако это не так уж «весьма вероятно», как кажется. Все дело в том, что пьяный вроде меня прекрасно чувствует, к кому можно прицепиться, а в отношении кого делать это противопоказано. Никто, например, не собирается в любом, даже самом крайнем состоянии опьянения лезть к бритоголовому качку, держащему в своих лапах руку своей подружки – инструктора фитнес-клуба. Огрести можно и от качка, и от девушки-инструктора. Качок скажет лишь:

– Мужик, ты чо?

А его подружка-инструктор посмотрит недобро. Все это прекрасный повод, чтобы сконфуженно извиниться и отойти от них восвояси.

Качков поблизости не было. За соседним столиком сидела парочка, между которой я не увидел ничего, кроме легкой симпатии. Кроме того самого непонятого мне призрачного союза, что носит название «дружбы между мужчиной и женщиной», когда женщина терпит этого самого «друга», относясь к нему именно как к другу, а мужчина уныло мечтает трахнуть своего друга-женщину, но не может по следующим причинам:

1. Где это видано, трахать друзей?
2. Все равно она не даст.
3. Она может обидеться.
4. По причине наличия платонической, неразделенной любви, которая устраивает мужчину в силу его маскулинной несостоятельности.

Женщина сидела ко мне лицом и была мне незнакома. Спина мужчины вызывала смутные ассоциации, тонушие в водочном угаре. Я пытался выловить одну из них, и это мне в конце концов удалось.

– Кенстэньтан?! – громко, на французский манер обратился я к обладателю знакомой спины. – Ты ли это, дружище?!

Спина дрогнула, развернулась, и я увидел, что ее обладатель действительно тот самый «Кенстэньтан», а точнее, просто Костя Штукин, мой бывший сокурсник, институтский приятель, с которым мы не виделись лет, наверное, десять.

– Ха! – искренне удивился Костя, узнав меня, и лицо его сразу же перестало быть напряженно-выжидающим. Такие лица еще бывают у людей, которые рождены под знаком Весов и всю жизнь ищут что-то, а что именно, они и сами не знают.

– Вот тебе и «ха», – дружелюбно передразнил я приятеля и бесцеремонно переместился за его столик.

– Вот, Алена, – смущенно потрогав левый висок, представил меня Костя. – Это, видишь ли, мой давнишний друг Виктор, мы вместе учились в институте и...

– Картье. – Я протянул этой Алене руку, и она ответила на мое рукопожатие. У нее были красивые руки, очень ухоженные. Люблю такие руки.

– У вас интересная фамилия, – улыбнулась она. – Вы еврей?

– Почему еврей? – опешил я от неожиданности. – Меня чаще принимают за лягушатника, за француза!

– Ну как же? – Она удивленно вскинула брови, посмотрела пристально, чуть помедлив, ответила: – Нет, вы не похожи на еврея. И на француза, впрочем, тоже.

– Это плохо? – развязно спросил я и подмигнул Косте Штукину, который, как мне показалось, немного заскучал. – Зачем вы спрашиваете?

– Так, – вновь улыбнулась она, – надо же о чем-то спрашивать у нового знакомого.

Костя пил пиво из высокого бокала, Алена сделала пару глотков воды. Я хотел заказать себе водки, но, глядя на Костину спутницу, передумал.

– В вашем обществе не хочется выглядеть еще большей свиньей, дорогие мои, – проникновенно сказал я и попросил зеленого чая.

– Ты чего это... такой? – Костя смотрел на меня с сочувствием. – Вроде не вечер еще, а ты на бровях. Не за рулем, что ли?

– В самое яблочко, – кивнул я, обжегшись чаем. – Черт, горячо! Еще и это до кучи! Нету у меня больше руля. Пал мой руль, так сказать, смертью храбрых, защитив меня собой.

– Понятно. – Костя немного выпятил подбородок, чтобы показать, как именно ему «понятно», и больше на эту тему мы не разговаривали. Алена слушала наш разговор и, как ни странно, скучающей не выглядела. Мне даже показалось, что... Хотя мало ли что мне могло показаться в таком состоянии?

– Ну а с работой у тебя как? – продолжал Костя обычный в таких случаях «опрос».

– И работы у меня тоже больше нет. Изгнали. – И я уцепился за переносицу большим и указательным пальцами и посмотрел в сторону. Так я всегда поступаю, когда хочу «замять тему», но Костя, похоже, ничего заминать не собирался. Он продолжил очень аккуратно выпрашивать меня о том, что я делал, чем занимался, и так продолжалось до тех пор, пока я, наконец, не спросил:

– А тебе что, так интересно все это? Какова, так сказать, цель твоих расспросов? Хочешь выразить глубокие соболезнования ввиду утраты мною не самого последнего в этом городе годового дохода? Не думаю, что у твоей спутницы это вызовет хоть какое-то любопытство, – усмехнулся я, постаравшись придать себе вид мудрого добряка.

– Это моя коллега и жена. По совместительству, так сказать, – добродушно поправил меня Костя. – Мы вместе пытаемся осуществить один проект и вот прямо здесь и сейчас этим занимаемся. Это хорошо, что ты нам попался. – Костя улыбнулся, показывая, что он немножко шутит. – Ты же рекламщик? Это-то как раз очень хорошо. Потому что я, например, программист, а Лена художник-аниматор и звукорежиссер, и еще она умеет и знает много

всего такого, чего мы с тобой не умеем и не знаем.

«Кто бы сомневался? Надо же, как я недогадлив! Она, оказывается, жена ему! Но почему? Почему я сразу этого не понял?» – перебирал я в уме вопросы, разглядывая вырез Алениного джемпера, но, конечно же, промолчал. Мне вдруг стало интересно, что будет дальше. Безработному всегда интересны такие разговоры, а я безработный с большой буквы, то есть без «золотого парашюта»: меня лишили накоплений, выбросили из бизнеса, из моей темы, и мне теперь интересны любые предложения, я готов ухватиться за всякую, хоть немного знакомую мне по содержанию понятную идею.

– Вам нужен фрилансер, вольный художник, чтобы придумал, как именно вы должны будете заработать ваши деньги? Сколько вы готовы заплатить за идею? Стоимость моего ужина подойдет? Я прямо здесь и сейчас отдам вам парочку присыпанных нафталином идей с антресолей моей памяти. Поверьте, они того стоят...

Меня понесло, я оседлал свою любимую хмельную лошадку, освоился и теперь полным рублем воплощал в жизнь задачу пьяного хама, мешающего отдыхать добрым людям. Однако Штукин еще в институте прослыл добряком: он с улыбкой встретил поток моего сарказма, и Алена, на которую я нет-нет да и поглядывал, тоже была настроена вполне, как мне показалось, благожелательно.

– Нет, Витя, никаких вольных художников нам не надо. – Костя Штукин приподнял ладонь над крышкой стола, кисть оставалась прижата. Получился этакий умеренный жест предостережения: не опасный, но убедительный. Я сразу заткнулся.

– Мы ищем человека, который бы имел связи на каналах, в СМИ, в интернет-бизнесе – словом медийщика с хорошими знакомствами, – благожелательно молвила супруга Штукина, и я вдруг понял, почему сразу не сообразил, что эти двое муж и жена. Между ними не было ничего общего! Обычно между супругами есть что-то такое, что позволяет их быстро идентифицировать именно как семейную пару, и никак иначе. Общее выражение лица, жесты, тот особенный взгляд, которым эти двое смотрят друг на друга. Наконец, люди, которые долго живут вместе, становятся в той или иной степени похожи друг на друга. Здесь же ничего такого и в помине не было. Рыжая девушка, из дивной породы «милых». Необыкновенно умные, очень красивые глаза, которые показались мне зелеными, впрочем, я не был уверен на все сто. Ее профиль был очень европейским, средиземноморским. Я сравнил его с профилем первой супруги Наполеона – Жозефины, который я видел на портрете в каком-то музее, кажется, в Лувре, а Жозефина была далеко не обыкновенной женщиной. У Наполеона, что и говорить, был отменный вкус.

Уподобив супругу добрейшего Штукина французской императрице, я как-то загрустил. Всегда обидно, что такая замечательная женщина не является твоей женщиной. В нетрезвости это особенно сильно ощутимо. У нее были немного тонкие губы, что, как известно, всегда означает у молодых женщин неумение готовить и высочайшую сексуальность. К тому же и грудь у нее была не большая и не маленькая, что мне всегда особенно нравилось, ноги длинные, бедра округлые (я специально ронял под стол вилку и нагибался за ней, так что все хорошо разглядел). Нет, такая женщина не храпит по ночам и ничем не болеет. О, этот счастливчик Штукин!

Я вспомнил свою жену. Получив штамп в паспорте, она стремительно обабилась и обветшала. Перестала делать мне минет. После рождения ребенка вела себя так, словно секс со мной был ей, мягко говоря, неинтересен. Она работала в торговой компании, и ее лексикон был таким же «торговым». Куда-то разом исчезли все общие темы для разговоров. Она ничего не делала, чтобы удержать меня возле себя. Частенько она возвращалась домой поздно и подшофе, объясняя это посиделками с подругой, но я несколько раз улавливал исходивший от нее запах чужого мужика. Я молчал, так как у самого рыло было в пуху, но главной причиной всякого отсутствия ревности было мое стойкое мнение, что такой женщиной, в которую превратилась моя подруга жизни, вряд ли хоть кто-то в состоянии заинтересоваться. «Мало ли, – рассуждал я, – может, танцевала с каким-нибудь потным Кузьмичом из офиса».

Поглядев еще раз на жену Кости, я вздохнул, полез было за сигаретами, но передумал:

– Знаешь, Костя, как ни странно, я обладаю всеми из перечисленных тобой требованиями. Но ты же видишь, в каком я состоянии? Обездолен, бесправен, – продолжал я дурачиться, вспомнив жалобы какого-то бородатого боярина петровской поры из некоего кинофильма. – И пьян до невозможности. Да-с.

– Да вижу, вижу, – шутливо отмахнулся Костя. – Ты немного не в себе, и причина у тебя более чем уважительная. Правда, Леночка?

– Конечно, – кивнула эта рыжая, все больше и больше нравившаяся мне женщина. – Тут все понятно. А вы, Виктор, когда придете в себя, то вы нам позвоните. Дай ему карточку, Костя...

Вскоре они ушли. Костину визитку я убрал в бумажник. Когда Алена поднялась из-за стола, сердце мое забилося так часто, что я прикрыл глаза рукой, словно от яркого солнца. Глаза выдают все, что внутри, особенно глаза пьяницы. Фигура у нее была превосходной! И как только природа могла создать такое чудо, как эта рыжая женщина! Именно поэтому я так бережно сохранил телефон своего старинного приятеля, решив позвонить ему завтра днем. Зацепила меня его жена. «А рога идут всем, – пробормотал я. – Хотя мало кто догадывается об их существовании».

16 июня,

17 часов 54 минуты

Картье, Картье... Куда мне теперь? Домой? Пожалуй, да.

Я вспомнил о той эсэмэске, полученной от жены ни свет ни заря: «Надумаешь прийти сегодня домой – не удивляйся». Сюрпризам сегодня еще не конец. Как поэтически звучит!

Сюрпризам сегодня еще не конец:
Еще не пиздец, но скоро пиздец.
И будет смеяться господь наш отец,
Закапает с неба противный дождец,
Подаст вам депешу небесный гонец
О том, что на завтра объявлен пиздец,
И нету возможности съесть холодец —
Вам завтра настанет пиздец.

Бормоча подобную околесицу, я на извозчике добрался до дому, во время поездки поработав навигатором, так как мой возница был нездешним и Москвы не знал вовсе. Расплатился с ним, долго искал ключи, да так и не нашел. Вспомнил, что ключница, дорогая, от «Salvatore Ferragamo», осталась в перчаточнике «Infinity». Моментально взмок, расстроился, засопел. Именно в такой последовательности. Потеря ключей от дома – это всегда великая проблема. Может быть, они еще там, в машине? Вспомнив не внушающее доверия лицо Колобка-гаишника, я усмехнулся собственной наивности. Как бы теперь квартиру не обчистили. Придется менять все замки.

Меня выручил сосед: открыл дверь подъезда, приложив к домофону ключ-таблетку. Я поблагодарил его, и мы вместе оказались в лифте. Демонстративно приняв хавшись, он подмигнул. Спросил:

– Гуляешь?

– Вроде того, – неохотно ответил я.

– Есть повод? – не унимался любопытный сосед.

– Да так... С горя, – сознался я. – Проблемы навалились.

– Понимаю, чего уж там. Я вообще не знаю, как бы я себя на твоём месте повел. Может, взял бы ружье да и поубивал бы обоих, – более чем загадочно выразился сосед, и только я открыл рот, чтобы спросить, о чем это он, собственно, как лифт остановился на его этаже и сосед выскользнул из кабины, избавив себя от объяснений.

Ответ на свой вопрос я получил уже через минуту, после того как позвонил в дверь своей

квартиры и мне открыла жена: раскрасневшаяся, словно с мороза, и дышавшая так часто, будто она только что пробежала стометровку за рекордное время. Она набросила халат прямо на голое тело, и этот факт меня почему-то развеселил.

– Привет, Лорик! Ты что это? Занималась йогой на полу?

– Нет, Витечка, йогой я не занималась, – отстраняясь от моего поцелуя, быстро выпалила она. – Я занималась более приятными вещами.

Только я хотел спросить, что это за «более приятные вещи», как ответ был явлен мне в натуральном, так сказать, виде. Из нашей спальни вышел здоровенный накачанный чувак в трусах. Роба у чувака была наглой. Кулаки у чувака были размером с пивную кружку. Помимо трусов, бугрившихся в паху, чувак напялил мои новые тапки, которые я сам еще ни разу не надевал.

– Это... кто? – спросил я, подразумевая, что вопрос адресован жене, но получилось, что он словно упал в никуда.

– Это Вадим, – с вызовом ответила Лариса и вся как-то напряглась, приготовившись к моей истерике, воплям – словом, к Скандалу с большой буквы, но я повел себя странно даже для себя самого:

– А что он делает в моих новых тапках? – Я устало прислонился к стене и даже не вздрогнул, услышав в ответ:

– Он будет здесь жить.

Вадим стоял в выжидательной позе. Даже и не поза это была, а стойка. Каратиста, боксера? Не разбираюсь я в этих вещах. Я и дрался-то последний раз в школе и из той драки вышел отнюдь не победителем. Куда мне против этого жлоба? Трех секунд не продержусь – вырубит с одного удара. Пистолет бы мне.

При мысли о пистолете мне так захотелось ощутить в руке его холодную тяжесть, так захотелось выстрелить и в жену и в Вадима этого, чтобы потом снять с него тапки в качестве трофея, что я глухо застонал.

– Витя, давай только без истерик и без сцен, – сразу же отреагировала Лариса. – Можно все решить без эксцессов.

– Да, разумеется, – убедившись в том, что пистолет из воздуха никак не материализуется, согласился я. – Но раз здесь собирается жить Вадим, то где же тогда буду жить я?

– Ты разберешься, – стараясь сохранять спокойствие, выразительно произнесла моя жена. – Я собрала твои вещи. Вадим, будь любезен, принеси чемодан.

– Нет уж, не надо, я сам, – глядя, как напрягся Вадим, как снова он занял свою позу-стойку, я миролюбиво поднял руки. Так обычно сдаются в плен.

– Брат, расслабься, я не Рэмбо и биться с тобой не стану. Дай мне спокойно чемодан забрать, и живите долго и счастливо. Я без претензий. Лады? Договорились?

– Ннн, – неопределенно промямлил Вадим и чуть подвинулся, освобождая мне путь к чемодану.

Он стоял на полу посреди спальни: мой большой, старый и добрый «Samsonite», слегка потертый и с Т-образной выдвигаемой ручкой. С этим чемоданом я объездил много стран и обрадовался ему, точно старинному другу, ведь во всей квартире не было сейчас предмета более родного мне, чем этот чемодан. Я хотел спросить у Ларисы, где наша дочь, но понял, что все подобные расспросы нужно тупо оставить на потом, а сейчас просто поскорей уйти и постараться обойтись, как говорят в медицине, без патологий и обострений.

Лариса (я видел это) была обескуражена моим инфантильным поведением. Она, наверное, ожидала, что я устрою дебош, утрачу остатки человеческого и тому подобное. Но нет. Я устал. Я был рад тому, что этот день так основательно разрушил все, что должно было развалиться рано или поздно: работу, семью... Пожелав жене и ее пихарю всех благ и объяснив, почему я не могу сейчас отдать Ларисе ключи от квартиры, я покинул свой, теперь уже бывший дом, не желая забивать себе голову предстоящим разменом квартиры. Оказавшись на улице, я прошел пару кварталов, везя за собой чемодан, потом сел на него и

позвонил Маше. Она долго не отвечала, но я был настойчив и после десятого или двадцатого гудка я услышал ее голос. Звучал он немного не так, как обычно, но я вначале списал это на собственное состояние, на искаженное восприятие окружающего. Увы, я ошибся:

– Привет, Маш, как дела? А меня из дома выгнали. Жена, как ни странно, нашла себе мужика, и он теперь носит мои тапки. Смешно, правда? А еще меня с работы уволили, и я разбил машину. Вернее, не так. Я все тебе рассказал строго в обратной последовательности. Значит так, сначала я разбил...

– Витя, Витя! – Оказывается она уже давно кричала мне, звала, хотела, чтобы я остановился, но до меня как-то не сразу это дошло.

– Да, Машка, что-то случилось?

– Понимаешь... Как бы это тебе сказать-то? В общем, лучше нам с тобой больше не встречаться.

– Но почему?! Что случилось?!

– Я решила сойтись с мужем и родить от него. Мне уже пора рожать, а от тебя я не хочу. Прости меня, если сможешь. Мне с тобой было хорошо. Ты классный, такой веселый, но непредсказуемый. Я тебе желаю счастья. Пожалуйста, не звони мне больше.

И все. Повесила трубку. Зарезал меня этот день окончательно.

Прямо как был, не вставая с чемодана, я позвонил Косте Штукину. К тому времени я окончательно протрезвел, во рту был привкус земли, а голова раскалывалась на ровные, словно у разрезанного арбуза, дольки. Сбивчиво и хрипло я рассказал Косте обо всем, что случилось после нашего расставания:

– Костя, если ты меня возьмешь на работу, то это будет лучшее, что случится со мной сегодня и полностью уравновесит весь кошмар этого дня. Прости за фамильярность там, в кафе. Я не хотел, просто так вышло.

– Виктор, я все понимаю, ты можешь не извиняться. Завтра отдохни, а послезавтра приходи с трудовой книжкой. И учти, работы будет много. До встречи. – Ангел по фамилии Штукин отключился.

Долго смотрел на потухший экран телефона. Ощутил страшную усталость, и больше всего на свете мне захотелось сейчас очутиться дома. Где-нибудь в особенном месте, которое я смог бы назвать именно так.

Я вновь нанял не знающего Москвы извозчика, и тот повез меня к моей маме. Вот кто будет рад видеть меня в любом состоянии и в любое время суток. Если женщина прощает мужчине все – это значит, что она его родила.

Веселые картинки в вашем телефоне

1

С Бирюковым мы встретились на следующее утро. Он позвонил мне в 6 часов, когда я сладко спал, заботливо укрытый маминым одеялом.

– Мсье Картье? – поинтересовался он.

– Кто это? – не понял я спросонок.

– Часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно причиняет благо, – бодрым голосом ответил эсбэшник. – Вы готовы добровольно сдать имеющиеся у вас не ваши ценности?

– Ах, это вы... – наконец дошло до меня. – Какой у вас трезвый рассудок, Юрий Владимирович, прямо зависть берет. Цитировать в такую рань из «Фауста» – это реально очень круто. Сколько же вы хотите получить с меня тех самых ценностей, которые вы называете «не моими»?

– Все, что хранится в... – И Бирюков с потрясающей точностью перечислил названия банков, в которых я держал деньги, причем указал, в каком именно и какая сумма лежит. Он явно читал по бумажке – спокойно, деловито.

– Н-да, – протянул я, действительно впечатленный уровнем его «работы». – Я никогда

не питал иллюзий насчет сохранения банковской тайны в этой стране, но чтоб настолько... Признаюсь, что я поражен. Как это у вас все так точно сходится?

– У меня, как в лаборатории, – самодовольно ответил Бирюков, – все подсчитано и записано вплоть до времени работы каждого банка. Первый открывается в 8, придется вам поторопиться.

– Вы за мной заедете?

– Да я уже давно здесь, у вашего дома. А дверь стерегут двое моих ребят. В окно вам не сбежать.

– Да я и не собираюсь. – Я подошел к окну и увидел черный микроавтобус. Я точно видел его раньше перед нашим бизнес-центром, но никогда не думал, что это штаб-квартира Бирюкова. Удобный.

– Жду, – буркнул он и отключился.

...За несколько часов, проведенных в микроавтобусе я, как мне показалось, состарился. Здесь, помимо Бирюкова, присутствовали двое крепких ребят, похожих на узурпировавшего мои тапки Вадима, и человек в мундире прокурора. Человек этот время от времени внимательно поглядывал на меня. В конце концов, я спросил, что он делает здесь и зачем принимает участие в этом мероприятии, носящем, по моему мнению, сугубо частный характер.

– Я представитель Следственного комитета, – вежливо ответил человек в мундире. – И у меня есть ходатайство по возбуждению против вас уголовного дела. Также я имею еще одно ходатайство, которое отменяет предыдущее...

– Прости, что перебиваю, Толя, – вмешался Бирюков. – Вы, господин Картье, благодарите Кирсанова за его невероятную к вам доброту. Если бы не это обстоятельство, то сидеть бы вам сейчас в камере с двадцатью гомосексуально настроенными уркаганами.

– Короче говоря, в том случае, когда я лично удостоверюсь, что вы сдали все, что было вами нажито незаконным путем, я вам оба эти документика отдам, и делайте с ними, что хотите, – подытожил прокурор. – Если человек раскаивается в содеянном и добровольно согласен вернуть украденное, то не к чему такого в тюрьму сажать, да еще и к гомосекам. – И он вдруг неожиданно подмигнул Бирюкову, а тот ему ответил в той же манере.

...Я все отдал. Все, что у меня было. После их экспроприации моя личная капитализация составляла триста долларов и семь тысяч рублей, что лежали в бумажнике. И все. Ну, пожалуй, еще немного на кредитной карте VISA. Прокурор действительно вернул мне два «документика», и я, не глядя, разорвал их в мелкие клочки. Бирюков не скрывал своей радости, сиял, словно начищенная мелом бляха. Интересно, сколько ему достанется от этих денег. Каков его интерес? Не может быть, чтобы он провернул такую работу за просто так. У меня появилось дикое желание позвонить Максу, уточнить, сколько именно, по его мнению, я должен вернуть. Ведь быть такого не может, чтобы ищейки Бирюкова выявили все случаи моего взяточничества. Ведь без копейки меня оставили, суки! Рука уже потянулась было за телефоном, но я представил себе лицо Макса, как он сидит и покуривает, выпуская красивые колечки дыма, и расхотел не то что звонить ему, но даже и вспоминать о нем. Он теперь для меня небожитель, бог-олимпиец. Куда мне до него? Я и раньше-то был от него далеко, а теперь мы с ним люди из разных миров, которые больше не должны столкнуться даже с самой малой вероятностью. Богач и бедняк, принц и нищий, Золушка и... Сколько банальных сюжетов для великих книг, не так ли? Кирсанов и Картье: непридуманная, мать ее, история из жизни.

Пересчитав мои-не-мои деньги, Бирюков бросил в портфель последнюю пачку купюр, перетянутую желтой резинкой. Я на всю жизнь запомнил цвет этой резинки. Затем он как-то особенно противно крякнул, потер руки и, весьма довольный собой, устоялся на меня:

– Ну-с... – сказал он, будто школьный учитель. – И что же вы, мсье, намерены делать дальше?

Мы сидели в микроавтобусе, двери были закрыты. Я не спешил отвечать ему. Вместо ответа попросил, чтобы меня выпустили. Зачем я им теперь?

– Ну что ж, – развел руками Бирюков, – на свободу с чистой совестью, как говорится. Эй, парни! Откройте там, пусть он идет.

Соскочив с подножки на асфальт, я сделал два-три шага, затем обернулся, увидел несколько пар глаз, насмешливо следящих за мной. Такие глаза бывают только у недалеких людей, для которых закрыто даже самое ближайшее будущее. Они только и умеют, что наслаждаться своим сиюминутным триумфом, совершенно не представляя, что он действительно недолговечен. Не знаю, что на меня нашло, скорее всего характер перегнул ситуацию в свою сторону, но только я остановился, выставил вперед ногу и крикнул этой своре:

– Эй вы! Спрашиваете, что я намерен делать дальше? Отвечаю! Жить я намерен! Жить так, как ни один из вас не умеет. Деньги – прах, их нетрудно нажить, и не в них счастье. Я в это верю, а вы нет. В этом разница между нами. Желаю вам, товарищ Бирюков, употребить бабло на пользу. Пусть вам даст развратная нимфетка пятнадцати лет, так хоть будет что вспомнить, когда вас хватит инсульт и вы станете ссать под себя. Пока!

И, не дожидаясь их реакции, которая могла быть для меня довольно болезненной, я очень быстро, не оглядываясь, ушел. Никто не погнался за мной, и никто из них ничего не сказал. Они позволили мне это «последнее слово», они знали, что так положено. Всегда давайте возможность высказаться тому, кого вы отправляете в свободное плавание налегке. Возможно тогда, именно в этом случае, он не вернется к вам с большой флотилией, не сожжет ваш город, не разграбит его, пощадит ваших женщин и не предаст огню ваш скарб – словом, не станет вам мстить. Поступайтесь малым ради сохранения всего. Слово – пустяк. Пусть тот, кто пал, скажет его и убирается ко всем чертям.

2

Офис Штукина меня не удивил. Примерно вот такое здание – бывшего совкового учреждения «Стальконструкция», ныне населенное множеством контор, конторок, конторишек, – я себе и представлял. Я вышел из троллейбуса, закурил и окинул взором длинный, серый пятиэтажный дом, в котором мне предстояло трудиться. Решетки на окнах, уродливый фасад, бесстыдно выпятивший плохо заделанные швы между панелями, местами ржавые подтеки. Чтобы хоть как-то прикрыть убогость, пятиэтажку окружили кольцом голубых елей, и они немного отвлекали внимание на себя, скрывая старческую наготу здания почти до второго этажа. На этом фасаде прекрасно бы смотрелся огромный намалеванный белым по красному лозунг «Мир, Труд, Май, Слава КПСС» или что-то в этом роде. Помусолив сигаретку, я двинулся к входу и после недолгих препирательств с дежурным барбосом в униформе очутился в вестибюле. Здесь стоял бюст почетного академика Шухова с гипсовым нервным лицом. Кажется, этот человек построил ту самую башню на Шаболовке. На этом торжественность вестибюля заканчивалась. Превращая его в предбанник, теснились вдоль стен аппараты по раздаче горячей еды, кофе, чипсов и шоколадных батончиков. Возле одного из вскрытых аппаратов стояли трое мужичков, вид у них был озабоченный. Один из них был очень толст и держался несколько обиняком, а двое других чернявы, подвижны, беглоглазы. Открытый автомат являл миру запыленное нутро свое, где на транспортерах лежали упакованные в пластик готовые блюда. Прямо на полу перед аппаратом стояла большая белая картонная коробка, в ней разноцветные коробочки поменьше. Мне стало любопытно, я подошел поближе, так как с детства люблю всякую технику и страдаю вполне объяснимым у мужчин заболеванием – «желанием узнать, как же это работает».

– Ну вроде влезают ваши мозельские пироги, – с явным облегчением произнес один из мужичков, закончив копать внутри автомата. – Сейчас попробуем разогреть.

Слова эти были, по всей видимости, адресованы самому молодому из трио, собственнику белой коробки. Вместо ответа он почесал массивный живот свой в области пупка, выпятил нижнюю губу и несколько раз кивнул.

– А, с-скаж-жи, с-сколько у н-них срок г-г-годности? – запинаясь на каждом слове,

спросил третий.

– Пока замороженные, то девяносто суток, а после разморозки дня три, – как-то нехотя, словно делая одолжение, ответил молодой толстяк.

– Т-три дня м-маловато, конечно, – в скорбной задумчивости произнес заика.

– А вот бы дней десять! – подхватил его напарник, вылезая из аппарата и зачем-то потирая левую мочку. – А? Не заплесневеют они?

– Да хоть двадцать, – равнодушно бросил толстяк, – на упаковке все равно написано только про девяносто суток. А заплесневеть не должны вроде. Мы в офисе проверяли – при комнатной температуре их на месяц оставляли, так хоть бы что. Стоят. Чему там портиться-то? Химия одна.

– Раз так, то мы у вас будем покупать ваши мозельские пироги. По рукам. Хорошо, что здесь столовой нету, а сладенькое народ любит, – радостно потер руки «аппаратный» бизнесмен. Тот, который не заикался.

Заика же был, по всей видимости вследствие своего недуга, гораздо более минорен. Он скептически посмотрел на яркие упаковки, высказал что-то совершенно неразборчивое. Но тут я увидел Костю, быстро идущего по коридору навстречу мне. Завидев меня, он поднял руки так, словно фанател на хоккейной трибуне, издал нечто среднее между «йоу» и «вау» и ускорил шаг. Его поведение представляло собой разительный контраст с вальяжной манерой Кирсанова с его убедительным барством. И вот что интересно: мне гораздо более импонировала, более привычна была солидность Макса, то, как он отвергал всякое панибратство, чем вот такое наигранное, как мне казалось, дружелюбие. Не должен так себя вести начальник, иначе на плечах его быстро окажется седло, а уши вытянутся и покроются серой шерсткой: ни дать ни взять – Осел Ишакович Баранов собственной персоной. Нет в бизнесе демократии, и слава богу. Тот, кто этого не понимает и пытается заигрывать с сотрудниками, очень быстро окажется в заднице. Чем больше ты даешь людям того, на что они не должны рассчитывать, тем больше они ненавидят тебя, ибо человек по-настоящему ценит только то, что дается ему нелегко, чего он достиг самостоятельно.

– Пришел? Вот и славно! Я все для тебя подготовил. Рабочее место около окна, компьютер, телефон – все тебя ждет. И, само собой, дел у тебя сразу же будет невпроворот. Ты готов быть заваленным работой по самую макушку? – трещал Костя, перескакивая через две ступеньки так, что я едва за ним поспевал.

«Какую хрень мелет этот парень, – с неприязнью подумал я. – Рабочее место, телефон... С самого начала такая скука, такой отстой! Крепчать надо, Витя. Доверие – актив, из которого нужно выжать по максимуму».

Ведь, в сущности, человек, доверяя кому-либо, принимает на себя все риски, в частности риск быть обманутым тем, кому он доверял, считая честным и порядочным. Таких не бывает. Никто не честен и не порядочен до конца. Впрочем, есть исключения. Все эти честные и порядочные люди изображены маслом на досках. Но им доверял тот, кого не стоит обманывать и пытаться «наколоть», так как при всех раскладах останешься не у дел. Костя Штукин не бог. Он мой работодатель. И он доверяет мне. Что ж, пусть так и продолжается какое-то время. Я смотрел на спину прыгающего по ступеням Кости, и ни капли благодарности не было во мне. Только расчет, честолюбивые планы и... конечно же его жена. Только ради этой прекрасной рыжей Елены я поспевал сейчас за Штукиным. Она была моей перспективой, моей целью, я решил добиться ее во что бы то ни стало. Ее муж – образчик хорошего парня. Женщины не любят таких. Они живут с хорошими парнями, но втайне мечтают о законченном негодяе, таком, как я. У хороших парней отношения с женщинами всегда складываются непросто. Штукин же скорее всего гордится тем, что он такой хороший, что привык доверять людям. Таким, как я.

Я так и представил себе, как он, посверкивая своей улыбочкой, с этакой милой мимикой хорошего парня рассказывает о том, что он доверяет своим сотрудникам, любит свою восхитительную жену, гуляет с собачкой два раза в день и прочее сладкое до тошноты бла-бла-бла. И при этом, говоря так, он невероятно собой горд. Между тем гордиться здесь

нечем. От хорошего парня все ждут соответствующего поведения, к нему и требования соответствующие, так как ничего, кроме высокоморальных деяний, от него никто не ожидает. Хороший парень несет на своих ослиных плечах тяжкий груз благородства, ума, прилежания, совести, культурного остроумия. А затем его бросают ради какого-нибудь отъявленного негодяя вроде меня. Как говорится: «такова половая жизнь». Женщины любят законченных мерзавцев, это утверждение пребудет наравне с вечностью. И покинув своего хорошего парня, женщина, тая от счастья на груди только что в очередной раз как следует удовлетворившего ее мерзавца, смеясь, рассказывает ему о нудных добродетелях прежнего спутника, брошенного ею главным образом еще и потому, что у хороших парней, как правило, не очень-то хорошо обстоят дела с потенцией. Слабоваты они, эти хорошие парни. Все их силы уходят на так несвойственные зверю-человеку доброту, доверчивость, вежливость и тому подобную чушь собачью. Тогда как мерзавец всегда может похвастаться отменной эрекцией и низменными душевными качествами, доводящими женщину до иступления.

– Вот, заходи. – Мы поднялись на пятый этаж, очутились в длинном коридоре, куда выходили многочисленные одинаковые двери с номерными табличками. Штукин достал связку ключей, отсоединил один из них и подал мне со словами «владей».

Пожав плечами, я повернул ключ в замке, открыл дверь, за которой оказался просторный кабинет на одну персону, и притом совсем недурно обставленный. Не в силах поверить, что это правда, я в нерешительности застыл на пороге. Костя шутливо подтолкнул меня в спину:

– Да заходи же, говорят тебе! Это теперь твой кабинет! Ты, небось, думал, что я посажу тебя в общей комнате с менеджерами по продажам или с программистами?

– Откровенно говоря, да, – сконфуженно молвил я, но внутри у меня уже радовался маленький гнусный человечек: «Вот и хорошо. Смотри, какой же он лох, этот Штукин. Такой кабинет...»

– Ну что ты, Витя, – проникновенно сказал тот. – Мы же товарищи! Я знаю, что ты привык к комфорту, что работник ты штучный, как говорится, и тебе нужны условия. Здесь тебя никто не станет отвлекать. Мой кабинет через стенку...

– А Лена? – вдруг совершенно неожиданно брякнул я и закусил губу. Дурак! Какая подстава!

– А Лена там, в конце коридора, с дизайнерами, – беззаботно ответил Штукин, не почувствовав в моем вопросе ничего криминального. – Вам придется много времени проводить вместе, так как ее работа неотделима от твоей и наоборот.

«Прелестно», – подумал я и пожал плечами, старательно притворившись, что мне, мол, все равно.

3

Фирма Кости Штукина занимала целый этаж длинного здания и, следовательно, считалась довольно большой компанией. Отдельные кабинеты были только у Кости и вашего слуги покорного, остальной персонал роился по несколько человек в своих комнатах, в каждой из которых был какой-нибудь отдел. Самой большой отдел назывался «дизайн-бюро», и Лена, фамилия которой оказалась не Штукина, а Ветрова, руководила этим отделом. В том, что Лена не взяла фамилию мужа, я сразу увидел для себя некий знак, счастливое предзнаменование, хотя, конечно, ничего особенно не было в том, что Ветрова не захотела меняться на Штукину. Другое дело, когда, например, какая-нибудь Тютюкина не желает становиться, скажем, Разумовской. Это и впрямь тяжелый случай.

«Smart-soft» занималась хостингом, импортом запасных частей для компьютерного оборудования и самого оборудования, его монтажом и наладкой, разработкой программного обеспечения для интернет-провайдеров и компьютерным дизайном. Множество самых разных людей, решивших бросить якорь во Всемирной паутине, обращались в «Smart-soft», предпочитая ее солидную репутацию демпингу многочисленных «шарашек». Костя всегда отличался особым умением сохранять старые связи и обладал предчувствием дальнейшей

нужности того или иного человека. В институте он ни с кем никогда не ругался, ухитряясь со всеми быть в добрых отношениях, помогая по мере сил. Некоторые из сокурсников после выпуска предпочли государственную службу, с тех пор изрядно там продвинулись, выросли, сделали прекрасные, а в некоторых случаях по-настоящему блестящие карьеры. На отношениях с ними Костя выстроил свой бизнес, получив государственные контракты, выплачивая щедрую откатную мзду. «Smart-soft» сделала дизайн сайтам настолько высоких структур, что при одном только взгляде на ее портфолио, где значились названия газовых, нефтяных, государственных корпораций, у серьезного клиента пропадали всякие сомнения: «Да, это реальные ребята, надо начинать работать с ними». И работали, будьте покойны! Бизнес процветал, обрастал направлениями, Костя всегда держал нос по ветру, и его давным-давно интересовали возможности мобильной связи. На момент моего прихода в «Smart-soft» этот бизнес был в зачаточном состоянии, и мне предстояло вывести его на должный уровень, к чему я и приступил немедленно.

Свой первый рабочий день я начал с того, что повелел секретарше (молодая, румяная, полная противоположность той, что была у Кирсанова) приготовить мне латте и подать его с кусочком шоколада. Кофе оказался хорошим, молоко обезжиренным и пенистым, а шоколад правильным, то есть от «Lindt». С аппетитом поглотив все это, я отправился знакомиться с новыми коллегами, не зная еще, в которой из комнат я смогу встретить Лену. Поэтому процедура знакомства чрезвычайно меня будоражила. Все ребята были довольно дружелюбно настроены, все «в формате», то есть не лошье, не быки и не дерьмо-пилл. Разумеется, что столь приятный моему глазу «неформат» никак не относился к бухгалтерии, где я увидел традиционно сосредоточенных теток без чувства юмора и затесавшегося среди них плешивого мужичка в костюме-тройке, на поверку оказавшегося финансовым директором и евреем.

Наконец, я добрался до дизайн-бюро и сразу же попал в очень тихую, уютную среду, где, царила абсолютная чистота, которая так не свойственна этим ребятам. Все сидели перед громадными яблочными мониторами, ворочали картинку, что-то добавляли, фотошопили, рисовали и сканировали. Лена прохаживалась по территории бюро, словно школьный учитель во время контрольной. Время от времени она заглядывала в монитор-другой и тихим голосом советовала что-то. С ней соглашались без споров, что искренне меня поразило, так как дизайнер – натура творческая, одержимая собственным гением и с чужим мнением считаться не привыкшая. Но Лена, похоже, пользовалась таким авторитетом и уважением, что ей отвечали коротким кивком и без лишних препирательств исправляли, дорисовывали, меняли цветовые оттенки.

Увидев меня, она, не нарушая тишины, показала мне в сторону кабинетика за стеклянной перегородкой. Я прошел туда, стараясь не скрипеть и на цыпочках. Через стекло я наблюдал за ней, я рассмотрел ее так хорошо, как только было возможно в моем положении, и она понравилась мне окончательно.

Лена сочетала в себе несочетаемые вещи, сочетание которых так редко встречается в природе и называется... Называется... Не знаю я, как именно это называется, но Лена к своему высокому росту добавила каблучки высотой сантиметров в десять, и юбка ее была не то чтобы сильно короткой, но именно такой, какой и должна быть юбка женщины, которой ни к чему скрывать свои ноги. Ноги... Ну что может быть лучше, чем та самая стройная, «пушкинская» пара женских ног, ласкающая сперва взор, а затем уж, если повезет, сильно сжимающая твои бедра? Я еще при первой встрече заметил, что грудь у Костиной супруги как раз любимого моего размера, то есть, по моим ощущениям, должна уместиться в ладонях, согревая их и передавая в мозг теплые волны возрастающего напряжения. Ее рыжие, вьющиеся волосы чуть ниже плеч, сильные руки, ладони с долгими, восхитительными пальцами – несомненные признаки ума, сексуальности и породы. Стройная, с огромными лучистыми зелеными глазами, с невероятно красивым лицом, трепетной, нежной шеей, которую я уже мысленно гладил, целовал, покусывал, ах!

Я с трудом отвел взгляд, перевел дыхание. Как же я не рассмотрел всю ее раньше, тогда, в первый раз? И возможностей-то было больше, благо сидела она напротив! Водка и

депрессия затмили мне глаза? Вряд ли... Тут иное. Табу на «чужую жену». Не мое, значит, и смотреть нечего. Но это было тогда, а сейчас... Сейчас я втерся в доверие и намерен был выжать из этого все, что только можно. Я уже член команды, так что мешает мне стать членом семьи? О, какая же я неблагодарная свинья, не так ли?

По моим наблюдениям (а я кое-что вижу и понимаю в физиогномике и в анатомии), так вот, по моим наблюдениям Костя Штукин был слабым любовником и такую женщину, как Лена, полностью удовлетворять не мог. «Впрочем, – подумал я, – все эти измышления могут разбиться о бастион ее морали, и тогда нечего и мечтать стать для этой рыжей женщины ее «особенным человеком». Я избегаю слова «любовники», чем-то оно мне не нравится, а вот «особенные люди» – это как раз то, что нужно. Из любовников, как правило, дальше уже ничего не получается, а вот, когда отношения между людьми превышают по своему качеству это банальное название, то любовники становятся друг для друга «особенными людьми», и здесь вероятно все, что угодно, любой вариант развития событий вплоть до создания семьи. Когда женщина рассматривает тебя как своего будущего, вероятного мужа, она сделает для тебя все на свете.

Поток моих размышлений был прерван. Лена распахнула дверь в кабинетик и застыла на пороге, вполоборота ко мне, продолжая давать какие-то указания дизайнеру – лохматому и большому, словно медведь, мужику с умными глазами и не вязавшимся с его могучей внешностью надтреснутым тенорком. У Лены был красивый голос, почти чистое сопрано.

– Осваиваешься? – запросто спросила она, очутившись, наконец, в опасной близости от меня: нас разделял только ее письменный стол.

– Да как тебе сказать? – в тон ей начал я. – Все привычно, я вполне в своем формате здесь, люди все приветливые, никто не косится, все, как мне кажется, хорошо.

– Вот и чудесно. – Лена легко развернула ко мне огромный футуристический монитор «Apple» и вдруг, внезапно подмигнув, спросила: – Начнем? Ты готов?

«Скажи мне «да», и я полезу под стол, – подумал я. – Я знаю твой вкус, он уже у меня на языке, и от этого стучит в висках и в солнечном сплетении делается жарко».

– Да, разумеется, Лена, – произнес я так, словно был пробитой шиной, исторгавшей остатки воздуха.

– Вот что мы хотим сделать, и уже даже делаем, пробуем...

Лена поводила «мышью». На огромном экране появились окна с картинками анимации, играми, зазвучала какофония из музыкальных файлов. Всю эту дребедень я, разумеется, давно уже видел. Моя неверная жена, подарившая мои тапки своему Вадиму, закачивала в свой телефон разные подобные штучки. У нее в трубке жил мурлыкающий котенок, лаял щенок, вместо звонков раздавались отрывки из попсовых песенок и тому подобное.

– Мобильный контент, – хмыкнул я. – Знакомая штука. Моя бывшая была активным юзером. Хотя почему, собственно, была? Она им и остается, и, как мне кажется, ее новый бойфренд делает это as well.

Лена удивленно посмотрела на меня, и... она настолько очаровательно выразила свое удивление, так искренне у нее это получилось: мимолетный поворот головы, мимика лица, которой позавидовал бы любой большой актер, взгляд ее прекрасных глаз, от которого у меня начало ныть сердце. Я сосредоточился на ее губах, это была словно съемка рапидом, то есть в замедленном режиме. Ее рот приоткрылся, обнажая белые, сахарные зубы, она о чем-то спросила, и я не сразу понял, что это был ее вопрос, адресованный ко мне.

– Извини, я не расслышал, – пожал плечами я, – я немного отвлекся. Повтори, что ты сказала?

– О, прости, – Лена выглядела немного смущенной. – Я полезла не в свое дело. Просто я удивлена, что у тебя, оказывается, такая ситуация. Позавчера мне показалось, что в твоей семье все более-менее в порядке. Ты же рассказывал, что у вас ребенок и все такое...

По этому ее «ребенок и все такое» Виктор понял, что детей у Лены нет и она их хочет, но в силу каких-то там особенных причин пока не может себе позволить. Каждая женщина хочет, чтобы у нее был ребенок, поэтому так часто можно то там, то здесь услышать «родила для

себя», «родила без мужа», «мужа прогнала, зато ребенок есть» и тому подобное, житейское, жизненное, вечное. Автор этой книги, незаметно для читателя взявший на себя роль рассказчика от первого лица, не понаслышке знаком с таким положением вещей и считает его вполне приемлемым. Человек не зверь, и в то же самое время он зверь до костного мозга. Зверь в том, что испытывает могучее желание оставить потомство, зверь в том, что может бросить, оставить его на произвол судьбы, но это чаще о мужчинах, а женское, великое чувство материнства – это не звериное, ибо звери лишены способности любить. Женщина, любовь и материнство суть яблоки с одного дерева. Те из женщин, кто не реализовал своей задачи и не стал матерью, обречены идти во мраке и никогда не увидят подлинного солнца. Того, что наполняет душу светом. Карьера, тусовки, друзья, свои и чужие хлопоты – только тогда все это имеет смысл, когда вы можете продлить этот ряд словом «мой ребенок». «Я должна забрать ребенка из детского сада», «я купила ребенку новую рубашку», «я вчера ходила на родительское собрание»... В глазах рыжей Лены я прочитал все это, и хоть был совсем никудышным отцом, но в душе шевельнулось что-то большое, округлое, словно там мгновенно надули футбольный мяч. К горлу подошли слезы. Я вспомнил свою трехлетнюю дочь, вспомнил, что за все это время, быть может, всего два-три раза с ней повозился и лишь однажды погулял, неумело толкая перед собой детскую коляску.

– Да, у нас и ребенок и все такое, – сдавленно ответил я. – Но еще позавчера днем я назывался мужем в настоящем, так сказать, времени, а теперь только в прошедшем. Дочь она мне, конечно, не отдаст. Да и какой из меня отец? Лена, мы зашли куда-то не туда, по моим ощущениям. Моя личная жизнь, дети – все это как-то не актуально уже. Давай лучше о проекте. В чем суть и что от меня требуется?

Я лишний раз убедился, что красивый человек красив во всем. Лена так изящно положила передо мной буклет, так изысканно раскрыла его, перелистала, нашла нужную страницу и грациозно указала длинным своим пальцем на колонки с цифрами:

– Это наш рекламный проспект, как видишь. В принципе здесь все то же самое, что и в моем компьютере, только красиво и убедительно сверстано. Бизнес, которым я... – она осеклась было, но тут же поправилась: – мы пытаемся заниматься, называется контент-провайдинг.

– Мерси за ликбез, – улыбнулся я. – Я догадывался, что именно как-то так он и называется.

«Не зря она сначала сказала «я» вместо «мы». Значит, во-первых, у нее амбиции, раз она считает этот проект только своим, а возможно, что именно так оно и есть и это целиком, от начала до конца, ее идея. Но есть и во-вторых, и это мне гораздо важнее. Это «я» означает ее желание дистанцироваться от мужа и пусть пока это лишь в профессиональных отношениях...» Я поморщился, подержался двумя пальцами за переносицу: «Дурак. У женщин нет деления на «профессиональное» и «личное». Если она так проговаривается, то в душе она и впрямь уже не близка с мужем. Значит, у меня есть шанс. Хороший шанс. Здесь сейчас все будет зависеть только от моих способностей, а я способен, это несомненно. Женщины ценят силу мысли. Если она увидит, что я пружина как танк в бизнесе, она поймет, каков я в любви. Она уже сейчас чувствует это, но у нее это в виде кома ассоциаций, из которых еще только предстоит выложить мозаичную картину, где будет все. У меня позади ничего нет, мост в прошлое сгорел, а в будущем надо адаптироваться и окружить себя только самыми лучшими чувствами, людьми и впечатлениями».

– Волшебное. – Она улыбнулась, и я, наклонив голову так, чтобы она не заметила, облизал сухие губы. Улыбка у нее была необыкновенная, когда она улыбалась, то улыбалась как-то вся, всем лицом, из глаз брызгали смешинки, кожа на лбу собиралась в легкие, едва намеченные морщинки, брови ее чуть приподнимались, мило изгибаясь. Господи, боже мой, и все святые угодники, сколько бы вас там ни было, что это была за женщина! Я с удивлением отметил, что ощущения, привычный порядок чувств, состоящий из несложных оттенков похоти, куда-то валится, рушится, словно шаткий и жалкий плетень на ветру. И ветер этот, чистый, свежий, непознанный, одновременно ошеломил и восхитил меня. Это ветер любви.

Он наполняет легкие, преобразуясь в пьянящий, разом заполняющий душу нерукотворный свет. Ничего подобного я никогда в своей, в общем-то, жалкой, обделенной великим чувством любви жизни не ощущал.

– Итак, мы одни из многих, кто рисует вот такие вот картинки, делает мелодии, пытаюсь соблюдать авторское право их исполнителей, чего почти никогда не удастся сделать. – Она сопроводила это признание коротким смешком. – И мы хотим стать лучшими и первыми. Авторскими правами занимается юрист, он контактирует со всеми этими «обществами по защите авторских прав», которые ни черта не защищают, а только, в свою очередь, паразитируют на авторах. В этом, не побоюсь этого слова, аспекте ты нам не интересен. А вот что касается достижения призового места, то, по нашему с Костей коллективно-семейному мнению, ты как раз та самая призовая лошадка, которая нас к этому месту с комфортом доставит. Уж прости мне мой бизнес-цинизм, но что есть, то есть. Знаешь, я привыкла называть вещи своими именами. Мы тебе платим, ты на нас работаешь. Лидерство в отрасли – это та цель, которую мы рассчитываем достичь с твоей помощью, Витя.

– Как сейчас строится работа? – с профессиональным зевком спросил я. – Прости, что зеваю, мне очень интересно, но я теперь живу у мамы. Немного непривычно засыпать в детской кровати, в которую никогда не рассчитывал вернуться.

– Ну я надеюсь, что это временно. – Лена развернулась в кресле и заложила ногу за ногу. – Время лечит почти все, а уж подходящую кровать-то оно тебе подберет. К делу. Тебе все понятно в глобальном, так сказать, смысле?

Я кивнул, дескать, «чего ж тут непонятого? Нужен толчок, прорыв... Одним словом, подвиг. «В жизни всегда место подвигу есть. Нет подвига, нечего лезть» – как пелось в какой-то песне.

– Тебе нужно будет запустить проект, наполнить его жизнью – это интересно, настоящее творчество. Традиционно – это сделать бюджет, поработать над стратегией продвижения, но об этом скучно говорить, – пожалала плечами Лена, и я быстро и мягко прервал ее, просто подняв ладонь над столом:

– Елена, когда я слышу слова «бюджет» и «стратегия», меня начинает тошнить со скуки.

– Но без этого никуда, увы. – Она мило улыбнулась. – Все равно все это теперь висит на тебе и больше этим никто заниматься не станет.

– Я хочу оставить эту никчемную, офисную возню в своем невозвратном прошлом. Главное в таком деле, как продвижение бизнеса в тесной конкурентной среде, – это креатив, поиск эффективного рычага, которым почти безо всякого бюджета можно так раскачать процесс, что деньги будут идти сами по себе сплошным потоком. Вы же наняли меня не для того, чтобы проверять, насколько хорошо я знаю теорию в рамках курса МВА для даунов-управленцев, не так ли? А вы наняли меня за те качества опытного терщика-переговорщика, которые я анонсировал вам с Костей в той забегаловке. И я, между прочим, от слов своих отказываться не собираюсь. Как говорят наши прибалтненные братья-гопники, «с базара не съезжаю», не имею такой привычки. У меня, Лена, свои методы, и позволь мне действовать с их помощью. Я понимаю, что тебе нужна конкретика, и она у тебя будет в виде дедлайнов, которые я обозначу уже очень скоро. Мне необходимо два-три дня, чтобы понять, какой именно путь предложить, а потом я попрошу слова и выступлю. Вообще-то, – откашлялся я, – я уже и так все вижу, но ради приличия попрошу у тебя немного времени. Идет?

После такого пафосного выступления я не сразу перевел дух. Мне нравился бизнес, нравилось, как захватывает идея, сулящая интересные мысли, контакты и как законный финал – получение прибыли в виде красивых цифр. Я не случайно назвал себя «терщиком», то есть человеком, который любит и умеет разговаривать с людьми, получая от них искомое. Таким умением обладает только тот, кто понял, что напротив в роли оппонента всего лишь человек, а человека всегда можно просчитать. Только человек, а не высшее существо, поведение которого непредсказуемо. Я выиграл такое количество переговоров, что по праву могу считаться профи-терщиком. Интрига – вот что привлекало меня. Рутинная работа мне

отвратительна, я давно перерос игру по правилам, принятым в скучном и плоском бизнес-мире. Скучным и плоским его видят приземленные людишки, которые с унылым достоинством позиционируют себя в стиле «I am what I am». «Я простой чувак. Вот умею как-то там колбасить деньги. Я серьезный бизнесмен. Не пою, не пляшу, избегаю публичности, презираю тех, кто лезет на сцену». Это позиция человека в футляре, сморчка и мудака, которому женщины дают только за деньги. Настоящий бизнесмен – человек творческий, и подход к своему делу у него также творческий, свободный и гибкий. Это чертовы прописи в том смысле, что банальны до гипоксии, но из них состоит мир со всеми его сложными на первый взгляд вещами.

4

Я, как автор этих правдивых строк, испытываю серьезные проблемы в области дежавю. С одной стороны, я это я, но, с другой стороны, меня зовут Виктор Картье, и ничего с этим нельзя сделать, хоть ввинтите указательный палец в ваш висок, мол, «вот чудак». Иногда мне хочется рассказать что-то от первого лица, а иногда выйти из самого себя и поведать об этом негодяе Картье так, будто сам я стесняюсь своей причастности к событиям, здесь описываемым. На самом деле мне глубоко наплевать на всякие там угрызения совести и прочую глупость. Просто о чем-то я могу рассказывать так, словно я прямо сейчас вижу это своими глазами, но некоторые события, память о которых мне особенно дорога, мне хотелось бы описать как стороннему наблюдателю. Поэтому не пугайся, мой читатель. Перед тобой один и тот же рассказчик. Его и меня зовут Виктор. Наша с ним фамилия Картье. Мы курим, любим виски, любим рыжую жену нашего шефа, подобравшего нас на помойке этой жизни.

На несколько часов Картье погрузился в изучение рынка мобильного контента. Ничего особенно нового он для себя не открыл, ему были понятны принципы формирования спроса на всю эту околотелефонную ерунду, и спрос был действительно колоссальным. При копеечной стоимости (которой практически и не было) картинки, музыка, видеоролики, книги, закачиваемые в телефон, приносили чистый барыш в сотни процентов, что вызывало ко всем этим с виду «мобильным пустышкам» самое искренне уважение, какое только могут вызывать по-настоящему большие деньги. Конкуренентов было много, из них выделялись несколько особенно крупных: «M-phone», «Play-way» и еще пара компаний, – остальные были мелкими, но также имели свой лоскут земли под солнцем. Суть их бизнеса сводилась к производству всего вышеперечисленного, приобретению у оператора мобильной связи коротких номеров, «подвешиванию» определенной контентной единицы, то есть той или иной картинки, мелодии, игры и тому подобного на этот номер. Таким образом получался готовый продукт, который можно было продавать, рекламируя его всеми известными способами. Заинтересованности мобильного оператора во всем этом процессе не было никакой, или она была минимальной, выражаясь в получении арендной платы за короткие номера. В этом Картье увидел очевидный просчет и очень удивился, что все обстоит настолько просто, буквально лежит на поверхности. Операторы теряют огромное количество денег, позволяя паразитам вроде «Smart-soft» щипать траву буквально у себя под носом!

– Бред какой-то, – вслух сказал Картье, прикурил и бросил на стол тяжелую зажигалку от «Du Pont». На полированной крышке стола появилась белая отметина.

Глубокомысленно выпуская в потолок струйки дыма, Картье продолжал рассуждать:

– Почему операторы настолько глупы, что не понимают, сколько можно поднимать на дополнительных услугах? Для чего им плодить таких, как мы, если они запросто могли бы прибрать этот бизнес к своим рукам и продавать контент от себя? Все же куда как проще: выбери пару-тройку компаний вроде нашей, а пару-тройку потому, что не стоит складывать все яйца в одну корзину и нужна конкуренция, скупай у них оптом то, что они произвели, и продавай от собственного имени, назначая цену по своему усмотрению. У мобильного оператора связи есть его имя, растиражированное уже даже не столько в СМИ, сколько в мозгах населения. Есть абсолютная узнаваемость и высокое доверие!

Виктор вспомнил о пресловутом «биллинге МДС» и хмыкнул. Ведь, если учитывать, как «Моби Диджитал Системс», самая крупная сотовая компания в стране, обворовывает своих абонентов на совершенно непрозрачной системе подсчета эфирного времени, то об абсолютном доверии не может быть и речи.

– Тем не менее все ругаются, зная, что их обворовывают, но все терпят, – глубокомысленно изрек Картье, покосившись на лежащий перед ним телефон от «МДС». Все-таки это куда надежней, чем отправлять платные эсэмэски каким-то шаромыжникам. «МДС» хоть цену без налогов указывает и придерживается ее, а шаромыжники за какую-нибудь картинку, стоимостью якобы десять рублей, сдерут рублей триста, а то и больше и потом ищи ветра в поле.

– И все равно здесь что-то не так. – Виктор любил, когда размышлял над чем-то, говорить сам с собой. Это и аудиторию создавало, и в то же самое время выпущенное в пространство слово обретало свое значение, позволяя оценить его смысл со всех сторон.

– Здесь не так что-то. – Картье, покуривая, поворошил страницы буклета. – Не может быть, чтобы в «МДС», в «Гигафоне», в «Дилайне» работали дебилы, которые не понимали бы всего потенциала этого бизнеса. И тем не менее в первом приближении это выглядит как исключительно дебильский просчет. А просчеты нужно использовать – сдается мне. Если это все-таки просчет, а не то, что я думаю...

На деле происходило следующее: «МДС» и все остальные выбирали несколько компаний, среди подобных «Smart-soft», и возводили их в ранг официальных распространителей того или иного контента от своего имени. Тот из производителей контента, кто выигрывал тендер и получал заказ от операторов мобильной связи, был в шоколаде. Остальные довольствовались сервисом коротких номеров, продавая свой контент как могли. Подводя итог своему скрупулезному анализу, Картье сделал вывод о скорейшей необходимости завести полезные знакомства среди менеджмента и топ-менеджмента всех трех операторов.

– Она сказала про бюджет. Он понадобится, особенно та часть, которая обычно носит название «представительские расходы».

Картье за неимением зеркала встал возле окна, в котором неясно отражался, и, вроде бы как откровенно дурачась, поднял правую руку, откашлялся и произнес:

– Дьяволом всемогущим клянусь, что из представительских расходов, выданных мне добрейшим самаритянином Штукиным, я постараюсь скрысить все, что только будет в моих силах! Также клянусь все тем же, что любой ценой, даже если мне для этого понадобится сожрать фунт изюму, который я очень люблю, я уведу у него жену, построю на его несчастье свое счастье и никогда не стану терзаться угрызениями совести, ибо я мерзавец, подлец, негодяй и проходимец, за что меня так любят женщины, и я этим пользуюсь. Также клянусь сатаной, его рогами и копытами, что заставлю этого мудака Вадима пожалеть о том дне, когда он надел мои тапки и так унизил меня в глазах моей женушки, любительницы культуристов, похожих на презервативы, набитые арахисом. Также я клянусь чертом, который, наверное, для того держит на этом свете таких, как я, что на этот раз не допущу прежних ошибок, не позволю никакому Бирюкову становиться у меня поперек дороги и добьюсь всего, что есть у Кирсанова, включая его умение пускать колечки сигарного дыма. В обеспечение своих обещаний ставлю вот это...

Картье, зажмурившись, прокусил себе нижнюю губу и замычал от боли. Во рту появился солоноватый привкус. Картье что есть силы плюнул на окно, и его неясное отражение скрылось под красным пятном, из которого стекали вниз тонкие струйки крови. И вот что странно. Кровавое пятно мгновенно высохло. Уборщица вытерла его остатки на следующее утро.

окольными путями выяснял все, что только было возможно о людях, принимающих решения в «МДС» и «Гигафоне». С «Дилайном» все оказалось из рук вон плохо, «Дилайн» был непроницаем для сторонних контент-провайдеров, так как весьма неглупые люди оттуда учредили собственное бюро контент-проектов под названием «Дио-лайн» на правах дочерней фирмы и единственного производителя и поставщика дополнительных услуг для оператора «Дилайн». Не зря «Дилайн» считался «чекистской» структурой, и кое-кто шепотом говаривал, что в учредителях «Дилайна» значатся фамилии таких многозвездных генералов, что и вымолвить нельзя. Черт его знает, между прочим. Может, и значатся. Дело не в этом, а в том, что «мутить» с этим оператором было невозможно. Оставались два других. Виктор решил начать сбор внутренней информации с «МДС», для чего вызвонил одного своего закадычного друга-собутыльника, имевшего к «МДС» непосредственное отношение еще около месяца назад, а ныне из «МДС» уволенного. Сам друг-собутыльник по имени Иванушка утверждал, что пал жертвой интриг, жаловался на судьбу. Напившись, пробовал говорить о высоком, но все у него сводилось к излиянию обид и неявным угрозам в адрес тех, кто его обидел, то есть прежнего его руководства из «МДС».

– Скажи, Вань, – подливая приятелю коньячок, задушевно спрашивал Картье. – А кто там вообще решения принимает по выбору контента? Есть какой-то один человек или там, может быть, коллегиально все это?

– Да какое там, – жадно выпив, только и махнул рукой стремительно хмелеющий Иван. – Там Шедин со своей бандой всем заправляет. Они такие бабки поднимают, нам с тобой не унести, как говорится. У них есть страничка в Интернете, называется war.mds.ru, на ней, как тебе известно, висит весь контент, который они продают именно как «МДС», то есть от своего имени. И все контентщики, – Ванечка презрительно поморщился, показывая свое отношение к «контентщикам», – только и мечтают попасть на эту страничку. И вот Дима этот самый, который Шедин, за долю малую разрешает им «прислониться» к бизнесу. Это же он меня слил, Шедин-сволочь. Когда я ему прозраченько так намекнул, что же вы, дескать, Дмитрий Валентинович, тендеров-то не проводите никаких, хотя должны. Вернее, проводите, да только выигрывают в них далеко не лидеры.

– Ну это уже не намек, это вызов, – задумчиво протянул Картье. – Притом вызов открытый и глупый. Теперь понятно, за что тебя слили. Язык твой – враг твой.

Ванечка ничего не ответил, потянулся за рюмкой. Почти трезвый Картье смотрел на него с откровенной брезгливостью. Дождавшись, когда его обиженный жизнью визави опрокинул в себя очередную порцию и его тут же окончательно развезло, до соплей, до бестолковых пьяненьких слез, Виктор взял Ванечку за локоть и пристально посмотрел ему в глаза. Взгляд у Ванечки стал бессмысленным, шалым, он время от времени пытался навести резкость, мотал головой, отгоняя корчивших рожи бесенят, стонал и пытался откашляться.

– Ваня, эгей! – Картье сжал пальцы, и Ванечка немного взбодрился. Понимая, что это последнее просветление перед окончательным провалом в пьяную трясиину, Виктор принялся выспрашивать контакты Шедина. Ванечка некоторое время «тормозил», затем как-то весь вскинулся, воспрял и спросил с вызовом:

– Зачем тебе? Хочешь с ним замутить? Если так, то не дам ничего, нет-нет. И не проси даже.

– Да какое там... – Картье соорудил на лице гримасу угрюмой задумчивости и, еще пристальней вглядываясь в лицо, Ванечки произнес: – Я за тебя отомстить хочу, Иван. Отомстить, понимаешь?! И не спрашивай меня, каким образом, но этот твой Шедин еще побегаёт как ошпаренный. Только мне для этого нужен номер его мобильного телефона, почта его нужна. И даже не это самое важное, друг мой. Мне нужен кто-то, кто смог бы меня ему представить, что вот, мол, нормальный пацан, можно с ним дело иметь, не сдаст в случае чего. Тебя то, конечно, и рассматривать нельзя, а вот не мог бы ты кого-нибудь присоветовать?

– А... Чего там с-советовать? Я п-пряма сейчас позвоню, – заплетающимся языком молвил несчастный в своем недуге Ванечка и полез было за телефоном, но Картье испугался, сделал круглые глаза и зашипел:

– Ты дурака-то брось валять, ты сейчас мне... нам все планы спутаешь! Как ты ему можешь звонить и что-то такое говорить, раз он тебя уволил, как ты говоришь «за правое дело»?! Не дури, Вань. Лучше просто дай мне его номер, а?

– В-Витя, ты сказал, я услышал, – с пьяной серьезностью, безапелляционно заявил Ванечка. – Я сейчас все решу. Ты же не в к-курсе, какие у нас о-отношения, а я м-могу тебе помочь р-реально.

Картье не знал, как ему вести себя в этой ситуации. Он яростно тер переносицу и поглядывал, как Ванечка, словно настоящий старичок, близоруко прищурившись, тычет пальцем в сенсорный экран своего коммуникатора. В конце концов, у него получилось найти нужный телефон, и Ванечка счастливо хмыкнул, подмигнул Картье и вдруг совершенно трезвым голосом сказал:

– Ты, Витя, не парься, за что там именно меня уволили. Я тебе официальную версию транслировал, чтобы, так сказать, складно звонить всем разом, а вот теперь послушай, что я тебе скажу о том, как на самом деле все было.

– Интересно! – Картье подался вперед, глаза его загорелись, он любил такие истории.

– К-короче, – Ванечкина трезвая речь тут же и кончилась, – м-мы вс-се были при делах и в одной команде у Д-димона. Когда кое-кто из самых больших боссов решил проверить, как именно мы устраиваем тендеры, то начали проверять негласно, но Шедин в-все откуда-то узнал и собрал нас в японском ресторане. Прямо отдельный кабинет сняли, где все расселись, с-сняв обувь. Как положено, между прочим! Сказал, что п-проверка началась и вс-се это может для нас очень плохо кончиться. Сказал, что нужна жертва, на которую м-можно будет все с-спихнуть. Мол, вот он брал, а мы все ч-честные. Все реально на з-заднице как сидели, так и... – Ванечка немного запутался, пьяненько усмехнулся и продолжил, – вот выбрали меня, п-понимаешь. Т-так быв-вает. В-все скинулись и отправили меня на заслуженный отдых без волчьего бил-лета, а Шедин отчитался, что нарушения выявлены, винов-н-ник найден и ув-волен. Т-так ч-что я могу ему поз-звонить и т-тебя пос-советовать. Н-не надо ему мстить, с ним надо дела м-мутить.

Виктор почти все понял, подивился уровню и силе круговой поруки, царящей в «МДС», и решил про себя, что тут у него дело должно пойти. Это была его родная стихия, Картье варился в ней долгое время и чувствовал себя превосходно. Вообще все всегда просто решается там, где надо «дать». Дал и знай делай свое дело. Хорошо! Коррупция сближает людей, в ней повязанных.

– А чего же именно тебя выбрали-то? – Картье прервал ход своих мыслей. – Почему именно ты?

– П-потому, что я В-ваня-д-дурачок, – совершенно серьезно ответил Ванечка и больше объяснять ничего не стал. Вместо этого он дозвонился Шедину и довольно быстро договорился с тем насчет его, Шедина, встречи с Виктором. Картье, не ожидавший, что все получится так быстро и экономно, мысленно положил себе в карман пару тысяч долларов Штукина, которые Витя думал выручить «за рекомендацию нашей компании нужному человеку». Настроение у него сразу улучшилось, он подлил Ванечке, но тот пить больше не стал, сделался задумчив, а вскоре и вовсе ушел, оставив Картье в одиночестве. Сидя за столиком в ресторане, Виктор мечтал о рыжей Лене и рассеянно водил пальцем по талии стоящей перед ним рюмки.

6

Не солгал во хмелю Ванечка! Всю правду сказал, как есть. Однако то, что в действительности произошло тогда, в «МДС», требует некоторых подробных пояснений, которые немедленно и будут здесь приведены.

Некто Дима Шедин пришел в «МДС» из... Название этой организации менялось несколько раз с момента ее создания. В самом начале называлось это непыльное местечко «Всероссийской Чрезвычайной Комиссией» или, проще говоря, «Чека». Вот Дима там и

работал несколько лет, в этой самой «Чека», в отделе технической контрразведки: собирал всякие хитрые штуки, назначение которых было самым разнообразным. Например, была такая штука, которую ставили, скажем, на взлетную полосу...

Зима 1997 года. В одной из бывших советских республик зеленые бородачи (не путать с «Greenpeace») захватили самолет с заложниками. Самолет российский, заложники тоже наши люди. Бородачи выдвинули требования: много денег, самолет заправить, взлетную полосу освободить. Тогда они всех отпускают и улетят. Может, изначально у них такого намерения и не было, всех отпускать, но кто-то, кто умел это делать, с ними таким образом договорился, пообещав бородачам удвоить сумму их «гонорара». Те согласились. В заложниках оставили только летчиков.

В организации, где работал Дима, работали тогда, да и теперь работают, умные, мягко говоря, люди. Их там, верьте на слово, много. Они, довольно быстро оценив обстановку, поняли, что команда летчиков-заложников – это мнимая команда летчиков-заложников, т. к. появилась информация, что все эти бородачи и летчики суть одна шайка-лейка. Тогда в одну из бывших советских республик и был вызван Дима Шедин со своей чудо-установкой.

Суть действия этой невероятной машины, или «ИХЧ» – «излучателя химико-частотного», который официально принят на вооружение в специальных службах, в том, что это устройство своим направленным излучением меняет состав топлива в любой системе: самолет, автомобиль... Авиационный керосин, бензин с любым октановым числом становится непригодным для использования в течение всего срока действия излучения, то есть попросту перестает гореть. Приводит это к мгновенной остановке всякого движения, что означает катастрофу. Автомобиль теряет управление и просто глохнет, а с самолетом все обстоит не в пример страшнее – он падает. Установку разместили на кромке летного поля, Шедин проверил настройки, отрапортовал о готовности, бородачи получили команду на взлет, и ликованию их не было предела. Еще бы! У них все получилось, значит, не зря они рисковали своими идеалами и бородами. А Шедин тем временем смотрел, как разгоняется по взлетной полосе самолет, как отрывается он от бетонных тугих плит. Вот теперь самое время! Щелк тумблером – и на высоте сто метров, когда двигатели работали на предельной мощности вдруг на секунды пропала реактивная тяга. Этого было достаточно для мгновенного наступления точки невозврата, когда, даже в случае повторного запуска турбин, самолет не смог бы продолжить набор высоты. И он рухнул.

Фюзеляж раскололся на несколько частей, из двенадцати человек на борту уцелел один бородач, который отделался переломом позвоночника. Что с ним стало потом, никому не известно, зато совершенно точно известно, что стало с Шединым. Его наградили? Нет. Его уволили из органов. Интриги, интриги... Мышиная возня. Человек спас для страны огромную сумму денег, ведь самолет при падении не загорелся, на что, должно быть, кое-кто рассчитывал. Что именно там было, с какой характеристикой Дима был отправлен в скоростную отставку – это ненужные подробности, которые тем не менее автору известны, но ему не хочется превращать свою художественную повесть в документальную, и поэтому от приведения здесь точных фактов он воздержится.

Картье не знал и, конечно же, не мог знать, что сделалось с Шединым после его разжалования. Известно же это наверняка. Дима недолго пробыл не у дел. Мафия с радостью предоставляет работу профессионалам из различных областей, а в то паскудное ельцинское времечко таких, как Дима Шедин, «асов-не-у-дел», осталось множество. Кто-то подался торговать трусами на рынке, кто-то показал голодной жизни middle finger, занялся бизнесом и нынче рулит миллиардными потоками, а Шедин решил завязать с научной карьерой, переквалифицироваться в управленцы и выстроить карьеру топ-менеджера. Он пришел в «МДС» в год ее основания. Но это случилось не сразу. Перед карьерным взлетом произошло в его судьбе нечто особенное. Обычно такие вещи способны изменить дальнейшее течение жизни, но здесь все как-то обошлось. А случилось вот что.

Во время очередного передела собственности в «нефтянке» одна из серьезнейших в этой отрасли группировок готовилась к поглощению крупного холдинга «Данкос». Владельцем и

генеральным директором «Данкос» был чеченец Зия – выходец из одного из самых мощных и влиятельных в республике тейпов. В юности он получил прекрасное образование, после института попал на работу в ту же, что и Дима, организацию, и его готовили для работы в качестве разведчика-нелегала. За его подготовку отвечал один из самых молодых на тот момент генералов, когда-либо работавших в советской разведке. И был у будущего директора «Данкос» друг Артем, молодой журналист, сын видного советского политического обозревателя Генриха. Их дружба выдержала и огонь, и воду, и медные трубы: когда чеченец Зия создавал свою империю и стал нефтяным королем, Артем совместно с другом своего отца Юлианом, автором тех самых «Мгновений», основал информационный холдинг, специализировавшийся на журналистских расследованиях. Все шло прекрасно до тех самых пор, пока как-то раз двое друзей не оказались в выдавшем виды «Як-40», вылетевшем однажды из Москвы в Киев, но не поднявшиеся и выше ста метров. Шедин «сбил» самолет с помощью своего ИХЧ, и автору совершенно не хочется задаваться вопросом «А почему же никто сразу после этого не сбил самого Шедина?». У автора нет ответа на этот вопрос, но есть предположения, коими он не хочет делиться с читателем, слишком невероятными они могут показаться. Также неизвестна сумма гонорара, полученного Шединым за практическое применение своего изобретения. Но факт того, что нефтяник и журналист погибли именно при обстоятельствах мною описанных, остается фактом, а не бредом, не версией, не конспирологическим вымыслом. И факт этот признан всеми, кто имеет к этой трагедии отношение. Признан, но... недоказуем. Ведь в организации, выпустившей из своих стен Шедина, во все времена хватало профессионалов, отличным образом умеющих замечать за собой следы...

В «МДС» Шедин возглавил одно из ключевых подразделений: Департамент развития продуктов и услуг, или сокращенно ДРПУ, или просто департамент, как называли его между собой сотрудники «МДС». Операторы связи, увидев, что мимо них проплывает бизнес с огромными возможностями, поспешили основать подразделения, во многом схожие с департаментом. На новом месте Шедин поднялся за очень короткий срок, как и бывает всегда в момент запуска выверенного и просчитанного очевидно емкого проекта. Стоять у истоков бизнес-идеи, принимать участие в ее реализации в пятидесяти процентах случаев оказывается крайне выгодным. Остальные пятьдесят процентов нас, дорогие граждане, в данном случае *near bird*, так как и без того ясно, что все в этой жизни, в том числе успех, по умолчанию происходит из расчета 50/50, то есть «или пан, или пропал». Когда бизнес начинается теми, кто не верит в «авось», то все участники периода *start-up* нормальненько так наживаются и достигают просветления. А если «типа бизнес» начинают всякие, прости господи, мудаки, которым кажется, что чушь собачья, ими придуманная, – «выстрелит», то они оказываются в другой полусотне процентов и вымещают злобу из-за собственных просчетов на наемных исполнителях, будучи не в силах признаться себе в том, что они никакие не бизнесмены, а просто придурки, которым не хватает креатива, образования, опыта. Того самого опыта, который воспитывает в деловом человеке его чутье, его знаменитый нюх на деньги.

Руководитель без команды – Мистер Никто. Вот и Шедин собрал вокруг себя «команду единомышленников». У «Машины времени» есть такие слова:

Мы выходим из круга,
Мы выходим на свет,
Это знак, что команда уже собралась.
Мы узнаем друг друга
После долгих лет
По улыбке и по цвету глаз.

Как именно Шедин определял на собеседованиях с потенциальными кандидатами «своих людей», навсегда останется его профессиональной тайной. Но спустя довольно непродолжительный срок с момента своего назначения Дима собрал вокруг себя настоящих

волков. С клыков их стекала алчная слюна, а глаза светились обожанием к Шедину-вожаку, Шедину-учителю. Этот парень умел видеть людей, что называется, насквозь. Наивно было бы думать, что способность эта в нем открылась именно на службе, с ней нужно родиться. Разумеется, Шедин входил в те самые пять процентов, которые, согласно чьей-то справедливой теории, составляют люди-волки, живущие за счет людей-овец. В пять процентов, которым открыто в этой жизни гораздо больше, чем всем остальным. В пять процентов избранных, которых остальные не без зависти именуют «баловнями судьбы», или вот еще есть сильно подзае... словечко «элита».

Любой бизнес, даже самый легальный, походит на айсберг, основная часть которого находится под водой и никому не видна. Под водой происходит все самое важное, а верхушка айсберга – это лишь смерзшаяся глыба из документов, циркуляров, инструкций и жидких налоговых отчислений в бюджет. Такова модель любого, даже самого «белого» бизнеса. Вообще тот, кто первым разделил бизнес на «белый», «серый» и тому подобное, был, мягко говоря, не прав. «Белого» не бывает. Белый бизнес так же нереален, как чистый кокаин. Так вот, Шедин создал айсберг, верхушка которого была ничтожной, зато подводная часть была крайне существенной. Он придумал «закупочную комиссию», которую сам же и возглавил. В выборе поставщиков контента комиссия официально руководствовалась целой прорвой регламентов, данными расчета предполагаемой прибыли, следила за тем, насколько хорошо вписывается в концепцию «МДС» предложение поставщика контента. На самом же деле, прикрывшись фиговым листком «высокой миссии МДС», «высочайшими критериями отбора контент-провайдеров» и «передовыми методами высокотехнологичного анализа», регламентная комиссия принялась «колбасить лавэ» на взятках, которые ее члены сдирали с контент-провайдеров, как в свое время кожу сдирали с пришпандоренного к позорному столбу индейца крутые на расправу жители Дикого Запада. В закупочную комиссию входили верные Шедину люди. Каждый действовал самостоятельно, выбирая поставщика контента с учетом его «платежеспособности». Как только сотрудник Шедина видел, что к нему пришел «реально честный фраер», а не подсадной петушок, подосланный службой безопасности «МДС», он собирал об этом фраере максимум имевшейся информации, составлял подробную записку и шел с ней к Диме в кабинет, где за плотно закрытыми дверями эти двое: начальник и подчиненный, а вернее будет сказать – пацан и пахан, принимали решение включать фраерка в схему или подождать и проверить его дальше. Вся ответственность в случае «дефолта», как именовал Шедин форс-мажорные обстоятельства в лице службы безопасности, брал на себя сотрудник. Димино имя не должно было фигурировать ни в коем случае. Таким образом круговая порука в ДРПУ была абсолютной, Шедин болел звездным недугом мнимой непогрешимости, а производители контента исправно отстегивали и откатывали в карман менеджеру ДРПУ – члену регламентной комиссии, который, в свою очередь, аккуратненько делился с Димой из расчета 70 % – шефу, остальное себе.

Члены закупочной комиссии со временем начали вести себя нескромно. На служебной стоянке возле здания ЕБР МДС (Единая Бизнес Единица России Мобайл Диджитал Системс) появились их новые автомобили ценовой категории от 70 000 долларов. Парни стали летать только бизнес-классом и позволять себе дорогие отели и лучшие курорты, рестораны и проституток. Словом, все у них пошло по накатанной колее, когда осторожность сменяется бахвальством и желанием повысить свой статус в глазах окружающих, пересев с менее дорогого куска железа в более дорогой и черный. Стандартная история, ничего сверхъестественного. Эгоизм в который уже раз доказал свое превосходство над человеком на примере этих людей. Но Шедин вел себя куда как скромней: никогда не носил дорогих костюмов, а, напротив, одевался очень неброско. Портфель его был потертым, но не настолько, чтобы выглядеть неприлично. Ботинки стоили 200 долларов. Он ездил с шофером, но на «Peugeot-407». Он сумел так поставить отношения со своими людьми, что те не сдали бы его ни в коем случае. Они очень боялись своего шефа. Действуя проверенными в органах методами, Шедин имел на каждого убойный компромат такой силы, что публикация его в интернет-пространстве привела бы к полной гибели карьеры любого, кто решился бы на явку с

повинной и сдачу шефа. А никто и не собирался его сдавать. Кому же это нужно: рубить под собой сук? Отталкивать кормящую руку?

Были у Шедина и другие «схемы» на случай опасности. В частности, он превосходно знал о существовании некоего Бажовского – ныне покойного сотрудника «МДС», торговавшего закрытой информацией, составляющей тайну компании. Шедин был с ним приветлив, даже некоторым образом поощрял присказками вроде «риск благородное дело», «круто ты, вот я бы так не смог» и «чего бояться, если деньги не пахнут». А при удобном случае, когда СБ вновь собиралась проверить ЕБР, он сдал им Бажовского с потрохами, и тот... выпал из окна. Злые языки поговаривают, что рот ему перед самой трагедией кто-то надежно заклеил скотчем, а руки связал.

Шедин держал людей на страхе, алчности, гордыне – осознании, что они не такие, как все, и те платили ему преданностью. Он и сам никого никогда не сдавал. Шедин был настоящим Крестным отцом всех этих мафиози из ДРПУ. Поэтому, когда выбор пал на Ванечку, тот безропотно исполнил роль козла отпущения и получил от шефа обещание своего трудоустройства, «как только вся эта буча уляжется».

– Я тебя пристрою к какому-нибудь контент-провайдеру, – серьезно пообещал ему Шедин, – мне это будет очень просто сделать. Дай только времени немного остынуть от кипежа. А пока отдыхай, благо есть на что. Кстати, если подвернется желающий производитель картинок для телефона, который, по твоему, мнению представляет интерес и за которого ты можешь поручиться, ты можешь порекомендовать ему меня. Заодно приблизишь свое новое назначение...

Шедин как в воду глядел. Он никогда ничего не забывал, особенно он помнил то, о чем говорил сам. Поэтому он вполне благожелательно отнесся к звонку Ванечки и назначил Картье встречу на следующий день прямо в офисе ЕБР МДС на Таганке.

7

После разговора с пьяненьким Ванечкой Картье вытянул-таки из Кости Штукина 2000 долларов «за организацию встречи с ответственным лицом из МДС». Это были его первые деньги, полученные им жульническим способом на новом месте. Все прошло как нельзя более легко. Штукин был податлив и доверчив, как валдайская целка. Он не хмурил брови, не гонял по столу карандаш, не сказал «надо подумать и вообще: пригласи-ка мне этого Ванечку, я хочу с ним побеседовать с глазу на глаз, а то уж больно несуразную цифру за свои услуги он запросил, надо бы ее уменьшить». Вместо всего этого, столь естественного для всякого нормального бизнесмена (подозрительного, недоверчивого, не без оснований полагающего, что все вокруг только и занимаются тем, что стараются его обжулить), Штукин, как-то застенчиво улыбнувшись и даже покраснев, открыл сейф, извлек оттуда пачку сотенных долларов, отсчитал двадцать бумажек, убрал их в конверт и положил его перед Виктором.

– Пожалуйста, – сказал Штукин.

– Благодарю, – добавив в голос супербасы для придания солидности, ответил Картье и махом сбросил конверт в портфель, да так быстро, что Штукин только подивился про себя скорости, с которой работает его институтский приятель.

– Что же теперь? – робко спросил Костя.

– Теперь, мой друг, только вперед, – ответил Картье и задумчиво посмотрел в окно. Не поворачивая головы, добавил: – Я себя чувствую, как фюрер накануне Австрийского аншлюса.

Штукин хмыкнул:

– Он неважно кончил. И причем тут фюрер вообще? Этот придурок – твой кумир? Витя, ты что? Ты так шутишь? Только не говори мне, что ты симпатизируешь нацистам, это сильно охладит мое к тебе доброе отношение.

Картье замахал руками:

– Да бог с тобой, Костя! Какие там симпатии к нацистам?! У меня их отродясь не

наблюдалось! Просто со временем кровь уходит в землю, а то, что остается, – это уважение к силе мысли и величине исторической личности. Он был, конечно, мразью, но ты представь, как же его перло в самом начале, когда у него были сплошь только легкие победы? Нет, я не люблю Гитлера. – Щека Картье задергалась, и было непонятно, либо он действительно не любит Гитлера, либо гримасничает, пытаясь выйти из создавшегося неловкого положения.

– Ну слава тебе, господи, – с облегчением выдохнул Штукин. – А то я уж подумал, что ты, не ровен час, этот, как его... Сейчас же кого только не встретишь! Развелось всяких, понимаешь, – он, казалось, немного смущенно хмыкнул, – неформалов.

Виктор пожал плечами. Хотел сказать, что для руководителя такого бизнеса подобная косность выглядит по меньшей мере странно. «Неформалы», хм... Каждый волен самовыражаться, как ему заблагорассудится. Осуждать за идеи, пусть даже и столь радикальные, – это мера, обреченная на провал. Чем яростней пытаться вырубить под корень то или иное убеждение, тем больше побегов даст оно, спасая себя. Убеждения приходят в этот мир, чтобы укорениться в нем навсегда. Их насаждает воля высшего существа, ориентация которого автору неясна. Это существо и не рогатое чудовище с копытами, но и нимба вокруг головы его что-то не видно. Скорей это нечто из срединного мира, расположенного на рубеже зла и добра. Туда, в срединный мир, попадают идеи радикально райские или же, наоборот, откровенно адские. А так как ничего однобокого в природе быть не может, то в срединном мире они смешиваются и валяются на нас, ходящих с непокрытыми головами человечков, думающих, что это мы сами, своим умишком додумались до инквизиции, анархии или на худой конец движения феминисток.

Картье был склонен к философии, пытаясь объяснить все, с чем сталкивала его жизнь, по крайней мере самому себе. Он не делился с окружающими своими мыслями, он обрек их на заточение в темнице черепной коробки. Втайне он был горд своей способностью к осмыслению окружающего. Порой ему казалось: сложись его жизнь иначе, живи он в другое время, он обязательно стал бы ученым, а не барыгой, как иногда презрительно в остром хмелю называл он сам себя. Как знать, быть может, сложись его жизнь иначе, был бы Картье совершенно иным человеком, занимался действительно любимым делом, в котором достиг бы вершин, известности, газетных статей в стиле «Призвание и гений». Кто знает? Но нет, такова жизнь с его странностями, и сидел сейчас Виктор перед доверчивым олухом Штукиным, которого ненавидел за наличие тех душевных качеств, в самом Картье отродясь не замеченных. Так что же, подонок он, негодяй, конченый человек? Дальше будет видно. Успеет еще читатель составить свое мнение, коли еще не составил, и поменять, если уже определился со своей позицией в отношении героя этой истории. Ведь на то она и драматургия, чтобы преподносить с каждым витком рассказа все новые и новые сюрпризы.

– М-да, – зевнул Картье, – неформалы и все такое. – Он взглянул на часы, стрелка перевалила за половину девятого вечера, рабочий день затянулся. Картье попрощался с начальником, пришел к себе в кабинет и замер в растерянности. Ему совершенно некуда и не к кому было пойти. Из ближайших перспектив просматривался вечерний чай с мамой, разговор по мотивам ее интересов, ее односложные, заботливо-надрывные расспросы и сожаления об утрате Виктором статуса мужа и отца. Все это совершенно не доставляло Картье удовольствия, и он решил задержаться на работе настолько, насколько это возможно. Он покрутился в Сети, скачал несколько новых песенок, потом залез в какой-то «ругательный» форум менеджеров, где прочитал парочку несвежих остроумств вроде «начальник после отпуска вернулся сильно загоревшим и стал еще больше похож на говно». После того как ему надоело ошиваться в Интернете без всякого дела, он зашел на сайт war.mds и принялся просматривать предложения от своих более удачливых конкурентов, сумевших пробить несложные бастионы мнимой неподкупности сотрудников «МДС» из числа «шединских», как назвал их Виктор. Кое-что ему понравилось, хотя ничего оригинального он не заметил: книги, картинки, музыка, игрушки для телефонов давно уже стали для всех привычным делом и на первый взгляд были развлечением для никого. Мы привыкли измерять этот мир с высоты собственного полета, и если у нас нет времени скачать в телефон «игру-стрелялку», загрузить свежие песенки или

новый рингтон, если мы рассматриваем телефон лишь как средство общения, то нам кажется, что у всех окружающих примерно такое же отношение ко всей этой несерьезной мишуре. А вот и нет. Вот мы и ошибаемся! Огромное количество населения, пусть и очень нечасто, нет-нет да и соблазнится за пару долларов обзавестись какой-нибудь «прикольной штучкой» вроде тех, списки которых просматривал сейчас Виктор. Он ясно видел, что деньги тут огромные, что в стране, где сто миллионов человек являются абонентами мобильной связи, такое дело, как продажа мобильного контента, приносит сумасшедшую прибыль. Вспомнив о жалкой «двушке», выуженной им обманом из Штукина, Картье скривился. Жалкий, дешевый обман не шел в сравнение с деятельностью Шедина и его банды. Виктор закурил и сдвинул зубами фильтр сигареты, что бывало с ним в минуты особенного душевного волнения. Вытянувшись в кресле, он заложил руки за голову и уставился в потолок, как когда-то, мальчишкой еще, рассматривал звезды на черном куполе Московского планетария. Сейчас звезд не было, но Картье смотрел сквозь бетонные перекрытия. Он видел что-то особым, внутренним зрением. Его интуиция работала на полную отдачу:

«Вот где идет настоящая «варка». Такие бабки... Я буду последним идиотом, ничтожеством и лузером, если не попытаюсь «прислониться» к бизнесу этих ребятков из «МДС». Да и не только из «МДС». Не сошелся же на них свет клином? Но сначала я пойду в «МДС», познакомлюсь с этим Шединым. Ничего, Витя, не скучай, – занимался самовнушением Картье. – Если предчувствия тебя не обманывают и принцип тельняшки верен, то за черной полосой начинается белая. Главное растянуть ее как можно шире».

– Не отвлекаю?

Ее голос?.. Это ее голос! Лена стучала, но он был слишком увлечен своим бонапартизмом: планированием и раздумьями перед сражением, чтобы обращать внимание на негромкий стук в дверь. Она словно наигрывала на фортепиано: очень легко, едва касаясь поверхности нежными подушечками своих длинных быстрых пальцев. Зато теперь, когда она вошла, он разом выбросил из головы все неясные образы своих будущих викторий и целиком сосредоточился на ней, на этой рыжей, восхитительной чужой жене, которая, словно бы невзначай, зашла к нему под вечер.

– Да нет, конечно, Лена! Проходите... проходи. – От волнения и мгновенного прилива к голове Виктор растерялся настолько, что забыл на «ты» они уже или все еще на «вы». – У меня завтра встреча в «МДС», так я решил как следует подготовиться, вот, – он кивнул на экран монитора, – хочу понять, как мне лучше выстроить беседу и что именно предложить этим монстрам мобильного бизнеса. Чувствую себя так, будто решаю задачу из школьной программы. Вроде все просто и понятно, но это лишь на первый взгляд. На самом деле, в условии находится скрытая такая каверза, и то, что решается с ходу, не гарантирует правильный ответ в конце.

– Поняла. – Она улыбнулась. – У нас в компании завелся великий стратег.

– О, еще какой! – Картье почувствовал некоторую тесноту в причинном месте. – Хочу видеть события еще до их наступления, и, представь себе, получается!

– Интересно. Каким же образом? Откровенно говоря, я бы присела. Ты позволишь?

Она села на небольшой диванчик у стены, в паре метров от его стола. Виктор, совсем не забывая себе голову анализом ее поведения, начал рассказывать о своей методе, о том, что он чувствует, о том, как важно уметь правильно использовать свои предчувствия, руководствуясь интуицией.

– Это женская природа! Ты чувствуешь не так, как обычные мужчины. – Лена смотрела на него как-то по-новому. Добавилось в ее взгляде что-то такое, что можно было бы назвать «повышенным интересом». Женщин подкупает мужская духовность, ибо женщина по природе своей гораздо более духовна, легка и воздушна, чем мужчина, но счастлива лишь тогда, когда в своем мужчине чувствует духовный корень и может к нему прилепиться. Это и есть та самая «мужская надежность», столь ценимая всеми женщинами в мужчинах в первую очередь.

– Женская природа? – Картье выглядел растерянным. – Черт ее знает. Откровенно

говоря, я никогда не ощущал в себе ничего такого... Ну ты понимаешь? Я имею в виду влечение к своему гендеру и так далее. Я думаю, что ничего исконно женского во мне нет, это невозможно. Есть приобретенное с опытом, наносное. Я, видишь ли, смею думать, что хорошо знаю эту вашу женскую природу.

– Вот как? И что же ты можешь сказать по этому поводу?

Лена была увлечена, видно сразу. Глаза ее заблестели, она вся подалась вперед, к нему, и, хоть дистанция в два метра между ними была еще непреодолимой, Картье понял, что он ей не безразличен. Он давно понял, что почти всегда влечение одного порождает как минимум внимание со стороны объекта этого влечения. То есть когда мужчине нравится женщина, между ними хоть что-то да будет. Пусть на первый взгляд незначительное, всего лишь принятая поза, взгляд, особенным голосом произнесенное слово, но все это признаки теплого и прекрасного чувства, явления природной катастрофы под названием любовь. Лена была из породы умных женщин, ей нравились белые лилии и сочетание явной силы в этом высоком, жилистом, сразу видно, что с жестким характером человеке с его острым умом.

– Вы лучше нас. Тоньше чувствуете, по-другому видите.

Она усмехнулась:

– Благородно. А на самом деле? Разве ты не считаешь, что мужчиной быть проще, а значит, и выгодней?

– Жаль, что у меня нет яблока. А то я разрезал бы его на две равные половины и спросил тебя: «Какой половинкой быть лучше, этой или той?» Это только на первый взгляд кажется, что мы такие разные. На самом деле наполнение в нас одинаковое, если сравнивать вес душ – мужской и женской. Нам только и не хватает, что друг друга. Когда яблоко целое – оно выглядит завершенным и естественным. На поверхностях половинок быстро образуется неприглядный коричневый окисл, так же и в жизни мы убого выглядим друг без друга: женщина без мужчины, а мужчина без женщины. Коричневый окисл на яблоке – это наше дерьмо, которое выступает из нас по всякому поводу, когда мы не находимся в едином целом со своей половиной. Найти ее большая удача. Возможно, самая большая в жизни. Я вот все никак не найду, поэтому и считаю, что женщина лучше, чем мужчина. Видишь ли, Лена, мне кажется я не очень-то хороший человек. Это мягко сказано. Очень мягко, поверь мне. И женщины чувствуют, что я не их половина, я не тот парень, который им... вам нужен. Извини, этот наш разговор, он зашел куда-то не туда. Вечер располагает к откровениям...

– Нет, ну отчего же «не туда»? – Лена встала с диванчика, подошла к окну, не оборачиваясь, сказала: – Вечная тема. Самая интересная и бесконечная.

– Ты имеешь в виду тему двух половинок? – оживился хитрый Картье.

– Именно так.

– Ну тебе-то переживать незачем. Вы с Костей прекрасная пара и выглядите именно одним целым, – откровенно солгал Картье, не сводя глаз с Лены. Он заметил, как плечи ее чуть дрогнули, и не разобрать было, то ли от усмешки, то ли от всхлипа. Он не видел ее лица, а ему так важно было видеть его именно сейчас. Он чувствовал сердцем, что все между ней и Штукиным обстоит с точностью до наоборот, но в таком деле нельзя быть уверенным до конца. Может быть, все так и есть на самом деле и ничто духовно не связывает Лену с этим человеком. Но замужня женщина всегда так дорожит своим статусом, своим штампом в паспорте, всегда так долго, даже когда нет уже никаких отношений с мужем, предается воспоминаниям о нем в присутствии нового кавалера, что порой ее поведение ставит точку на развитии новых отношений, при условии что новый мужчина ревнив и не успел еще окончательно потерять рассудок от любви, впасть в это состояние гормонального и душевного сумасшествия, в котором женщине прощается абсолютно все, лишь бы она постоянно находилась рядом. Женщина с большим трудом идет на то, чтобы признаться в фиаско с бывшим мужем даже самой себе, не говоря уже об окружающих.

Лена так ничего и не ответила, и он счел это добрым знаком для себя. Никакого напряжения в воздухе не чувствовалось, как бывает всегда, когда задаешь собеседнику откровенно неудобный, провокационный вопрос. Видимо, для нее самой все давно было

понятно, но она просто не собиралась вступать в откровения такого рода, да еще и с малознакомым ей человеком. Тогда Картье решил зайти с фланга, так как атака «с тыла» явно не удалась.

– Скажи, как тебе моя теория? – несмело спросил он.

– Тебя интересует мое мнение? – Она, наконец, отвернулась от окна и с некоторой долей изумления посмотрела на Виктора.

– Гм... Ну разумеется! Иначе для кого я нагородил здесь весь этот огород? Это извечная тема гендерных отношений, и она мне куда более интересна, чем то, чем мне предстоит заняться завтра, а именно охмурить некоего функционера из «МДС», который только и ждет, когда я приду и охмuru его. Здесь все будет четко и просто, я гарантирую. Я сотни раз не только видел, но и делал это. Я в своей жизни провел столько переговоров, совершил столько противозаконных актов коммерческого подкупа и так хорошо знаю этот гниловатый мирок, что могу с уверенностью сказать, что ничего нового в нем я для себя уже никогда не открою. Одни и те же люди, населяющие гниловатый мирок, поют одни и те же песни. Довольно скверные, надо признаться, песни.

– А влюбленные люди? – Она завела руки за спину, оперлась о подоконник, выгнулась, подчеркивая грудь, и скрестила ноги, перенесла вес тела на левую стопу. Получилось красиво, словно наполненный ветром парус. – У них тоже свой мирок?

– Конечно! – Картье вдруг и сам поразился тому, с какой легкостью и пониманием дается ему эта тема. Раньше ничего похожего с ним никогда не случалось, всегда были какие-то внутренние барьеры, страх того, что не поймут и начнут спорить до посинения, отстаивая свою позицию, или, что еще хуже, начнут высмеивать, обнажив собственную глупость, словно срамное место.

– У влюбленных людей есть свой мирок – часть всеобщего мира, его крохотная территория, куда попасть могут только они. Это в том случае, если оба достаточно умны, опытни и знают, что никого постороннего, будь то хоть самый близкий, самый родной по крови ли и родству, по дружбе ли – человек, допускать в этот мирок для двоих нельзя. Там, в их мирке, все существует только для них и не потерпит чужого вмешательства: добрых, в кавычках, советов родителей, друзей, подруг и психоаналитика. Уверяю, что двое любящих друг друга людей настолько же сильны своей любовью, насколько и уязвимы для таких вот «доброжелателей». И чего те лезут? Им-то какое дело, вроде бы как? А поди ж ты! Кто-то из чисто спортивного интереса, кто-то из зависти, кто-то из убеждения «я лучше знаю, что нужно моему ребенку». Мирок влюбленных – это идеальная среда для них. И в нем им настолько хорошо, что они тоже поют. Между ними словно струны натянуты, и переборы такие, что иной раз, видя влюбленную пару, просто заслушиваешься их песнями. Их ощущаешь скорее интуитивно, слов не разобрать, но они прекрасны.

Лена слушала его, словно зачарованная. После того как Виктор закончил, она еще некоторое время сидела молча, словно проживая за секунды всю свою предыдущую жизнь заново. Наконец очнулась, подняла руки к голове, потерла пальцами виски, вздохнула:

– А ты хороший рассказчик. И умный. Сразу чувствуется богатый житейский опыт, понятно, что ты все это не с чужих слов, а сам прожил и пережил. С ума сойти. Наваждение какое-то. Я никогда раньше ни от кого ничего подобного...

Спохватившись, что сказала лишнее, Лена резко встала и протянула Картье руку. Она как-то очень странно улыбалась, и Виктор не мог понять, что означала ее улыбка. А это была маска, под которой Лена спрятала свои эмоции, навеянные разговором с этим человеком. Она умела владеть собой, слыла самой сильной, мудрой и счастливой среди своих многочисленных подруг и до сегодняшнего вечера сама верила в то, что с ней все нормально, она в порядке, счастлива со своим супругом тем незаметным, неосязаемым, ненастоящим счастьем, о наличии которого просто знаешь, и это успокаивает.

Виктор осторожно пожал ее холодные пальцы. Чересчур холодные. Так бывает по нескольким причинам. Почему-то он не ожидал, что они окажутся такими холодными. Стресс? Она устала? Внезапно почувствовала себя нехорошо?

«Зацепил я ее», – подумал Картье после того, как за Леной закрылась дверь, и блаженно потянулся. Хрящи у него были отменными, и нигде ничего не хрустнуло. Здоровый, молодой, сильный и умный мужик. Легкие еще не изгажены сигаретами, печень еще не распухла от алкоголя. Очень хитрый, очень расчетливый. Но, одновременно с этим, способный на чувство такой силы, о котором и не подозревал. Картье при всей силе своей интуиции не видел столь очевидного, ближайшего своего будущего. Не видел, что стоит на кромке огромного, заросшего ромашками и одуванчиками поля, по которому навстречу ему летит, едва касаясь земли, его рыжая, прекрасная любовь. Нужно сделать шаг навстречу. Всего один шаг...

8

Его совсем недолго мариновали на reseption. Все-таки это была серьезная структура, и смазливая секретарша с измученной солярием кожей проводила Виктора в переговорную комнату, как только уточнила, в какой именно из десятка комнат назначена у этого визитера встреча с самим Шединым.

Виктор посмотрел на смазливую секретаршу, остался равнодушен к ее простоватой, вульгарной прелести. «Соска чья-то, – сперва подумал Витя, но потом сам же с собой не согласился. – Небось, папик у нее какой-нибудь. Хотя место у девочки не статусное. Значит, нет у нее папика. Обычно, которые с папиками и при работе, те все больше в продажах или маркетинге обретаются. Хотя кто там что знает? Может, ее папику нравятся секретарши? Может, это для него наилюбимейший вариант?»

– Девушка, скажите, вы замужем? – поинтересовался Картье у секретарши, пристально наблюдая за выражением ее лица.

– Господин Шедин будет через 10 минут, он просил передать, что задерживается на совещании. Я вижу, что вы предпочитаете американу без сахара и сливки отдельно. Сейчас я принесу ваш кофе. Я хорошая секретарша, я отличная секретарша, я феноменальная секретарша, и у меня невероятный жизненный опыт, несмотря на мой обманчиво-нежный возраст. Да, я замужем. У меня двое детей и муж промышленный альпинист. И я с ним очень счастлива. Еще что-нибудь желаете спросить? Сладости к кофе?

«Умыла, – поразился Виктор. – Во дает!»

– Простите, я не должен был... – начал Картье, но она с усмешкой прервала его:

– Что, вы на самом деле поверили в альпиниста и детей?

– Гм... Нет, не поверил. Вы не похожи на жену мойщика стекол, – проявил находчивость Картье, выходя из ситуации.

– А на кого я похожа? – с вызовом спросила секретарша и заняла выигрышную позу: чуть касаясь руками спинки стула, отвела назад плечи и очертания ее груди под кофточкой стали более соблазнительными. Все они делают это, когда есть что показать.

– На девушку, которая знает, что нужно мужчине. С кофе вы меня удивили, я именно такой и люблю, – приврал Картье, который любил латте.

Польщенная секретарша удалилась и вскоре вернулась с подносом. Но продолжить флирт не удалось, так как практически следом за ней в переговорную комнату вошел человек, одним взглядом своим заставивший Картье встать.

Дмитрий Шедин был невысокого роста. Его овальная голова, поросшая, словно заполярная сопка, редкой растительностью, покоилась прямо на плечах. Признаков шеи не наблюдалось. Картофелина носа самодовольно топорщилась над двойным подбородком и полными губами. Уголки рта при этом были опущены, и казалось, Шедин скептически улыбается, что вполне соответствовало его должности. Глаза у него были не большие и не маленькие, не круглые и не овальные, а какие-то никакие, словно их и вовсе на лице не присутствовало. Обычно глаза – зеркало души и сразу запоминаются, а вот у Шедина такой «запоминалки» не было. Он обладал настолько заурядной, невыразительной внешностью, настолько был «человеком толпы», что воспроизвести его портрет уже спустя пять минут после расставания с ним вряд ли кто-либо смог. Естественно, при условии что этот «кто-то» не

работал там же, «в органах», где в свое время работал сам Шедин и где такая «смазанная» внешность считалась очень даже важным фактором для сотрудника.

Лоб у собеседника Картье был чуть посыпан оспинами и веснушками, рук он не прятал, что выдавало в нем человека, уверенного в себе. На нем был недурной костюм, дурно, впрочем, на нем сидевший, голубая рубашка без галстука, а из нагрудного кармана пиджака торчала почему-то короткая пластиковая линейка. Такие еще кладут в канцелярские наборы. Картье назвал Шедина «коротышкой», немедленно представил себе, как тот измерял линейкой из канцелярского набора свой пенис, уединившись для этого в туалетной кабинке, и очень искренне улыбнулся, отвечая на представление и рукопожатие Димы.

– Прошу садиться, – бросил Шедин и сам уселся напротив Виктора. – Я вас внимательно слушаю. У нас всего пятнадцать минут от силы, потом мне необходимо будет уехать, поэтому постарайтесь быть лапидарным и внятным.

– Безусловно! – уверил Картье, быстро раскрывая и раскладывая на столе прихваченные материалы. Затем, словно спохватившись, что за ненужную ерунду он делает, Виктор прервал свое занятие и тепло поглядел на Шедина.

– Дмитрий, я думаю все, что я тут хочу вам показать, вас не удивит. У меня компания пополам с моим институтским приятелем, – соврал Картье, придав себе для солидности статус собственника. – Мы занимаемся в том числе и мобильным контентом, вернее, начинаем им заниматься. Производить – это одно, а вот самостоятельно распространять, сами понимаете, нам весьма накладно, да и эффект не тот. Выхлоп слабенький, при больших затратах на рекламу. Оно нам не надо, как говорится. Нам бы к вам, под теплое крыло, – проникновенно улыбнулся Картье, а осторожный Шедин лишь усмехнулся в ответ, давая понять, что он не против послушать, о чем Виктор расскажет дальше.

– Знаете, я профессионально подхожу к вопросу нашего возможного сотрудничества. Вот здесь, – Картье извлек из кармана заранее приготовленный, вчетверо сложенный листок, – мои выкладки с приблизительным расчетом эффективности. Не угодно ли вам ознакомиться?

С этими словами он подал листок Шедину, а тот листка в руки брать не стал, коротко бросив:

– Разверните.

Картье ладонью разгладил лист, распластал его по столу и придвинул Диме. Шедин, опустив глаза, стал читать. В листке было совсем немного информации. Всего две строчки. Первая такая: «сто тысяч долларов сразу». Вторая «25 % ежемесячно». Картье понимал, что в переговорной комнате нельзя озвучивать ничего подобного, да и видеочамера наблюдения, которой вроде бы и не было, все-таки могла откуда-нибудь наблюдать за ними сейчас. Поэтому текст на смятом листке он написал очень бледным карандашом. Ни одна, даже самая чувствительная камера ничего не увидит. Мало ли, что за листок? Тем, кто прослушивает все переговоры (а о такой практике уж кому-кому, а Виктору-то было хорошо известно) было бы не к чему подкопаться.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Ну я так сразу, конечно же, ответ дать не смогу, – отодвинув от себя листок, сказал Шедин и, засунув указательный палец в ухо, совершил несколько резких движений, словно он только что вышел из бассейна и в ухо ему попала вода. Затем он сцепил пальцы рук в замок и, казалось, задумался. Картье терпеливо ждал, понимая, что сейчас происходит заглывание его наживки. Предложение было более чем жирным. Информация Ванечки была бесценна, и Виктор знал, что никто из конкурентов никогда не предлагал «вступительного взноса» в виде наличных денег. Все всегда сводилось к определенному проценту от продаж, к банальному откату, который производитель контента выплачивал сотруднику «МДС» сразу после того как, в свою очередь, получал от «МДС» деньги за реализованный контент. Обычно взятка варьировалась в размере от 7 и не превышала 12 процентов от перечисленной суммы. По сложившейся традиции было принято считать такой процент рентабельным, и всех все устраивало. Провайдеры были, мягко говоря, не в накладе, а шединские мальчишки, да и сам Шедин, не получая предложения более выгодного, считали сложившиеся условия

приемлемыми для себя. То, что сейчас красивым жестом выложил на стол Картье, было для Шедина неожиданным и напугало его. Ванечкины рекомендации тут в счет не шли. Шедин был покрыт морщинами опытности из числа тех, чье благородное происхождение находится под критическим вопросом, так как возраст милостив к мошенникам, он делает их благородней. Хитрейший Шедин был прежде всего человеком системы, и в этом, с одной стороны, были его беда, его проклятье, то, что его ограничивало в свободе мыслей, но, с другой стороны, также и то, что спасало его. Система предполагает собственное совершенство, абсолютную защиту при прохождении минного поля любой сложности, при условии что в рукаве козырной туза, карта с нанесенными источниками смертельной опасности. Первой и естественной реакцией Шедина была настороженность. С недоверием, с кривенькой ухмылочкой поглядывая на листок, он спросил:

– Напоминает аттракцион невиданной щедрости. Тот самый, о котором все говорят, но никто ни разу не видел. Вот бы никогда не подумал, что именно я тот счастливчик, что получит билет на веселое представление с иллюзионистом, достающим из своего цилиндра всякую неожиданную чепуху. Где же ваша шляпа, милейший?

– А шляпы никакой нету, – улыбнулся Виктор, блестяще выдержав шединский сарказм. – Мы с вами не в цирке, а в бизнесе. Я вам изволил сделать предложение, на мой взгляд, оптимально дружественное. Если вам оно не подходит, вы можете выдвинуть контрпредложение, и я смогу вам на него ответить прямо сейчас, так как я уполномочен принимать решения. Если же вы намерены, как сейчас принято говорить, «постебаться» надо мной, то я уйду с этим листком к вашим прямым конкурентам в «Дилайн» и в «Гигафон», и там, как я полагаю, найду полнейшее понимание. Видите ли, я отлично себе представляю, что моя позиция по этому вопросу, гм, несколько неожиданная, но у меня нет ни малейшего желания прослыть в ваших глазах крохобором. Моя задача стать для «МДС» генеральным партнером. На меньшее я не согласен. Поэтому и заявленное мною несколько отличается от того, что вам привычно. Что скажете?

Шедин испытующе поглядел на Виктора, аккуратно потрогал себя за подбородок, словно желая убедиться, на месте ли он, свободно ли работает челюсть. Откашлялся.

– Ну что ж, такой ваш подход, такие ожидания совершенно меняют дело. Генеральное партнерство вы сказали? Компания-агрегатор для «МДС»? Такого у нас еще не было ни с одним из поставщиков контента. Как вы себе представляете это? А куда же тогда деваться остальным?

– Почему вы думаете, что меня должно это как-то интересовать? – дернул правым веком Картье. – Плевать мне на остальных, я не терплю конкурентов.

– Понимаю. Вы спрашиваете, что я думаю? Ну что же, я вам отвечу. Генеральное партнерство – вещь обсуждаемая. Вполне. Но, разумеется, на что-то одно, то есть я имею в виду только на экранные заставки, или на музыку, или на кинофильмы и мувики. Тут есть из чего выбрать. Я, признаться, и сам уже некоторое время думаю о том, что пора избавляться от кучи всей этой мелкоты, от всех этих поставщиков сомнительного происхождения и переходить на серьезные отношения с серьезными разработчиками, вот хотя бы и вроде вас.

– Прекрасно, что наши позиции совпадают! – воскликнул довольный Картье, но Шедин, словно безжалостный семафор, поднял руку, показывая, что свет все еще красный.

– В таком случае я попрошу вас увеличить стартовые условия в три раза вот в этой части. – Шедин едва коснулся указательным пальцем строчки, где было написано: «сто тысяч долларов сразу», и Картье, про себя, внутренне поразился выражению тупой алчности, на мгновение мелькнувшему на лице его визави. «Тут дело пойдет, – подумал Виктор. – Чувачок хочет триста тонн зелени? Недурно. Но ведь и я тоже что-то должен заработать?»

Триста тысяч долларов представлялись для Картье цифрой вполне приемлемой, но в то же время и пороговой, то есть такой, увеличить которую будет уже невозможно. От сделки с Шединым Витя мечтал получить по меньшей мере пятьдесят процентов чистоганом в свой карман, то есть при бюджете взятки в размере трехсот тысяч баксов он, имея на руках всю эту сумму, выплатил бы Шедину то, что тому причиталось, а остальное забрал бы себе. Сейчас же

никакого личного интереса у Картье не оставалось, и он было «потух», но состояние это длилось очень недолго. Виктор собрался, весь напряжился и ринулся в бой:

– Это уже деловой разговор. Давайте будем рассуждать языком цифр... – И Картье «загрузил» Шедина своими расчетами. Он извлекал из портфеля все новые и новые бумажки с цифрами, прикидками, финансовыми схемами. Он доказывал, используя тяжелые и проверенные аргументы, он не дал Шедину ни единого шанса и сторговался с ним на двухсот двадцати тысячах. Это было не вполне то, на что Виктор рассчитывал изначально, но семьдесят пять тысяч баксов на дороге не валяются. В конце концов, они ударили по рукам и разошлись, причем каждый, мысленно потирая руки, думал: «Как ловко я его надул». Если после переговоров у представителей обеих сторон возникает подобная мысль, то переговоры можно считать успешными. Каждый думает, что остался в выигрыше, истина находится там, где и должна быть, то есть посередине, и пусть теперь тот, чьи это деньги, напрягается и чахнет над своим золотом, жалея с ним расстаться. Собственником денег в данном случае был Штукин, и Картье совершенно не заботило, где его приятель раздобудет столь существенную сумму. Куда больше его волновало совсем другое. Желание провести языком по голой спине рыжей женщины, вдоль, снизу вверх, начиная от копчика и заканчивая затылком. Ощутить запах ее волос. Упругость ее бедер. Трепет ее груди.

– Все у меня получится, – вслух произнес Картье, поднимаясь в офис. – Я заслужил счастье. Кто считает иначе, может тупо идти к...

Он ругнулся. И тут же, очутившись в коридоре, увидел ее. Лена шла очень медленно, Картье показалось, что ее слегка покачивает. Кроме этих двоих, никого в коридоре не было. Лена не оборачивалась, и он замедлил шаг, стал красться за ней, словно кот за птицей. В конце коридора было окно: большое, почти во всю стену, с широким подоконником. Все так же, ни разу не оглянувшись, Лена подошла вплотную с подоконнику и буквально вцепилась руками в его край. Картье показалось... Нет, он не мог быть уверен до конца. Сделал еще несколько шагов и замер. Ошибки быть не могло: Лена рыдала. Беззвучно и оттого по-особенному страшно. Совершенно невозможно было представить, что могло так расстроить ее. Картье с некоторой дрожью подумал, что видеть ее плач то же, что, любясь розой или другим каким-нибудь цветком, вдруг заметить неловкую черную точку на одном из пышных лепестков. Этот первый признак увядания, свидетельство несовершенства и слабости того, что должно быть гармоничным и вечно живым, как сама красота, оказал на Виктора ошеломляющее воздействие. Он, уже не таясь, подошел к Лене, взял ее за плечи и резко, почти грубо развернул ее к себе. Их глаза встретились. Во взгляде Картье, задыхающегося от остроты и опасности ситуации, от этого хода «ва-банк», от мгновенной, прострельно-купидоновой любви было все сразу: врожденный магнетизм, страсть, порок высокого уровня, когда уже не в силах сдержаться, падаешь на колени и просто орешь потому, что тебе хочется растворить эту женщину в себе, как в кислоте, стать ее частью и самому сделаться островком моря ее сущности. Он смотрел на нее, такую заплаканную, и сквозь ее слезы, словно через каскад сильнейших увеличительных стекол, видел всю ее душу, читая ее. Так микроскоп дает возможность наблюдателю читать в капле дождевой воды. Она не отстранилась, не попыталась вырваться, она, словно не видела его, не ощущала его рук. Лена была в глубоком шоке, и Картье не на шутку перепугался, подумав: «А здорова ли она?»

– Что?! Что с вами... с тобой такое?!

– Хныбы, – в голос заревела Лена и уткнулась Виктору в плечо. Ни дать ни взять – нашла жилетку поплакаться. Он уже чувствовал себя очень неловко, опасаясь, что в коридоре их могут заметить сослуживцы, и тогда не оберешься сплетен и ненужных пересудов. Наконец и сам Штукин был бы далеко не в восторге от трогательных поз подобного рода. Картье, приложив некоторое усилие, буквально оторвал ее руки от подоконника и все так же, обнимая за плечи, повлек в сторону своего кабинета. Каким-то чудом им удалось пройти почти половину длинного коридора незамеченными, хотя до конца рабочего дня оставалось еще несколько часов и обычно в коридоре сновали разнокалиберные сослуживцы. А здесь всех словно парализовало. Назвать такое случайным совпадением нелепо. Их и вообще-то не

бывает, случайных совпадений. Слишком рациональной создана матрица, в которой все мы пребываем, добавляя к ее цифровому обличку слова, сказанные в микрофон сотового телефона, оцифрованные, зашифрованные неведомой чудесной наукой и полученные невидимым собеседником хотя бы и на другом конце мира в том же самом виде, как мы их произнесли.

9

Картье усадил Лену на диванчик, подал ей стакан воды «Valvert», молниеносно, по-кошачьи, подскочил к двери, бесшумно повернул ключ в замке. Не хватало еще, чтобы вот именно сейчас кто-нибудь заглянул к нему с вопросом или предложением и увидел столь пикантный и долговременный сюжет для сплетен. «Жена босса вся в слезах в кабинете у новенького выскочки! Каково?!»

Решив, что терять уже как-то и нечего, Виктор присел рядом, взял Лену за руки, совершенно не играя голосом, который то срывался от волнения в пропасть, в донный хрип, то почти взлетал к небесному писклявому своду, начал свое колдовство:

– Простите... Прости, но я не мог вас... оставить тебя в коридоре в твоём нынешнем состоянии. Нельзя, чтобы кто-нибудь тебя увидел такой... несчастной.

– Несчастной, – всхлинула Лена, – именно несчастной. Я так несчастна. Спасибо тебе, Виктор.

– За что? – Картье изумленно вскинул брови. Он с первых ее слов поверил в свою удачу здесь, в этом давно задуманном им деле, и сейчас уже мастерски играл, умело владея собой, не позволяя себе того, чего страстно желал сейчас: броситься на нее и целовать, целовать, ощущая на языке соль ее слез, сладость ее губ и нежный, сливочный вкус ее кожи.

– За то, что ты такой понятливый.

Она постепенно овладевала собой. Вот уж и слезы из ручейков превратились в звезды-одиночки, а после и вовсе просохли, всхлипы сделались неслышными, и лишь редкие судороги, заставлявшие порой трепетать крылья ее точеного, гордого носика, напоминали о недавнем шторме. Он пристально смотрел на нее, подмечая все новые признаки успокоения, боясь не заметить тот единственный, тот кратчайший миг, когда нужно задать очень точный, краткий, банальный вопрос. Вопрос, после которого она расскажет ему обо всем. Ее истерика (если можно назвать то, что с ней произошло именно так) была очень сильной. «Либо это особенность темперамента, а она, безусловно, очень страстная женщина, это видно. Либо это накапливалось в ней, слой за слоем, и вот, наконец, все разом взорвалось, словно чудовищной силы бомба, начиненная ревностью, уязвленным самолюбием, нерастраченной силой любви. Дай бог, чтобы второе оказалось истиной, а первое лишь благодатной почвой. Лишь на полях жизни, где прорастаем мы из малого семени, становится понятно, кто чего стоит и кто какой цветок. Есть морковная ботва, есть ландыш, есть нарцисс. Лена – орхидея, что цветет краше и дольше всех, постоянно меняясь и все в лучшую сторону».

– Видишь ли, я все же не настолько понятлив и прозорлив, чтобы с точностью определить причину твоего состояния. Но не торопись говорить, что все это меня не касается. Не держи это в себе, иначе рецидив неизбежен. – Не встречающий видимого сопротивления Картье, все еще не выпуская ее рук, потянул Лену к себе, но ничего такого себе не позволил. Теперь они были совсем близко друг от друга, их разделяло не больше, чем расстояние между большим пальцем и мизинцем руки взрослого человека. Критическое расстояние для первого поцелуя, которого... не произошло.

– Так ты расскажешь мне? – тихо попросил Картье.

– Да. – Лена опустила глаза и замолчала. Он ожидал, нетерпеливо покусывая нижнюю губу, умудряясь делать это незаметно. Дождался... В книгах нельзя ставить «смайлики», такой практики пока нет, но благодаря стремительному упрощению всего и вся дело, похоже, не за горами. Во всяком случае, здесь, после слова «дождался», смешливой рожице было бы самое место.

– Это Костя. Это из-за него. Он довел меня почти до помешательства. – Подбородок ее задрожал. – Как можно быть таким?

– Костя? – сыграв искренность, удивился Картье, вспомнив о своих наблюдениях там, в том полуяпонском ресторанишке, когда ему показалось, что видит он пару коллег по работе, просто знакомых, но уж никак не влюбленных супругов. – Но как это может быть? Ведь он же совершенно замечательный человек, добряк и умница, и, если я хоть что-то понимаю в этой жизни, он тебя очень-преочень любит. Почему твои глаза говорят, что я настолько не прав? Я так сильно ничего не понимаю?

– Нет. – Она попыталась улыбнуться, но из этого почти ничего не вышло. – Просто ты совсем ничего о нем не знаешь и знать не можешь. Вернее, не так, – она резко вздохнула, словно перед погружением в воду, – ты его знаешь совсем не с той стороны, что я.

– Ну это понятно. Ведь я с ним не сплю, – пошутил Картье и, увидев, что Лена близка к повторному срыву, к новой истерике, мысленно подрисовал себе еще один выигранный балл. Он играл с ней, как кот играет с мышью, и счет был в его пользу. – Расскажи же мне про тайную жизнь этого парня. Только не говори мне, что он педофил, или педик, или что-то в этом роде. Иначе я окончательно разуверюсь в человечестве и начну думать, что Город грехов – это всеобщий удел, включая непогрешимого римского папу и все католическое духовенство.

– Да при чем тут, – вяло отмахнулась Лена, – половые извращения, тайная жизнь в стиле серийного маньяка, слезливая жена на судебном процессе уверяет присяжных в том, что муж ее добропорядочнейший человек и знает лишь одну позу «под одеялом». Все не так. Ничего этого нет и в помине. Просто он самый обыкновенный жлоб. Просто жлоб, и все тут.

– Да как-то не похож он на жлоба... Жлоб это такой здоровый детина, что называется, «от сохи», мать прачка, отец слесарь, вырос на улице, отслужил в армии, живет по понятиям, мутит с полублатными бизнесочки а-ля автосервис, рассекает на «Брабусе», имеет между бровей даже и не складку, а целый гранд-каньон от того, что вечно напускает на себя вид сосредоточенной серьезности. Считает, что весь мир у него в кармане, при этом патологически жаден и безвкусен до ужаса. У него телефон звонит голосом Расторгуева из «Любэ»: «Давай за них, давай за нас». Узнал, что помолвка – это круто и модно, и дарит на помолвку будущей супружнице своей колечко с, мать его, черным бриллиантом, больше похожим на активированный уголь, что, конечно же, тоже очень круто, ведь колечко стоит тридцатку гринов! В личной жизни неразборчив. Имеет легкое хроническое венерическое заболевание, о чем в силу уверенности в том, что уж с ним-то такого никогда не может быть, даже и не догадывается. Говорит приземистым баском, и кадык так и ходит на шее, будто это поршень в цилиндре его «Брабуса». Вот, душа моя, кто такой истинный жлоб, – вдохновенно закончил Картье и уставился на Лену, впечатленную его экспромтом.

– Ты в ударе, – она улыбнулась, – ладно, так и быть. Пусть будет по-твоему. Пусть твой жлоб будет таким, как ты его описал, а мой будет похож на Костю. Пусть это будет жлобство явное и жлобство тайное. Идет? – Картье кивнул. – Костино жлобство в его самомнении и занудстве. Представь себе зануду с чрезвычайно завышенной самооценкой. Представил? Это мой муж. Он считает себя кем-то вроде мессии, но не для окружающих, а для самого себя. Уверен в своей исключительной гениальности и совершенно сам собой удовлетворен.

– Гм... Часто онанирует? Ты ловила его за этим делом? – развязным тоном спросил Картье. – Если это так, то ничего страшного. Все делают это, когда партнер уже не так доставляет, как раньше. Онанизм, тем более мужской, это вход корабля в гавань измены. Предтеча похода «налево». Может и не случиться, но, как правило, случается. Мы, мужчины, народ весьма любопытный, всю жизнь ищем, у кого же из вас поперек.

Лена посмотрела на него с нескрываемым изумлением:

– Послушай, да ты же совершенно невообразимый пошляк! Но если немного подумать, то в твоих словах почти все истинная правда. Нет, я не замечала, чтобы он онанировал. Мне кажется, что он вообще не знает, что это такое.

– Он что, импотент? – хмыкнул Картье.

– Физически нет, морально да. Он пренебрегает мною, а я его очень люблю, хочу быть с

ним, но вместо этого всякий раз получаю какие-то невнятные отговорки...

«Все. Если сейчас она начнет говорить со мной о том, что у нее с мужем год не было секса, то мои шансы на эту женщину невелики. Таким делятся с подружками, значит, она воспринимает меня, словно свою подружку и мужчину во мне не видит». – Картье невольно причмокнул, что было истолковано Леной, как несомненное сочувствие.

– На самом деле я все объясняю очень примитивно, просто не хочу тебя посвящать в подробности, но поверь, что для моего сегодняшнего состояния есть повод. Мы ссоримся редко, но метко. Сегодня он довел меня, как видишь, до предела, он замечательно умеет это делать. – Здесь она спохватилась, что, должно быть, уже сказала много лишнего, но Картье, увидев это, ласково потрепал ее по плечу:

– Леночка, мне можно говорить все. Я ведь друг. Твой друг. Хотя я и не верю в долгую дружбу между мужчиной и женщиной, но в течение какого-то времени она возможна, покуда...

– Что «покуда»? – неожиданно быстро откликнулась она.

– Покуда эта дружба не перерастет в нечто совершенно иное.

Она задумалась. Опустила голову, и Картье потерял контакт с ней, словно на время вышел из тоннеля. Вернее, какой еще «тоннель»? Это называется иначе...

Представьте себе, что на свете есть знание, наука, мудрость и вся она заключена в одном единственном слове «каббала». Начав постигать каббалу уже невозможно, немислимо остановиться. Ты сразу попадаешь в поток, который уносит тебя прочь от прежней жизни во тьме незнания, суеверий и предрассудков. Картье начал свой путь в каббале несколько месяцев назад. Кто-то подарил ему диск с записью лекций великого ученого Михаэля Лайтмана, и Виктор начал слушать этот диск в машине. В первый день он простоял под окнами офиса до тех пор, пока не закончилась первая лекция, так как ему вдруг очень понятным и простым языком объяснили многое из того, чего сам себе он никак не мог объяснить. Ему ответили на вопросы, на которые у него не было ответов. И Картье заболел каббалой. Сперва он с чем-то был не согласен, но после долгих размышлений понял: все, о чем говорит мудрец, является той единственной истиной, которая объясняет природу человека, лишая людскую породу ее псевдозагадочности. Владея каббалой, начинаешь читать людей, знать людей, любить людей. В умении любить заключается суть каббалы. Никто не умеет быть настолько счастлив в любви, кроме как каббалист. Он знает, что есть поток наслаждений и каким образом в этот поток не только попасть самому, но и поместить в него объект своей любви, навсегда сделав себя его смыслом.

Несмотря на свое увлечение, Картье себя каббалистом не считал. Его знания были чересчур поверхностными, он не вникал в теорию и схемы каббалы – великой науки, матери всех наук, известных на Земле. Но и того, о чем он услышал, сидя часами в салоне «Infinity», окруженный многочисленными динамиками из которых лился спокойный, приятный голос Лайтмана, было вполне довольно для того, чтобы в Картье проснулись его интуиция, его природный магнетизм. Это есть в каждом из нас. И дремлет до поры. И может так никогда и не проявиться. К счастью, с Картье случилось то, что случилось. Нет ничего случайного в мире, как не случайна была рука, в нужное время протянувшая Виктору диск с голосом Лайтмана. Одного лишь прослушивания достаточно, чтобы никогда уже не захотеть вернуться в прежнюю, слепую и глухую жизнь.

При входе в поток очень важно постоянно видеть глаза любимого человека. Вход в поток занимает от нескольких секунд до нескольких дней, но никогда не затягивается слишком надолго. Картье, стремительно влюбляясь, уже стоял в теплой, ласковой воде потока по щиколотку и тянул Лену за собой. До тех пор пока он смотрел ей в глаза, Лена была легка и податлива, она шла следом, словно не касаясь земли, и вот-вот уже должна была по его ощущениям коснуться воды. Но стоило ей опустить голову, отвести взгляд, как всякое движение прекратилось, и Картье беспомощно застыл на месте. Он понимал, что сейчас нельзя настаивать, нельзя прерывать ее мыслей, чтоб не утратить уже завоеванные позиции. Поэтому оставалось лишь с нетерпением ждать.

– Наверное, ты прав, – наконец, после некоторого раздумья медленно выговорила она и подняла глаза, в которые он тут же буквально впился взглядом.

– Знаешь, я ведь не случайно упомянул про дружбу между мужчиной и женщиной...

– Вот как? У меня ощущение, что ты вообще ничего не делаешь просто так. Есть люди простые, есть непростые, а ты совсем непростой человек.

Картье усмехнулся:

– Вот как? Ты так об этом говоришь, словно быть простым – это несомненное достоинство.

– Нет. В твоём случае это несомненный признак ума, и мне это очень нравится, – спокойно ответила Лена. – Прости, что я тебя перебила. Продолжай, прошу тебя. Мне нравится тебя слушать.

– Спасибо, но то, что я хочу сказать, весьма возможно, тебя не обрадует. Помнишь нашу первую встречу там, в том ресторанчике? Я был возмутительно нетрезв, но все свои ощущения прекрасно запомнил. Прежде чем подойти к вам с Костей, я некоторое время за вами наблюдал, и я вовсе не хочу сказать, что наблюдать, высматривать и тому подобное – это мое естественное состояние. Вовсе нет. Просто мне сразу бросилось в глаза ваше... Как бы это сказать? Несоответствие, что ли? Нет, не так. Ведь теперь-то я знаю, что вы супруги, а тогда я подумал, что передо мной как раз случай так называемой дружбы между мужчиной и женщиной. Когда оба вроде как расположены друг к другу, но в то же самое время друг другу скучны. Понимаешь меня?

Она кивнула:

– Вполне...

– Когда нет между людьми желания отдавать и получать, обмениваться между собой.

Тут Картье спохватился, что слишком уж идеализирует перед ней отношения ее со Штукиным, и сделал более сильный ход:

– Хотя, ты знаешь? Если быть совсем уж честным, то даже и дружбы между вами со стороны не наблюдалось. Это видно, когда один кто-нибудь любит, а другой относится с прохладцей. Вот это тоже можно считать за дружбу. А я просто видел, что впереди, чуть справа от меня, сидят коллеги по работе, которые зашли, чтобы в ресторанчике, в неформальной обстановке, обсудить какой-нибудь рабочий вопрос, проект, что-то в этом роде. Знаешь, к чему я все это говорю? – Картье на мгновение затаил дыхание, словно прыгун в последний момент решал, сигануть ли ему в воду с обрыва или безрассудство это ни к чему хорошему не приведет, и решил: – Я хочу сказать, что на самом деле мужа своего ты не любишь. Такая женщина, как ты, не может простить пренебрежения, ведь ты прекрасна и сама это знаешь. Ты верна ему, а ему плевать и на это, и вообще на все, что с тобой связано. Ты хочешь отдавать ему себя, а он не хочет брать ничего, что от тебя. Таким, как наш Костя, хорошо самим с собою. Кто-то назовет это закомплексованностью, кто-то попытается состричь, обозвав его фригидным импотентом, хотя обычно так в сердцах делают женщины, я же скажу, что это свидетельство его глубочайшего, невероятного эгоизма. А уж эгоизм – это самое дурное, что есть на земле, и он, конечно же, совсем не признак любви. Эгоизм в такой форме, в которой он есть у твоего мужа, абсолютно неизлечим. Поэтому, – торжествуя, вышел Картье на финишную прямую, – должен тебя расстроить. В ваших отношениях никогда и ничего не изменится. Он никогда не станет относиться к тебе по-прежнему и то, что ты называешь пренебрежением, а я простым безразличием и отсутствием любви, так и останется. В поток нельзя войти дважды, – не вполне понятно для Лены выразился Виктор, – а значит, у тебя всего два пути на выбор. Либо оставить все, как есть, но это утопия. Ты молода, умна и прекрасна, а значит, просто обязана быть счастлива. Либо... Ну я собственно, уже все сказал. Ты должна быть счастлива, Лена, – закончил Картье и в этот самый момент почувствовал, что Лена стоит в потоке рядом с ним.

Так началось то, что должно было начаться. Так началась река их любви. Женщина любит слушать. Не стоит забывать об этом так же, как о правиле все делать своевременно, в нужное время и в нужном месте. Его слова были точно семена, упавшие в благодатную почву

ее души. Они немедленно дали всходы, и, еще не признавшись в этом самой себе, еще не осознав этого до конца, Лена оказалась влюблена в этого и впрямь непростого человека.

Чужая жена

1

Костя Штукин катал по столу карандаш, и звук при этом выходил граненый, ребристый: тр-р-р. Триста тысяч долларов, да еще наличными, – это серьезнейшая цифра. Вот просто так взять и выдать ее по первому требованию мало кому под силу. У Кости такие деньги, конечно же, были, и Картье нарисовал перед ним более чем убедительный план их вложения, но Штукин продолжал сомневаться. Мало ли что может случиться?

– Вот уволят завтра этого Шедина, и что тогда? – задавал он Виктору вполне закономерный вопрос. – А если он просто возьмет и кинет? Такие варианты, между прочим, всему рынку известны.

– Костя, ты можешь сам встретиться с этим человеком и обо всем с ним договориться, – сохраняя показное равнодушие и разыгрывая легкую обиду недооцененного подчиненного, посоветовал Штукину Картье. – Только в этом случае, боюсь, могут наступить различные осложнения...

– Например? – Штукин подался вперед и на время оставил карандаш в покое.

– Подорожает. Вот самая главная неприятность. А еще большая неприятность заключается в том, что этот Шедин напряжется, увидев еще одного «терщика», и решит, что его водят за нос, следовательно, озлобится. Или еще того хуже, подумает, что это внутренняя проверка, чтобы прямо с поличным его и сцапать, а затем еще и посадить. И тогда он нам откажет, и мы больше никогда не сможем приблизиться к «МДС» и на пушечный выстрел, а тем временем это не просто клиент, это целый бизнес. Я договорился, Костя, – Картье проникновенно посмотрел своему боссу в глаза. – Или ты думаешь, что я перед тобой исполняю? Отнюдь. Вообще, чтоб ты спал спокойно, я тебе предлагаю как-нибудь проследить за мной в момент передачи мной денег. Как именно следить, я не знаю. Пусть доблестная служба безопасности этим занимается, в конце-то концов. А вообще...

– Что? – Штукин заерзал на стуле и вновь вернулся к своей карандашной утехе. – Что означает это твое «вообще»?

– Мне неловко от того, что ты мне не веришь, – сокрушенно вздохнул Картье, зная, что он на правильном пути и «дожимать» своего бывшего приятеля, а ныне босса осталось совсем чуть-чуть. Тот уже совершил однажды ошибку, взял Витю на работу, пригрел на груди змею и тем самым показал, что сентиментален, а значит, слаб и верит в химеру высоких идеалов. В дружбу, которая в бизнесе невозможна. Все это Картье отличнейшим образом понимал и всюю использовал сейчас это положение вещей.

– Дело не в том, верю я тебе или нет. Дело в рисках! – воскликнул Штукин и, выскочив из-за стола, принялся ходить по кабинету. – Триста тысяч – огромные деньги, к твоему сведению. – Картье мысленно рассмеялся, вспомнив, что еще несколько дней назад триста тысяч не казались ему такими уж большими деньгами, а сейчас они для него все равно, что звук разбитой за окном бутылки.

– И вообще... – Штукин брезгливо поморщился, – мерзость все это.

– Что именно? – искренне не понимая его, наклонил голову Картье и стал немного похож при этом на остроухую немецкую овчарку.

– Что, что? – сварливо продолжил Штукин. – Все эти взятки, откаты, все это, с позволения сказать, дерьмо, без которого не существует нынешнее общественное и бизнес-сознание не только в России, но, как мне кажется, вообще во всем мире. Что случилось с людьми? Что с ними происходит?

– Люди всегда любили деньги, – тихо вставил Картье.

– Да я и не спорю! – взвился Штукин, и Картье увидел, что его институтский приятель откровенно плохо владеет собой. У Кости дрожали пальцы. Плохой признак. Неврастения. И это еще как минимум. «Ах ты, слабачок», – неласково подумал Картье, поглядывая на Штукина, а тот тем временем все больше неистовствовал и даже начал заикаться:

– Я не оспариваю роль денег в жизни человечества! Но нельзя настолько быть к ним привязанным, все измерять только в деньгах! Ведь есть же, в конце концов, множество таких вещей, по своей важности стоящих гораздо выше, чем деньги.

– Например, какие? – Картье знал ответ. Он готов был рассмеяться в лицо «этому ханже» и с удовольствием поступил бы именно так, если бы мог.

– Вера, например! – пафосно взвизгнул Штукин. – Бескорыстная, святая вера в Господа! Вот то, что невозможно измерить никакими деньгами!

– Ну конечно! – не вытерпел Картье. – Так вот прямо и нельзя?! Церковь, что католическая, что православная, что любая другая, известная «бессребреница». – Картье был сам сарказм. – Одни безакцизные сигареты и спирт от Московской патриархии возводят веру в ранг ценнейшего актива, измеряемого миллионами долларов. О чем ты говоришь, Костя, дорогой ты мой?! Ведь что получается?! На спаивании народа, на его, так сказать, скуривании попы нажрали себе такое брюхо, что хоть на тележке вози, как у барона Апельсина в сказке про Чиполлино. Помнишь? У нас теперь сословное общество. Чиновники, депутаты, сенаторы – это новые дворяне, потом вот это самое курительное-бухательное духовенство, чертовы попы, затем купечество... И, разумеется, так называемый «простой народ». Вся эта сволота называет нас именно так. Ты согласен быть «простым народом»? Я нет. И Шедин этот из «МДС» не согласен. Не стоит позволять группировке мерзавцев считать себя выше, не так ли? И потом, где ты сейчас видел бескорыстную веру? Человек, по-твоему, приходя в церковь, молится за мир во всем мире? Да хрен там! Он просит себе лавандоса побольше да машину побогаче! Может, и не в таком наборе, но все человеческие просьбишки в конечном итоге сводятся только к этому! Только вот мать просит за детей. Но опять-таки о чем она просит? Чтобы выросли здоровыми да богатыми. Чтобы жениха хорошего дочери. Богатого, заметь! Бедный жених никому в рог не уперся! Деньги, Костя, – это то единственное, что теперь объединяет людей. Это всемирный эквивалент счастья. Но хочу тебе сказать, что Бог он не Ермошка, он видит немножко. Вот мы с тобой зарабатываем честно, не так ли?

– Ну разумеется! – Штукин даже привстал на стуле, до того ему хотелось, чтобы все видели, что он человек честный и копейки не украл. И это было так. Картье же, по своему обыкновению, цинично дурачился, содрогаюсь от внутреннего смеха. Шут гороховый, что с него взять. Шут с мозгами профессора математики.

– Поэтому нам не в чем упрекнуть самих себя. Это я к чему говорю? К тому, что все равно Бог видит, кто и каким образом наживает. Мы с тобой честно, можно сказать, даже праведно. Работаем, ничего нигде и ни у кого не ворует, не крадем, взяток не берем, значит, к нам Бог милостив. Это как раз к твоему вопросу о вере. Ведь ты и я, мы оба, верим в Бога, притом именно так, как ты и сказал, то есть искренне и бескорыстно. А взять, к примеру, этого Шедина. Он кто? Конечно же, он взяточник, мздоимец, сквалыга – одним словом, сволочь он. Здесь все понятно. И он нагрешил уже достаточно для того, чтобы, скажем, заболеть раком или, допустим, попасть под машину. Такие люди, как он, именно так и заканчивают свою жизнь. На плахе. И мы в его падении существенной роли уже не сыграем. Зато он очень даже может сыграть существенную роль в нашем финансовом укреплении, возвышении, становлении и тому подобное. Шедин и такие, как он, – лишь наши инструменты. Не нами установлено, что голыми руками невозможно ничего добиться. А инструмент – это расходная штука, когда он изнашивается, то его просто выбрасывают и заменяют новым. Так будет и с этим Шединым.

– Так я, выходит, прав! Нельзя на него ставить и деньги пропадут. Высочайший риск! – Штукин вскочил было, собирался ринуться куда-то, но Виктор, испугавшись столь сильной штукинской впечатлительности, немедленно надавил на тормоз:

– Костя, дорогой, Шедин инструмент, еще далеко не изношенный. Он, так сказать,

сверло с алмазным наконечником. И узнать об этом ты можешь не только от меня, раз уж моего мнения для тебя недостаточно, ты для этого можешь элементарно собрать информацию на рынке! Это займет какое-то время, мы, возможно, потеряем контракт, но если тебе так спокойней, если ты все хочешь еще несколько раз обдумать и все взвесить, то я не вправе тебя останавливать. Деньги твои, бизнес твой, все нити в твоих руках, я лишь честно и профессионально исполняю то, что ты мне поручил, поэтому решай сам. Я с уважением приму любое твоё решение и постараюсь изменить стратегию, хотя, повторяю, «МДС» мы, разумеется, потеряем, если сейчас, так сказать, не удовлетворим аппетиты этого парня...

Картье вновь играл ва-банк. Внезапно он успокоился. Ему вдруг стало ясно, что все скоро закончится в его пользу. Он поднажал:

– Но, несмотря на потерю «МДС», то есть около миллиона долларов ежемесячной прибыли на начальном этапе возможного сотрудничества, мы, быть может, сможем что-нибудь такое веселенькое замутить с «Гигафоном» и с «Дилайном». Хотя, по слухам, «Дилайн» собирается создать собственную дочернюю структуру и уже набирает в нее персонал: программистов, дизайнеров и тому подобное. Ну тогда останется один «Гигафон». Если получится там договориться...

– Виктор, я тебя понял. – Штукин сдался. Это было видно невооруженным глазом. Его запала хватило ненадолго, и босс спасовал перед наемным менеджером. Потому что у менеджера была воля такой прочности, что ею можно было резать закаленную сталь. Плечи у Кости опустились, он с беспомощной надеждой поискал глазами успокоительный карандаш, но тот куда-то закатился, и Штукин окончательно потерял способность к сопротивлению. Проямлил что-то, Картье не расслышал, попросил повторить.

– Деньги будут завтра, – чуть громче сказал Штукин и почти молитвенно попросил Виктора: – Не мог бы ты оставить меня в покое? Я принял довольно серьезное решение, и мне нужно немного побыть одному.

– Да, разумеется, – невозмутимо ответил Картье и вышел. За дверью штукинского кабинета он перевел дух и поздравил себя с новым «приработком». «Однако самое время мне понять, что шальные деньги – вещь непостоянная, да и Штукин не такой дурак. Такие убогие комбинации мне неинтересны. На них жаль тратить нервы и время. Самое время сделать что-то настоящее. Вот бы подвернулось...»

Что ж. Порой желания сбываются.

2

С кейсом, полным денег, Картье прогуливался по «Атриуму», что возле Курского вокзала. Лениво глазел на витрины плохих магазинов плохих вещей плохого качества для людей с плохим вкусом. Шедин появился с двадцатиминутным опозданием. На самом деле он приехал в «Атриум» задолго до Картье, выследил его и долгое время наблюдал за Виктором со стороны, опасаясь неприятных сюрпризов в виде слежки СБ. Подготовка у Шедина была, что называется, на уровне. Такие неприятные вещи, как скрытное наружное наблюдение, он чувствовал кожей. В этот раз его превосходно развитая интуиция подсказала ему, что опасаться нечего. Дельце выгорит. Он подошел к Картье со спины, но наш не лыком шитый дружище не дал Шедину сделать сюрприз в виде неожиданного оклика или руки, вдруг легкой на плечо. Перед тем как Шедин только открыл рот, чтобы произнести «А вот и я» (ничего более оригинального ему в голову не пришло), Картье уже и развернулся к нему вполоборота, и совершенно буднично, словно каждый день продельывал такие штуки, сказал:

– Идемте в рестораник. Здесь есть один, там довольно спокойно. Сядем в уголке и займемся нашим делом. Не возражаете?

Он сразу же взял инициативу в свои руки, показав, что заказывает музыку тот, кто за нее платит. Пусть этот Шедин почувствует, что это не он, а ему пошли навстречу и он теперь обязан и компании, и самому Картье очень многим. И Шедину ничего не оставалось, как пойти следом за этим высоким, чуть сутуловатым парнем, несущим в правой руке кейс с его (у

Шедина засосало под ложечкой) деньгами. Он шел за Виктором и думал, что впервые за свою сложную жизнь он встречает человека, которого не может просчитать. Картье был Шедину непонятен. По ощущениям он не вызывал никакой опасности, но явно был совсем не прост. А вот что за птица этот Картье, Шедин так и не понял. Успокоив себя тем, что он слишком мало знает Картье и это как раз тот редчайший случай, когда человек не раскрылся перед ним в первые минуты разговора, Шедин решил, что все разъяснится в ближайшем будущем. Ведь этот парень моложе его, следовательно, не может быть опытней, а специальной подготовки у него никакой нет, в этом Шедин был уверен абсолютно. «Своих» он вычислял сразу. В лицах ментов и чекистов есть нечто общее, что позволяет знатоку вопроса выдергивать их из толпы, сколько бы ни писали о том, что разведчик должен быть без лица. Как раз именно вот эта безличность и должна являться знаком для тех, кто не хочет попасться впросак, для злоумышленников и аферистов всех мастей и, наконец, просто для людей доброй воли, не желающих иметь с господинчиками из органов никаких междудел.

В ресторанчике они заняли самый темный, самый отдельный, самый укромный столик в таком же углу. Шедин ожидал, что Картье поставит кейс под стол, чтобы было удобно взять его и быстро уйти, но Виктор, похоже, не торопился. Несмотря на молчаливый протест Шедина, который недавно отобедал в очень недурной столовой для топ-менеджеров «МДС», носящей гордое название «клуба», Картье заказал водки и русских холодных и горячих закусок, и Шедин, скрипнув зубами, вынужден был согласиться разделить трапезу с этим жестким (он теперь видел это) человеком. Впрочем, такие качества Шедину импонировали, и он не стал взбрыкивать еще и от любопытства. Уж очень ему хотелось узнать, что за птица сидит напротив с непроницаемым лицом и не торопится отдать его деньги.

– Все со мной, не волнуйтесь, – сказал Картье. Он разлил по рюмкам, выразительно посмотрел на Шедина, мол, «пей, не тормози».

– А я и не волнуюсь, – перед тем как выпить, Шедин сглотнул противный ком и ударил рюмку Картье своей. Выпили. Сразу же, без перерыва, стали закусывать и некоторое время молчали, пережевывая кусочки мясного ассорти.

– По второй? – предложил Шедин, который любил выпить и закусить.

– Why not? – Картье снова разлил.

После второй стало легче, напряжение немного спало, рюмки были большие, грамм на семьдесят пять а то и на все сто. Наливал Витя до краев: пить, так уж и пить, по-русски, а не как иностранчики, растягивающие тридцатиграммовый «шот» на два-три приема. Поэтому захмелели оба. Хваленая чекистская способность пить, всегда оставаясь трезвым, которой Шедин вполне себе владел, внезапно подвела его, и после второй рюмки он с удивлением заметил, что захмелел, и притом весьма прилично. Картье же, внешне поддатенький, рассудок держал в чистоте, ибо заранее дал себе установку ни в коем случае не напиваться, а вывести все, что только можно. В кейсе помимо денег лежал контракт не контракт, а так, бумажка, предназначенная скорее для внутреннего пользования, так называемое «сейфовое» соглашение, где черным по белому значилось, что именно хочет получить штукинская контора от «МДС». Виктор сам предложил Косте такой вариант «для подстраховки», и Штукин с радостью на него согласился: «Хоть что-то. В случае чего не отвертится. Требуй подпись против денег, и никак иначе». Картье тогда чуть не рассмеялся, хотел даже сказать «Чувак, как ты запарил своей достоевщиной. «Подпись против денег». Это же какой-то водевиль, карамазовская лексика, забубенный свидригайловский пассаж». Иногда Картье ловил себя на мысли, что нехудо было бы издать книгу под названием «Внутренние монологи Картье». Сто к одному, что под таким названием она имела бы известный успех...

– Ну так что же? – Шедин покрутил в пальцах сахарницу, перестарался и, – ах ты, черт! – просыпал немного сахара на стол и себе на брюки.

– К счастью, к счастью, – скороговоркой залопотал Картье, – ведь не соль просыпали, сахарок-с. Значит, к деньгам, к большим прибылям. Значит, подфартит нам всем. Перейдем, давайте-ка, к нашему дельцу. Вот здесь у меня, – Картье открыл наполненный баксами кейс прямо перед глазами Шедина, у которого при виде денег задергалась жилка под правым

глазом, – есть бумага в двух, спешите видеть, экземплярах.

– Какая еще бумага? – насутился тот. – Мы насчет бумаги не договаривались. С нашей стороны контракт будет готов через неделю, очень много внутренних инстанций, пока все подписи соберет... А у вас-то что? Расписка, что ли? Ха! Да вы за кого меня принимаете? Считаете, что напротив вас сидит полный дебил, что ли?

– Да при чем здесь это? – поморщился Картье. – Я вас считаю за топ-менеджера, принимающего ключевые решения и обличенного доверием акционеров компании. Надеюсь, что так будет и впредь. Однако и вы должны меня понять, не так ли? Сами посудите: я владелец бизнеса, завтра вы перейдете на работу куда-нибудь в «Газпром» и до вас станет не докричаться (Картье страшно льстил, не задумываясь о качестве своей лести. Он видел, что Шедин тщеславен и всю гнул свою линию). С чем я тогда приду к вашему преемнику? А здесь вот, – он развернул «соглашение» перед Шединым, – никакого упоминания о деньгах. Только перечень того, о чем мы с вами договорились.

– Дайте-ка почитать, – Шедин пробежался по строчкам, несколько раз хмыкнул, наконец, начал вслух: – «Эксклюзивный разработчик контента по направлениям: музыка, экранные заставки, игры. Приоритетный партнер программы мобильного телевидения. Приоритетный партнер программы интернет-банкинг...» – Он поднял изумленный взгляд на Картье, но тот с невозмутимым видом жевал что-то и явно намеревался налить по третьей.

– Да здесь же везде, куда ни ткни, вы главный поставщик! Это что ж такое-то? – возмутился было Шедин, но Виктор, дождавшись ключевого момента, ласково придвинул ногой стоящий под столом кейс, и тот нежно коснулся икры Шедина под серыми брюками.

– Послушайте, это всего лишь сейфовое соглашение. Я понимаю, что многого из этой бумаги не будет в основном контракте, но это моя гарантия на будущее. Когда-нибудь, в том случае, если все у нас пойдет, как говорится, без сучка и без задоринки, я выступлю с более расширенным предложением. Я действительно хочу стать генеральным партнером «МДС». Это моя цель. Чем же она плоха? Ведь, как известно, спать – так с королевой.

Произнеся это, Картье вспомнил Лену, и у него заныло в груди от желания поскорей ее увидеть. А Шедин меж тем, повертев так и сяк «соглашение», положил его на стол и попросил:

– Дайте мне вашу авторучку. Моя осталась в кабинете.

3

По-легкому срубив достаточную сумму, Картье совершенно воодушевился своим успехом. Теперь главное не останавливаться на достигнутом, теперь только вперед. Во всем. То нежное, еще неявное, что появилось между ним и женой Кости, требовало преобразования в крепкое и настоящее. Картье поставил себе две цели: в бизнесе и в личной жизни, и так как пути, к ним ведущие, шли примерно параллельно друг другу, то он решил двигаться одновременно к обеим сразу. В нем появился кураж, придающий мужчине красоту, ту особую привлекательность, которая так хорошо ощущаема женщинами, находящимися в поиске.

На самом деле, те из нас, кто не находится в постоянном поиске, – это живые трупы. Люди должны обмениваться между собой информацией, чувствами и жидкостями. В этом смысл существования человечества, и лебединая верность одному и тому же мужу, одной и той же жене – это такой невероятный пережиток эпохи зажатых в стальные тиски псевдоморали яиц, что и думать об этом неприятно. К чему мораль, когда человек – всего лишь человек. С примерно одинаковыми желаниями, главное из которых – получение наслаждения любой ценой, со схожими в этой связи мыслями, со всеми своими отверстиями и выпирающими частями – женскими и мужскими. Человек несчастен. Он становится таковым немедленно после своего рождения, и не потому, что ему предстоит пройти тяжелый жизненный путь, преодолеть преграды, построить свой мир и тому подобное. Человек несчастен и несчастен абсолютно лишь потому, что его жизнь так коротка. Детство, на которое приходится лет двадцать, дальше пора становления и осознания того, кем стать: бухгалтершей, шахер-махером, ковбоем или философом, потом брак, семья и рождение детей,

их взросление. И все это происходит молниеносно, и, когда человек вдруг понимает, что жизнь это еще и возможность получать удовольствие от каждого дня, дням этим подходит конец, наваливается старость, эти безнадежно седые волоски повсюду как предвестники того, что скоро, уже совсем скоро тебя, заколов в дурацкий ящик, снесут с глаз долой и все на этом завершится. Короткая жизнь и страх смерти – вот, что делает человека несчастным. Осознание того, что жизнь летит мимо, подталкивает людей на большие поступки. Жены оставляют мужей, мужья бросают жен, все сходятся, расходятся, клянутся в верности, в душе понимая, что все это только слова, но все же веря в их святую непогрешимость. Как же все схоже в людях! Стереотипы правят стадом человек, но и стереотипы меняются. Одно лишь неизменно остается главной человеческой ценностью. Богатство. А если к нему добавляется еще и власть, то это сверхценность, и ее достижение возносит человека на воображаемый пьедестал не только в глазах окружающих, но и в собственных глазах. Достижению сверхценности как наивысшего наслаждения решил посвятить себя Картье. Он еще не видел, с чего ему начать, но чувствовал, что точка опоры где-то поблизости. Остается только найти ее, и тогда... Интуиция не подвела его и на этот раз: по прошествии двух недель, которые промелькнули, словно домик станционного зрителя за окошком скорого поезда, Картье получил на свой электронный адрес приглашение посетить выставку высоких технологий и контента в Барселоне.

К тому времени контракт между «МДС» и «Smart-soft» уже действовал, Штукин ежедневно видел в банковских выписках денежные переводы за реализованный «МДС» контент и теперь постоянно пребывал в добром расположении духа. Для участников рынка появление «Smart-soft» в числе ключевых поставщиков контента для «МДС» немедленно стало поводом для глухих сплетен, догадок, улыбчивых полунамек. Но, впрочем, дальше этого и не пошло. Все отлично понимали: в любой Системе свои устоявшиеся правила, и если фаворитом становится никому ранее не известная компания, значит, все было именно в рамках этих правил: предложение, интерес, сделка. А уж кому предлагали и, главное, сколько – это никого, дорогие граждане, не колышет. Свои считайте, как говорится. На фоне общего интереса к «Smart-soft» у журналистов, обзревающих мобильный рынок, появился интерес к новому топ-менеджеру компании господину Картье. Звучная фамилия молниеносно сделала свое дело, и Виктор, с согласия Штукина, который был им чрезвычайно доволен, появился на обложке некоего популярного отраслевого журнала. Таким образом, получение от «Mobile world congress» персонального приглашения, которое подразумевало полностью оплаченный приглашающей стороной package на две персоны, стало вполне закономерным следствием популярности Картье и «Smart-soft». Цифровой мир не имеет границ, и весть о появлении Картье в мобильном бизнесе быстро стала всеобщим достоянием. За две прошедшие недели отношения Шедина и Картье взмыли вверх, оба были на короткой ноге друг с другом. Шедину казалось, что он видит Виктора насквозь, читает его, как лист, в котором черным по белому написано несколько односложных предложений, составляющих суть обыкновенного человека. Разумеется, все это было совершенно не так, и хитрющий Картье прикидывался, оставаясь саблезубым тигром в овечьей шкуре, которую носил с шиком и мастерски. Этот парень всегда любил перевоплощаться, пудрить мозги окружающим и весьма ценил свою подлинную сущность, не открывая ее никому. В отличие от Шедина Картье быстро понял, что это за человек: хитрый, прижимистый, своенравный и властный. Шедин был умен, в этом сомневаться не приходилось, однако тонкой лести не замечал, воспринимая ее как уважение к своему статусу, и Картье этим пользовался очень успешно.

Их частенько можно было застать вдвоем в рыбном ресторане «Ля-Маре», что на углу Бульваров и Петровки. Потягивали вино, тыкая вилками в баснословно дорогую еду, говорили о бизнесе, о женщинах, о футболе и модных автомобилях – словом, обо всем, что составляет в мужской беседе основную часть. При этом, что немаловажно, Шедин постоянно просил разделить счет, и каждый раз платил за себя сам. И хотя Картье всякий раз пытался «уладить пустячок» из собственного, а вернее, из штукинского кармана, его компаньон и слышать ничего не хотел. Впрочем, особенных неудобств все это не доставляло.

Однажды, во время очередной встречи, Картье, будучи уже приглашенным на выставку в Барселону, поинтересовался у Шедина, собирается ли и он туда же, но Шедин только рукой махнул:

– Да что там делать? Из года в год одно и то же. Всех знаю, все примелькались. Знаешь, я когда там появляюсь, то выставка замирает потому, что сразу же между стендами такой шепоток: «Мистер Шедин здесь», – и все ко мне со своими предложениями нелепыми, на хрен ненужными. Нет, не поеду. И не уговаривай даже.

Картье не торопился с вопросом, он заказал сигару, немного подымил, продолжая беседовать на более общие темы, и наконец как бы между делом аккуратно поинтересовался:

– А кто вообще-то едет от «МДС»?

Лицо Шедина внезапно омрачилось, даже ожесточилось. Он хмыкнул и процедил сквозь зубы:

– Сидоров, кому ж еще...

Виктор, конечно же, слышал об этом человеке. Известнейшая личность, президент «МДС», молод, амбициозен. В число акционеров Сидоров не входил, ни с кем никаких «гешефтов» не имел. Картье знал это наверняка, ибо о каких-либо бесчестных деяниях Сидорова-президента никогда ничего не было слышно. Репутация, ничего не скажешь. Но так ли стоит доверять этой репутации? Оклад президента «МДС», конечно, неплох, но чем больше есть у человека, тем больше ему хочется.

Шедин побаивался и ненавидел этого Сидорова. Побоялся потому, что Сидоров был его непосредственным руководителем, и ненавидел по той же причине. Он вообще недолюбливал «молодых да ранних» юнцов-карьеристов. Сидоров был ровесником Картье, но выглядел значительно моложе. Этаким «цыцк-пыцк»: невысокого росточка, кожа розоватая, глазенки кареватые, щеки пухловатые и на голове легкое облачко светлых волосков. Ни дать ни взять – маленький Ленин. Шедин мечтал занять место Сидорова, но ему ничего такого не светило. А Сидоров мечтал убрать Шедина. Или совсем его уволить, или, что более вероятно, задвинуть его куда-нибудь в дальнюю даль командовать в регионах, поднимать целину. Все это было в тайных планах Сидорова. На людях они держались вполне дружелюбно, соблюдали корпоративные приличия, никогда ничем таким колким не обменивались, но ненависть между ними была поистине лютая.

Началось их противостояние вполне банально. Шедин собирался на совет директоров, где, по точнейшим сведениям, отцы-основатели «МДС», и в частности господин Евтушенко, должны были предложить ему, Шедину Дмитрию Валентиновичу, пост президента компании с окладом, гм... Специально к этой дате Дима купил новый галстук из последней коллекции «Armani», но галстук оказался «какой-то не такой», взялся плохо, Шедин с ним намучился и, в конце концов, кое-как изобразив узел, побрел на совет. Не будучи суеверным, он тем не менее подумал, что возня с чертовым галстуком явно не к добру. Так и вышло.

Никакого назначения Шедин не получил. Наоборот! В течение тридцати восьми минут господин Евтушенко, периодически притрагиваясь то к кончику своего слегка раздвоенного носа, то скобля мизинцем подбородок, то теребя мочку-другую уха, а порой и поднося щепоть к ноздре так, словно намеревался выдернуть целый пук волосков и поколдовать над ними, будто Хоттабыч, разносил Шедина за «неудовлетворительную работу вверенного ему подразделения» и вдобавок ко всему несколько раз нервно дернул ногою в прекрасном, английской работы, коричневом ботинке. Проклиная дурацкую обновку, Шедин готов был провалиться сквозь землю, но все же крошечная, как серная головка, надежда еще грела его почти разрушенное, почти обращенное в мусор тщеславие. Он рассчитывал, что нервный господин Евтушенко вот-вот закончит читать «за упокой» и начнет «за здравие», объявив-таки о решении, ожидание которого Шедин лелеял довольно долго.

Однако Евтушенко разрешил подняться какому-то невзрачному молодому и кудрявому, похожему, по предвзятому наблюдению Шедина, на «пушистого пуську» младежского человечка и представил его высокому собранию как нового президента «МДС». Это был гром среди ясного неба. Ясное небо, из которого вдруг хлынул град. Градина размером с куриное

ошипанное тело, упавшая на коллекционный автомобиль «Роллс-Ройс». «Роллс-Ройс», который сгорел. Огонь, который выжиг Шедина изнутри, и он почувствовал острейшую изжогу, оказавшуюся на поверку приступом панкреатита, аккуратно после совещания уложившим его на больничную койку сроком на две недели с половиною. А проклятый галстук Шедин спустил в унитаз. О точном времени этого, в высшей степени символического жеста история ничего не знает.

– Ах, вот оно что... Так, значит, тебя, профессионала и умницу, единственного человека, принимающего в вашей структуре ответственные, взвешенные стратегические решения от участия в выставке, мягко говоря «отжали», – сочувственно констатировал Картье и под благодарный кивок Шедина ввернул: – мальчонка не прочь сам прошвырнуться по заграницам. Мечтает снискать все блага земные?

– Не иначе, – ядовито прошипел Дима. – Привезти в наш тихий уголок идеи новые, свежие, аграмадные, – кривлялся Шедин, и на мгновение, в уютном полумраке ресторанный уголок Виктору он показался корчащимся в петле висельником.

– А в частном порядке ты, разумеется, полететь туда не можешь? Нарушение корпоративной дисциплины?

– Разумеется, – кивнул Шедин. – Я думаю, что там будет кое-что интересное и Сидоров будет круглым дураком, если не ухватится за это.

– Что же именно? – с деланным безразличием поинтересовался Картье.

– Я просматривал каталог. На досуге. Есть такая японская «NTT DOCOMO», крупный японский оператор, который внедрил у себя такую услугу, как I-mode. У них будет огромный стенд, у этих японцев. На месте Сидорова я не упустил бы возможность внедрить сервис I-mode у нас в «МДС».

– Что это еще за сервис? – Теперь Картье был весь внимание. Он предчувствовал что-то, еще неясное, но определенно хорошее для себя. Так предчувствуешь радугу в небе – ее не может не быть после дождя.

– Мгновенный доступ в Интернет. С одной кнопки. Нажал и уже в Сети. Занятно, не так ли? В России о таком и не слыхивали, – с увлечением рассказывал Шедин. – Тот из операторов, кто это провернет, будет в шоколаде.

Картье удивился:

– Ты в этом так уверен? Но почему?

– Удобство! Вот, что самое главное в I-mode. Удобство и быстрота. Это и для бизнеса и для интернет-маньяков, чтобы отовсюду можно было выходить, из любого места, где есть зона покрытия.

– Так это же не с любого телефона? – разыгрывая простачку, робко предположил Картье, показывая, как он уважает право своего собеседника объяснить ему, недалекому, очевидные вещи.

– Само собой! Только со специальных аппаратов.

– То есть их придется закупать?

– Ну да! – ответил Шедин с победоносным видом. Это ж, представляешь себе, что такое?!

Виктор кивнул:

– Нормально нажать можно. Главное, чтобы Шувариков согласился все это продавать. Ты же понимаешь, что без «Европа-сеть» о полноценном выходе на рынок можно забыть вот прямо начиная с этого момента?

Шедин неопределенно пожал плечами. Что именно означал этот жест, Картье интересоваться не стал. Он быстро проанализировал полученную от Шедина информацию и ничтоже сумняшеся предложил:

– Хочешь, я от твоего имени проведу с япошками переговоры там, в Барселоне? Опережу Сидорова. Как ты на это смотришь? Раз ты так веришь в потенциал этого сервиса, а мне кажется, что ты прав на все сто процентов, то нельзя отдавать Сидорову лавры первооткрывателя. Пусть докажет свою полнейшую несостоятельность перед вашими

акционерями.

И вот тут-то Шедин, умнейший Шедин, хитрейший из пройдох, выжига, плут, коррупционер, жулик и мошенник, каких еще поискать, словно безвольная зомбированная человеческая кукла под взглядом индийского факира, совершил, возможно, главнейшую ошибку в своей жизни. Он ответил «я подумаю».

И, ответив таким образом, а не сразу же жестким и категорическим отказом, он оставил для Картье, умнейшего Картье, хитрейшего из пройдох, афериста с задатками практикующего мистика, лазейку, потайной проход, крысиный лаз на самое дно своей души. Да что там лаз?! Сквозь игольное ушко пролез в него Картье, капая сложным, состоящим из алчности и лести ядом коварства на благодатную почву шединской душонки. И плоды свои это принесло. Намеренно, после «я подумаю» своего визави Картье увел беседу совершенно в иное русло, повел разговор о футболе, но и здесь ухитрился вернуть про то, что «а здорово, конечно, сидеть с этим one-touch мобильным Интернетом на трибуне и в блоге у себя пописывать, делиться свежайшими впечатлениями». Шедин послушал-послушал, в приступе собачьей, истомленной ностальгии вспомнил господина Евтушенко и решил.

– Слушай, Витя. – Шедин поднял руку, дав понять, что больше о футболе болтать не стоит, а самое время обсудить куда как более важные вещи. – Но как же ты можешь вести переговоры от имени «МДС», если ты сам в «МДС» не работаешь?

– Но я же партнер, – не моргнув, парировал Картье, – ты со мной приложение на аутсорсинг к нашему договору подмахнешь и доверенность мне на фирменном бланке ЕБР МДС выпишешь. Вот так. Все очень просто, как видишь, мистер Дмитрий. А уж я, не переживай, все устрою в лучшем виде. Сразу же, предваряя твой вопрос, скажу, для чего мне все это нужно. Я хочу, чтобы поставщиком оборудования для сервиса «I-mode» выступала моя компания. Ты в доле.

– Даже и не сомневайся, – мгновенно отреагировал Шедин, который все давно понял и сейчас чуть ли не поскуливал в предвкушении баснословных барышей. – Ты, Витенька, светлая голова. Конечно! Чего ради я стану проводить все это через ЕБР. Шум, возня, внешнеторговая деятельность, аудит сделки и тому подобное. А здесь все просто: ты, с понтом, представитель «NTT DOCOMO», их официальный агент в России. И мы с тобой все решили, попилили и нажили. Нормальный вариант, – развязно закончил Шедин.

– Аминь, – кивнул Картье и разлил по третьей.

4

Со времени гибели «Infinity» прошло не так уж много времени, но Картье уже вполне привык передвигаться на общественном транспорте и ничуть из-за этого не комплексовал. Ему даже нравилось. Вся эта толкотня, людские запахи, суэта человеческого стада по утрам и вечерам приводили Виктора в какой-то иступленный восторг. Он не испытывал ненависти к окружающим, он понимал, что все происходящее с ним сейчас – это временно, что вскоре появится автомобиль и притом гораздо лучший, чем утраченный им по собственному недосмотру. Он сравнивал людскую толпу с постоянно менявшимся океаном, и особенно ему нравилось наблюдать, как все эти студенты, менеджеры, рабочие, служащие, ткачихи, поварихи и сватья бабы Бабарихи пользуются своими мобильными телефонами. Часть из них была консервативна, не пользовалась никакими дополнительными услугами и мобильники имела, чтобы «чисто звонить». Но то была лишь часть, и притом отнюдь не большая, чем число всех тех, кто привык постоянно менять что-то в своих аппаратах последних, модных серий. Они демонстративно извлекали телефоны из своих джинсиков в попочную обтяжку или, наоборот, висящих мешком, словно под джинсами был кое-как натянут обремененный подгузник. В звонких трелях рингтонов Картье довольно часто узнавал изделия «Smart-soft». И эта цифровая музыка из тинейджерских задниц звучала для него слаще любого органа (он всегда превозносил органную музыку выше остальной).

Однако мобильниковый фетиш был присущ и не только подросткам. Многие вполне

взрослые и обеспеченные люди кичились друг перед другом последними моделями своих «Nokia» и «Sony Ericsson». Эпоха, описываемая в этой истории, еще не стала эпохой «I-phone». Еще не появилась шутка, когда между премьером и президентом состоялся разговор по поводу знаменитого нынче шпионского скандала:

– Вольдемар, наших разведчиков гуртом арестовали в Вашингтоне.

– А я тебе, Димуля, говорил: выброси ты свой «I-phone»...

Но так ли это важно, ведь разницы в сути нет никакой. Модели и марки приходят и уходят, а людское поведение остается. Люди, особенно мало что представляющие собой в личностном плане, постоянно чем-то выпендриваются: каменными топорами, латами, кружевами жабо, высотой шляпы-цилиндра, величиной силиконового бюста, лошадьми, каретами, автомобилями или вот, телефонами. Измельчало пелевинское «Generation P». Ему на смену пришло количество мелкотравчатых особей, прозванных Картье «гаджет-пипл». И все эти «гаджет-люди» ежедневно на глазах Картье зарабатывали для него деньги, качая все новые и новые рингтоны, заставки, игры и прочий контент с ресурсов «МДС». Видеть воочию, как наполняется твой карман, было тем определяющим мотивом, благодаря которому Картье так любил теперь передвигаться с простыми смертными зажатый в вагоне утренней подземки между гастарбайтером и пенсионеркой, словно купюра в пачке, туго перехлестнутой шпагатом.

Однажды он сидел (вот уж воистину повезло – досталось место в вагоне метро в час пик) и слушал, о чем говорят два сосискообразных молодых человека с портфелями, с виду типичный планктон из отдела продаж.

– Илья, а у вас на фирме какой месячный бонус? – интересовался один, несмотря на молодость свою, уже плешивый, с пивным пузцом.

– Ну у нас там гибкая шкала, Николай, – солидно басил другой, несмотря на молодость свою, такой же плешивый, с пивным пузцом, но в отличие от Николая чуть лучше одетый, с чуть более дорогим портфелем, с бачками, приспущенными у него пальца на два ниже обычной линии виска, – но выходит нормально. У меня в прошлом месяце только бонус под шестьдесят тысяч вылез. С Нинкой сразу новую сантехнику взяли: умывальник на ножках, унитаза «Gustavsberg» с крышкой на микролифте, и еще я себе телефон поменял.

– Чего взял-то? – живо поинтересовался товарищ Илья.

– А вот. – Илья достал из портфеля смартфон «Samsung» в фальшивом (у Картье был глаз наметан на такие дела, ненавидел подделки) чехле под «Louis Vuitton». – Полифония, экран большой, все навороты. И, конечно, war тоже есть.

– А оператор у тебя какой? – с хрипотцой, в которой чувствовалась неприкрытая зависть, спросил Николай и спохватился: – Ах да! «МДС» же у тебя.

– Я прикольных фишек накачал из Интернета, – похвалился Илья. – У них сейчас на сайте много нового появилось, там есть из чего выбрать, не то что раньше.

Картье хотелось потрепать этого Илью по его мясистому загривку и сказать: «Чувачелло, да ты же просто натуральная гаджет-особь, ты мне бабло платишь, уважуха, действуй в том же духе». Но он, конечно же, промолчал, а вскоре и вовсе вышел на своей станции.

...Штукин стоял в дверном проеме своего кабинета и напоминал собственный портрет в полный рост. При этом Костя-портрет ухитрялся говорить сразу по двум телефонам и периодически поскребывать правой ногой о левую, почесывая икроножную часть. Завидев Витю, Штукин принялся подавать ему мимические знаки, прося зайти. Картье, разумеется, повиновался, Штукин вышел из портретной рамы, пропуская своего «лучшего сотрудника», и Картье некоторое время ожидал, пока его босс закончит свои разговоры. Виктор, быть может впервые, осмотрелся в штукинском кабинете.

На стенах висели постеры «Wolf-collection», где обаятельные волки позировали знаменитому фотографу, имя которого Картье помнил отлично, но только лишь попытался воспроизвести его в памяти, как тут же и забыл.

У окна стоял телескоп, направленный в небо, чуть ли не в зенит, и было совершенно

непонятно, что именно хотел рассмотреть Штукин из своего окна, из этого невысокого этажа, в московском небе, чаще непроницаемом, чем хоть немного звездным, и больше похожим на гигантских размеров экран, транслирующий жизнь большого города в режиме онлайн.

Все остальное: мебель, большое какое-то растение в кадке, похожее одновременно на знак полувопроса и на самого Штукина, люстра-тарелка, напомнившая Картье его детство в отчем доме, контраст белых стен и паркетной доски «Венге» ни во что примечательное кабинет не превращал. Было это пространство под стать своему хозяину: вроде и мило, и все по-деловому, и как-то даже интеллектуально и обаятельно, с претензией на романтику (опять же и волчьи полупрофили, и телескоп), но все же как-то никак, без изюма и страсти.

– Так-так-так, – потирая руки, уселся за стол Штукин и бодро поглядел на Картье. – Ну, доложу тебе, дела наши с «МДС» идут все лучше день ото дня. Прелестно, прелестно. Я только что общался с нашим финансистом и с менеджером банка. Под контракт с «МДС» и под такую выручку нам согласны выдать кредит. Кругленькую сумму! – провозгласил Штукин и вознес указательный перст к потолку, словно была на нем одета сутана и он прямо с амвона готовился не то отлучить кого-то от церкви, не то процитировать вторую заповедь о несотворении кумира.

– Лиха беда начало. То ли еще будет. Глаза боятся, а руки делают, – со свирепым лицом отчеканил Картье, и оба оглушительно расхохотались. За довольными шутками, которые всегда сопровождают беседу мужчин, занятых в совместном успешном бизнесе, Картье не сразу расслышал телефонный звонок. Он сделал Штукину извинительную гримасу, мол «нужно ответить», принял звонок, немного помолчал, сосредоточенно слушая голос по ту сторону невидимого телефонного моста, и ответил, что перезвонит «буквально спустя несколько мгновений».

– Я сейчас, сию секунду все уточню у своего босса, благо он сидит напротив, и тогда вам сообщу. Я понимаю, что срочно, но это не займет много времени.

«Отключившись», Картье, зачем-то показывая на свой мобильник, словно не то призывая его в свидетели, не то делая его ответственным за что-то постыдное, сказал:

– Костя, это звонили из московского представительства «World Mobile Congress», им срочно нужны данные твоего загранпаспорта, чтобы все там оформить и так далее. Ты мне дай вот это все, а я там сам им напишу или по телефону продиктую, без разницы. Времени почти не осталось уже, они сами затянули, а через неделю начало. У тебя данные под рукой?

Штукин искренне удивился, пожал плечами:

– Да я-то что? Я не поеду. У меня тут дела и вообще...

Тут уже пришла очередь Картье удивляться. Как-то по умолчанию было договорено, что они с Виктором летят вместе, да иначе и быть не могло. Кому же, как не им туда лететь? Однако Штукин отказался наотрез.

– А с кем же мне туда? – даже как-то растерялся Виктор. – Одному, что ли? Одному как-то, сам понимаешь, в общем... Не то чтобы скучно, я туда работать еду, а просто как-то... – он замаялся, – неправильно это, на таких мероприятиях одному отсвечивать. Несolidно. Нужно же, так сказать, первое впечатление произвести. Нужен второй специалист, притом реальный специалист, и я, честно говоря, был уверен, что ты поедешь. Даже не переживал на этот счет. А кто же тогда вместо тебя? Решай, Костя, времени вообще нет, они ждут.

Штукин задумался. Побарабанил пальцами, наморщил лоб, покашлял в кулак.

Штукин задумался еще глубже. Погрыз ноготь большого пальца, закусил губу, помассировал виски.

Штукин задумался совсем глубоко. Засунул мизинец в ноздрю, оттуда в ухо (Картье смотрел на него с возрастающим недоумением, напоминающим священный ужас), далее перст Штукина совершил путешествие из ушной раковины в уголок правого глаза и, спустившись по переносице, замер на кончике носа. Тут Штукин подал голос:

– Получается, что тебе в помощники годится только Лена. Больше и послать-то некого. Нет, ну ты сам посуди, – словно оправдываясь, начал Штукин, – кого я еще могу с тобой

отпустить? Дизайнера Макарушку с пивным брюхом и нечесаными патлами? Инженера Зазулю с прыщавым носом и немойшей шеей? Да у них не то что галстуков, у них костюмов-то нет. Словом, видок непрезентабельный. Моя жена – это идеальный вариант для такой поездки. («Даже не сомневайся», – подумал ликующий Картье, всеми силами пытавшийся не выдать своего восторга, а потому опустивший глаза долу.) Она и собой не дурна, – продолжал разглагольствовать Штукин и, что называется, полностью в теме.

«Не дурна собой?! – Картье даже вздрогнул от негодования. – Какой же ты идиот! Да рядом с тобой красавица! А ты... Впрочем, спасибо тебе за твой идиотизм и безразличие по отношению к собственной жене. Вместе с Леной в Барселону? На четыре дня? Эй, приятель, не надо рвать мне брюки. Успеешь еще сделать свое дело», – обратился Картье к нетерпеливому предмету мужской гордости, который был у него впечатляющих размеров и работал без сбоев даже в состоянии полнейшей алкогольной упитости.

– Поехать на выставку с твоей жено-о-й? – Картье поднял, наконец, глаза. Он уже совершенно владел собой. – Ну я даже как-то и не знаю. Разве это прилично? Ведь в компании пойдут всякие слухи. Разве тебе это будет приятно? Нет, Костя, если это твое решение, то я ему подчинюсь, но ты должен понять мои опасения. Я серьезный, настроенный на работу человек, и мне совершенно не хочется, чтобы из-за каких-то там слухов, из-за того, чего и в природе-то не существует, ты бы подумал, что...

– Что? Ха-ха! – со смехом подхватил Штукин. – Даже не волнуйся, Витя, никогда я такого не подумал бы. Лена влюблена в меня так же, как в момент нашего первого свидания, и мне это превосходно известно. Она никогда не бросит тень на фамилию Штукин, – пафосно и наивно закончил Костя.

– Это да. Разумеется, ты прав, – с жаром подхватил Картье, внутренне содрогаясь от желания рассмеяться в лицо этому самоуверенному, полуощипанному павлину, без пяти минут рогоносцу. – Знаешь, когда я впервые увидел вас вместе, там, помнишь, в том ресторане, я сразу подумал: «Вот сидит пара влюбленных друг в друга людей, и это замечательно». Я любовался вами тогда, – вдохновенно врал наш Яго. – Вы молодцы, Костя. Конечно же, я сморозил какую-то чушь. Прости меня. Твоя жена прекрасная женщина, верная, любящая. В Барселоне я позабочусь о ее безопасности.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся трижды глупец Штукин. – Своди ее там куда-нибудь. Там, говорят, бывает весело. Я разрешаю.

– Благодарю, – поклонился Картье, чуть не заорав от нахлынувшего предвкушения невероятного счастья. – Там, кажется, есть этот, как его? Парк Гауди? Договорились. В таком случае мне надо узнать у Лены данные ее загранпаспорта. Я... могу быть свободен?

– Да-да, – уже рассеянно, утратив интерес к теме, промямлил Штукин, – удачно тебе съездить. Привези оттуда что-нибудь новенькое для «Smart-soft» и вообще свежих впечатлений побольше.

– Я буду очень стараться, – честно ответил Картье и крепко пожал мягкую, безвольную руку своего босса. Такое рукопожатие бывает только у тех, кто считает себя на вершине мира, вполне доволен собой, но не знает, что уже обречен. Когда Виктор затворял за собой дверь, он бросил последний взгляд на своего институтского друга. Тот сидел за столом и напоминал отчего-то крота в костюме. Сходство было настолько поразительным, что Картье поймал себя на мысли, что он хочет стащить с ноги ботинок и запустить им в сторону этого подслеповатого и самоуверенного флегматика. Как хорошо, что он такой. А она совсем другая.

5

Между ними еще ничего не случилось. Они еще ничего не сказали друг другу, что уж говорить о большем. Картье и Лена вели себя, словно дети, обмениваясь несмелыми взглядами, в которых читалось сомнение (любит ли?), желание, мгновенная готовность броситься навстречу друг к другу, и лишь тонкая пелена условности отделяла их от первого страстного поцелуя, с которого начинается все остальное. Он видел поток, тот самый, в

который он увлек ее, он понимал, что должен сделать первый шаг, украсть у жизни то самое особенное мгновение, в которое все и происходит между двумя влюбленными. Мгновение, когда все немедленно становится на свои места и вспыхивает с невероятной силой. Момент взрыва подлинной страсти. Однако их служебный роман, еще не начавшись, сразу же обрастал огромным числом невозможностей. Следовало опасаться всего, что могло привести к нежелательным слухам и сплетням, столь ценным злым офисным народцем. Теперь, накануне командировки, необходимо было конспирировать пусть и не начавшиеся еще отношения особенно тщательно. Все могло рухнуть в один момент, и Картье прекрасно отдавал себе в этом отчет. Поэтому, когда он вышел из кабинета Штукина, то первым делом не помчался к Лене просить номер ее паспорта, а, напустив на себя вид полнейшего флегматика, попросил у офисной секретарши разузнать, что и к чему, и отправить всю необходимую информацию в «World Mobile Congress».

– Некогда мне всей этой бюрократией заниматься, – поделился с секретаршей Картье, что называется, «по-свойски». – Теперь еще оказывается, что по распоряжению господина Штукина я еду в командировку вместе с его супругой. Не доверяет, – вздохнул Картье, – оно и правильно. Вы тогда попросите Елену Марковну, чтобы она вам продиктовала все необходимые данные, а то мне как-то неловко ее об этом спрашивать. Робею, – улыбнулся Витя.

Секретарша с пониманием кивнула, мол, «как же, понимаю вас, Виктор Иванович. Все сделаю, не переживайте». Секретарша эта была чуть ли не главной сплетницей офиса, поэтому именно к ней обратился хитрющий Картье. Его маневр имел успех: охочая до пересудов барышня прониклась к нему сочувствием, и опасной сплетне не суждено было родиться. Конечно, посудачили немного в курилке, но все как-то свелось к тому, что «ну едут и едут. Нам-то что? Тем более босс сам так распорядился. А Картье этот нормальный в принципе парень. Нос не задирает, со всеми вежлив. Наш человек».

Лена узнала о том, что ей предстоит лететь на выставку вместе с Виктором от своего мужа. Тот позвонил по внутреннему телефону:

– Поедешь с Витей в Барселону, я так решил. Кроме тебя, послать некого, а у меня дела. Заодно развеешься и вообще... Я его проинструктировал, что и как. Сходите в ресторан, в музей, на экскурсию какую-нибудь там... Словом, он тебе культурную программу и сопровождение обеспечит. – Штукин немного помолчал и неожиданно прибавил: – Устал я...

– От меня? – почти равнодушно спросила Лена, не осознав еще, что ее ожидает в самое ближайшее время.

– Ну о чем ты? Нет, разумеется. Но мне кажется, что небольшое расставание пойдет нам на пользу. Поскучаем друг без друга, хи-хи. – И дуралей Штукин повесил трубку.

Любил ли он ее? А вот, между прочим, да. Но весьма и весьма «по-своему». Штукин считал, что раз семья у них, бизнес совместный и отсутствие скандалов, то этого вполне достаточно, чтобы это назвать любовью и на том успокоиться. К жене своей он привык так же, как привыкают к коврику в ванной. Он должен всегда быть под ногами, чтобы не было холодно пяткам от кафеля. Коврик в ванной – это очень удобно. Но коврик и не замечают, куда он лежит там, где ему лежать положено. Его спохватываются лишь тогда, когда он вдруг исчезает, подвергнутый стирке прилежной домработницей. Но, возвращаясь к отношению Штукина к Елене, следует отметить, что до исчезновения было еще далеко. Верней до полного ее исчезновения. Штукин и в мыслях не имел, что она могла ему изменить, серьезно кем-то увлечься. Он вообще был далек от вещей такого рода. Мир он воспринимал в соответствии с собственными ощущениями, а сам он был человеком не блядовитым, серьезных сторонних увлечений не имел. Штукин был занудой, а это самое ужасное, что может открыть женщина в своем избраннике. Что же может предложить зануда в обмен на чистый порыв, на искреннее женское желание любить его? Да вот только и может, что свое занудство. Этаким раскаге ощущений и чувств, в который непременно входит пятиминутный секс без намека на желание доставить женщине пиковые наслаждения (зануда не знает, что у женщин тоже бывает оргазм, и сильно удивляется, когда, наконец, узнает об этом в солидном

уже возрасте и по случаю. Впрочем, он тут же и забывает об этом. К чему ему знать лишнее о ком-то? Его интересует только он сам). Штукину казалось, что жизнь его протекает чудесно, он был всем очень доволен, считал, что жена его никогда и никуда от него не денется, и проводил свободное время за компьютерными играми, сетевыми путешествиями и чтением бизнес-литературы. Помимо этих занятий современного джентльмена Костя посещал дорогой спортивный клуб, где подолгу ходил по дорожке, имея на голове белую махровую повязку «Nike», и считал, что это невероятно круто и мудацкая повязка делает его брутальным фитнесистом. Он был трижды скучен, скучен, скучен! Ничего не было в нем острого, забористого, но и духовного в нем ничего не наблюдалось. Так... Юности честное зеркало, переросшее в, как уже и говорилось выше, занудство, возведенное в степень самолюбования: «Смотрите, какой я хороший!» Да хороший ты, хороший... Только до чего же ты скучен, старина. Возьми-ка ты с вешалки свое пальто и проваливай из нашей истории до поры до времени. Отпустил жену вместе с Картье? Ну и попрощайся с ней. Ты ее навсегда потерял.

6

Неделя именно что «пролетела», так как по-другому скорость, с которой прошло время между решением о поездке вдвоем и последним днем в офисе, назвать по-другому было бы неправильно. В течение всего этого времени Картье держался с Леной чуть официальной, чем обычно, так было на людях. Если же они оставались наедине, то на самое короткое время, и Картье всеми силами таких встреч старался избегать. Всякий раз он делал Лене «страшные глаза»: мол, «ты же все сама понимаешь. У нас почти есть эта тайна, у нас почти начались отношения, так давай не дадим шансов Разлуке сделать свое пакостное дело в самом начале». Отчего-то Виктору казалось, что она должна понимать его без слов, чего, конечно же, не случалось. В конце концов, Лена оказалась мудрей: просто зашла в его кабинет, закрыла за собой дверь и уселась на подоконник, сразу став похожей на сердитую, нахохлившуюся синицу.

Картье ощутил жжение в груди и приятную дрожь пальцев. Он молча посмотрел на Лену очень проникновенным, с хитринкой, взглядом. Потом, словно опомнившись, закрыл лицо ладонями и с силой провел ими вниз, вдавливая пальцы, отчего кожа пошла красными полосами, а нижние веки оттянулись, обнажая глазные яблоки в кровяной сетке сосудов. Неприглядное зрелище, что и говорить.

– Пугаешь? – усмехнулась Лена. – Что происходит-то? Сказал «а», так и говори дальше, не то я начну думать, что ты такой же, как он, и я тебе попросту безразлична.

– Безразлична? Вот как?! – Картье взмыл в воздух, словно в теле его не было веса, легко перемахнул через стол и приземлился возле подоконника. Недолго думая, схватил Лену, поднял ее на руках, словно вальсируя, закружил и... впился губами в ее губы. Никакого сопротивления он не встретил, да и откуда было ему взяться? Она давно была к этому готова. Да что к этому? Она была готова отдаться ему тут же, прямо на столе, на подоконнике, где угодно. Умом понимая, что так нельзя, что опасно, но сердцем своим горячим, истосковавшимся по страстям, словно вена наркомана по дозе, Лена хотела любить и быть любимой, и, конечно же, совсем не платонически. Когда ты молода, красива, сексуальна и видишь, какими взглядами провожают тебя мужчины, когда твой муж месяцами не проявляет к тебе ни малейшего интереса, то в женщине накапливается такая концентрация чувств, что только спичку поднеси. Рванет – мало не покажется! Взрывной волной сметет все прежние барьеры, выставленные в надежде на то, что жизнь в браке удалась и посторонним мужчинам проход и проезд категорически воспрещен. Женщине вполне достаточно одного-единственного мужа, от которого она так и мечтает получить все, в чем нуждается ее душа, ее прекрасное женское «я»: любовь, надежность, секс, заботу, ласку, нежность, нужные слова в нужные моменты жизни и постоянное внимание. Не получая этого от мужа в той мере, в которой она ожидает, ее «недополучение» перерабатывается во внутреннее вещество с весьма сильным взрывным потенциалом. И тут возможно два варианта с разным процентным

соотношением.

Вариант первый, называется он «страсготерпица-моралистка». Сама о себе такая женщина говорит «я женщина честная». Она произносит это со злобной и поучительной гордостью. «Да муж такой-сякой, но ведь дети?! Как же можно, чтобы от детей-то? Ведь какая-никакая, но семья имеется! Домик там по Ярославке, квартира двухкомнатная, автомобиль... Кое-как терпится, хоть совсем уже и не любится, но да черт бы с ней, с любовью этой, с единением душ. Что мы, в самом деле-то? Мы люди семейные, а не какие там шалопутные. Себя блюдем и, понимаешь, не можем поступиться принципами». Вариант первый занимает процентов пятнадцать из ста процентов несчастных женщин, состоящих в браке.

Вариант второй называется «настоящая женщина». Та, что не намерена мириться с положением, в котором оказалась. Та, что больше всего в жизни хочет быть счастливой и не променяет это стремление ни на какие «моральные ценности», на поверку оказывающиеся обычным уродством. «Она ушла от мужа, вот шлюха!» – судачат кумушки на лавках, люто завидуя про себя – ведь они так не могут. Лавку нынче заменил телефон, но, как и прежде, удел кумушек, оставаясь несчастными, кичиться друг перед другом химерой своей правоты. И как же заводит этих женщин собственная ложь, выдаваемая ими за истину, за соль жизни! Верность мужу, который ни в грош тебя не ставит, лишь потому что он «муж», – это ли не подлинное самоубийство души? Каждый человек имеет право на счастье, и вовсе не стоит думать, что коли он этим правом не желает пользоваться, то это, мол, «его личное дело». А вот и нет. Оставаясь несчастливой, такой человек портит пространство вокруг себя, засоряя его своим несчастьем, своими отрицательными эмоциями и тоской. Он словно выпускает из себя всепожирающую пустоту и за это находится в ответе перед окружающими. Человек, сознательно отказавшийся от счастья, опасен так же, как опасен разносчик инфекции, делающий это сознательно. Сознательно несчастный тянет вниз все человечество, препятствуя его исправлению, а также искоренению в людях того гипертрофированного эгоизма, что царит нынче в обществе.

Картье целовал ее, они задыхались, она обвилась вокруг него, словно змея вокруг дерева, и под его пальцами играли, словно клавиши, ее позвонки.

– Ты!

– Ты!!

– Ты!!!

– Я люблю тебя!

– Я люблю тебя!!

– Я так тебя люблю!!!

И этот бесконечно долгий, чуть не рвущий рот поцелуй, и обильный сок любви и быстрые, суетливые движения, которые всегда сопровождают сверхбыстрое освобождение от одежды и скорый вход и слова скороговоркой, выпаленные рассудком на грани уже безрассудства, и такие же полупросьбы-полукоманды, как лучше примоститься («тебе так удобно, милый?») и чтобы «сильней, еще сильней!». И крепче сжимают пальцы, и поцелуй между лопаток, и вновь потерянная было упругость возвращается, чтобы теперь уже, со второго раза, доставить совсем уж невероятное наслаждение обоим!!! И после, когда уже совсем хорошо, то нет ощущения опустошенности и вопроса «а что же дальше?», как нет и разочарования также в виде вопроса «и это все?».

Вот что случилось между ними. И сразу все усложнилось, если рассуждать про внешние обстоятельства, про опасения быть застуканными и последствия. Но об этом как-то не думалось. Поток не подразумевает экивоков, оглядки назад, отрицает и обходит все обстоятельства, ведь для потока нет преград, и несет он двоих туда, куда ведомо лишь ему одному. Поток – это гуттаперчивая рука бога, и он один знает, когда разжать ладонь.

Вот что случилось между ними. И сразу стало так хорошо, так просто, так замечательно и тепло. Они прошли первую точку невозврата, какой всегда является для двоих первый секс. Теперь уже, после того что было, они никогда не смогут относиться друг к другу

по-прежнему. Первый секс, словно пароль, сказанный в тылу врага, когда враг становится легче на сердце и в голове только одна мысль: «это свой».

Голые, они сидели на его письменном столе и болтали ногами. Хихикали, как дети.

– Почему?

– Почему?

Они сказали это вместе. Рассмеялись. Картье жмурился, словно глядел на солнце. На самом деле, конечно же, от удовольствия.

– Что почему, Аленочка?

Он сразу стал называть ее именно так. До него ее называл «Аленочкой» только отец, и ей такое его обращение невероятно понравилось.

– Почему же ты раньше-то? Ведь все было понятно, так зачем мы потеряли столько времени? Ты меня словно стороной обходил, особенно в последнее время.

Он уставился на нее с недоумением:

– Да бог с тобой! Мне казалось, что я тебе не нравлюсь! Знаешь, понравиться такой женщине, как ты, – это высшая награда, а ее нужно заслужить. Я вроде ничего такого не сделал...

Она сразу посерьезнела:

– Нет, Витечка, ты сделал. Ты еще как сделал. Ты сказал мне самые нужные слова в самое нужное время.

– Я не мог иначе, я влюблен в тебя с того самого момента, как увидел тебя там, в том ресторане. Я понял, что ты ждешь...

– Тебя?

Картье едва улыбнулся:

– Меня или еще кого-то. Ты была готова для любви, это бросилось мне, пьяненькому, в глаза. Знаешь, «под мухой» несколько глубже видишь.

– Глубже и вбок, – засмеялась Лена и, словно опомнившись, медленно соскользнула со стола, стала одеваться. Картье смотрел на нее с обожанием:

– Лена? Ты это правда сделала не от отчаяния?

Она подошла к нему, держа руки за спиной, повернулась, Картье увидел, что она застегивает лифчик:

– Помоги мне.

– С удовольствием.

– На первый крючок.

Он встал, притянул ее к себе, уткнулся подбородком в ключицу и там, ниже, уперся в поясницу, помог себе рукой, раздался мягкий, шлепающий звук, словно бацнули на разделочную доску кусок говядины. Она тихо рассмеялась:

– Ну, если такое делать от отчаяния, то как же тогда выразить радость? Я тебя люблю. Я пришла потому, что не могла больше сдерживаться, а ты оказался из породы «шаг вперед, два шага назад».

– Неправда! – Картье чуть было не проговорился, его на миг уязвленное мужское самолюбие вот-вот и сыграло бы с ним злую шутку. Он хотел сказать ей правду, хотел объяснить, что ничего и никогда не делает просто так, что все это он давно уже просчитал, потому что так им будет удобней, в поездке, когда все уже случилось раньше, в привычной обстановке и никаких сюрпризов их теперь не ожидает, они проверили друг друга, значит, можно быть уверенными, что четыре дня пройдут великолепно.

– Я не робкого десятка... Просто хотел подождать, когда мы останемся вдвоем там, в гостиничном номере. Я даже сценарий придумал, – смущенно хмыкнул Картье, – но здорово, что все получилось именно так.

– Да... – Лена отпрянула, он было потянулся к ней, но не достал, и рука схватила воздух. Она игриво обернулась и сразу сделалась серьезной, когда увидела, в каком он состоянии. На лбу у нее едва заметно вздулась венка, глаза затуманились:

– Я смотрю вы оба неутомимые ребята. А если в дверь постучат?

Картье не успел ответить. Он едва успел закрыть себе ладонью рот, чтобы не застонать от наслаждения...

Первое свидание должно длиться столько, сколько это возможно. Его нельзя прерывать. У Лены был большой «Grand Cherokee», тонированный до полной непроницаемости. Она подобрала Картье в трех кварталах от офиса, в каком-то дворе, где он скользнул на заднее место, уже дыша, как бегун на дистанции с барьерами, и принялся расстегивать брюки.

– Вон туда, в тупик. Там никто не ходит. – Он стянул рубашку прямо через голову. На груди высыпали капельки пота, будто утренняя роса на траве. Она нажала на педаль газа, едва успела осадить перед глухой стеной, быстро «добавила» кондиционер, чтоб не задохнуться им, заблокировала двери и перелезла к нему. У нее были красные туфли, и на сиденье появилась поперечная красная полоска.

Летние вечера тянутся бесконечно долго, обманом не перетекая в ночь, растворяясь в утренней заре. Порой со стороны можно было подумать, что джип плывет по волнам в шторм: порой его трясло точно неисправную стиральную машину. Картье со все нарастающим восхищением понимал, что встретил, наконец, ту, которая любит делать это так, как любит это он. То есть быстро, покусывая, с пальцами, что оставляют синяки повсюду, будто тело покрыто синим горохом, с ногтями по коже, точно ставился автограф. Он висел в невесомости, орудуя всем телом, извиваясь, держась одной рукой за ручку над дверью джипа, а другой, упершись в сиденье. Она была сверху, потом он, потом... Это было долго. И всякий раз в конце он, не сдерживаясь, орал в голос, чего раньше никогда с ним не случалось. Уж очень «острыми» были эти последние и самые сладкие моменты, когда так поднимает, что уж лучше заорать, потому что страшно: вдруг поднимет и... гуттаперчивая рука бога разожмет ладонь.

Она отвезла его домой и долго-долго они целовались в машине, прежде чем он смог оторваться от нее, теперь такой невероятно любимой и дорогой. На негнущихся ногах он вышел, обошел джип спереди, подошел к ее двери. Черное стекло плавно опустилось, и Картье вновь приник к ее губам, сладким от любви, словно клубника. Как именно они расстались, самый этот момент он не помнил. Очнулся он только, когда увидел удаляющиеся красные точки фар. Побрел домой. Поднялся в лифте, позвонил в дверь, мама открыла ему, зажгла свет в прихожей (она все еще говорила так: не включить свет, а зажечь свет – милое московское аргю), внимательно на него посмотрела, и лицо ее словно просияло изнутри.

– Что с тобой, мамуль? – Картье скинул ботинки, обнял ее, носом уткнулся в макушку, нюхая волосы. С детства обожал так делать.

– Со мной, Витенька, все в порядке. А с тобой, как я вижу, случилось что-то очень важное и хорошее. Мой мальчик влюбился.

Она произнесла это без вопросительной интонации. Она знала, о чем говорила. Мать не просто видит, она слышит своего ребенка на расстоянии, он снится ей и наяву, она постоянно связана с ним, грезит им, чувствует его, словно он все еще часть ее тела.

Картье поцеловал ее в щеку и в лоб.

– Да, мамочка, я влюбился.

– Когда же ты меня с ней познакомишь?

Картье оторопел. Как-то чересчур мама торопила события. Он сказал ей об этом, улыбаясь и полушутя, но мама совершенно серьезно ответила:

– Я хочу познакомиться с девушкой, после свидания с которой у моего сына такие глаза. Таких глаз я у тебя никогда не видела. Так когда ты меня познакомишь?

Картье решил ничего ей не рассказывать, не расстраивать маму сложностью Ленинского положения и неясными в этой связи перспективами их дальнейших отношений. Он неопределенно пожал плечами, пообещал, что «при первой же возможности», он будет очень стараться и тому подобное. Из кухни вкусно запахло, мама спохватилась и быстро ушла, а Картье долго мыл руки и разглядывал свое лицо в зеркале умывальника.

– У них нет шансов. Никаких, – проговорил он, неизвестно кого имея в виду. Но с высокой долей вероятности можно предположить, что имел он в виду весь женский род. Идеальный секс делает нас героями и покорителями Монблана. Кажется, что весь мир в

кармане твоего пиджака. Любит ли она его? Быть может, просто решила поиграться, ведь зачем ей уходить от больших денег, то есть от Штукина? Картье провел рукой по лбу, разом закинул все дурные мысли и опасения в самый темный угол и решил поверить в себя так, как никогда еще не верил. Верить в себя, словно в Господа Бога нашего. Это приподнимает, делает сильней и очень способствует развитию неприязни со стороны окружающих. Но это, если ты бог сутки напролет, без перерыва. Это скучно, да и возможностей никаких не дает. Поужинав, Картье уже сомневался всерьез (любит – не любит) и с тревогой этой уснул. А на следующий день, проснувшись задолго до будильника, он вдруг решил проверить электронную почту, чего раньше за ним никогда не водилось, а здесь, словно собачка, которой у него никогда не было, пришла и потащила зубами за одеяло, дернула на себя. Картье вскочил, точно ошпаренный, и сразу все сомнения накиннулись на него, он поспешил включить компьютер.

В папке «Входящие» значилось одно непрочитанное сообщение. Оно было от Лены, написано глубокой ночью. Он с трепетом открыл его, мысленно готовый к фразе «это было ошибкой, и нам не надо больше встречаться», но ничего подобного не увидел, а наоборот: прочитав ее письмо, принялся зачем-то напевать про стюардессу Жанну, перечитывая написанное Аленой еще и еще. Как и все, что написано сердцем, это письмо стоило, чтобы не только читать его снова и снова, но и распечатать на золотой бумаге и вывесить где-то в отдельной рамке. Называлось это письмо «Поющие люди любят», и вот что там было написано:

«Если бы я была художником и захотела нарисовать счастье, то на этой картине было бы все сразу. Все, что было тогда в тот длинный миг, в который чувствовала свое счастье. И ты об этом знал.

На радужном небе заходящее розово-оранжевое солнце в кайме кудрявых фиолетовых облаков, неполная белая луна в зените. На горизонте пугающе-черное небо с островками желто-розовых облаков. Огромные сиреневые капли дождя, медленно летящие из стальных облаков...»

«Боже мой, – подумал Картье-утренний, Картье-беззащитный, – а ведь как точно она все это «схватила»?! Именно так все и было на небе, но я тут же забыл, а она словно сфотографировала». Он продолжил читать дальше, с жадностью гурмана-новичка, который начал в соответствии с этикетом, но спустя минуту, обо всем позабыв, уже лопал так, что за ушами трещало потому, что ведь вкусно, вкусно, обедение читать все это!

«Просто дождя для счастья мало, нужны прозрачные хлопья снега, мягко-синие горошины града. Ни один художник не начинает картину с фона и тем более с неба. Он начинает с самого главного, основного и ключевого, с твоих сияюще-улыбающихся глаз. Моря даже близко не плескалось, но и снега летом не сыскать, и тут стоит приукрасить и написать иссиня-черный волнующийся океан. С пенными волнами.

Картина получается неполной без вздохов, стонов, диалогов и, конечно, без музыки. Музыка тоже можно нарисовать, только сложно и непонятно получится. Потому это будет музыкальная картина, так точнее. С музыкой, подходящей под погоду, под взгляды, под позы, жесты, поцелуи, ласки, под слова, под мысли.

Еще, пожалуй, проблема написать вкус счастья. Делать съедобной музыкальную картину это новшество? Или кондитеры уже пекут что-то подобное? Если пекут, то какие усилители вкуса они добавляют для подлинной передачи вкуса твоей кожи, твоих губ, твоих пальцев, твоей спермы? Наверное, они кладут шоколад и заливают его шампанским. Я бы именно так и сделала.

Необходимо щедро использовать ароматизаторы. Забрызгать полотно духами и феромонами. От этой картины должны убыстряться пульс и кружиться голова. Мне бы хотелось, чтобы всем было ясно – это Полная Картина Счастья.

Ха! Если бы я была художником, но я даже словами это описать не могу. Не быть мне писателем. А коли так, то я останусь самой обычной женщиной и приду к тебе на свидание в новом белье, в новых духах и в легком таком летнем плаще и в туфлях. Да, ты правильно понял, туфли, плащ этот (он еще называется кардиган, но пусть будет кардиганчик, так

ласковой звучит) и белье, и все, ничего лишнего.

Как же ты целуешь меня... Я сатанею от твоих поцелуев. Там, куда мы улетаем сегодня, есть отель с видом на море, в нем мы с тобой станем жить. Мы будем отлично смотреться в обнимку на балконе, смотреть в наши планы, как в телевизор, и целоваться. Целоваться, не контролируя свои руки и дрожь в теле. Целоваться до головокружения. Как же ты меня целуешь... Я хочу, чтобы так было всегда. Можно я буду этого хотеть именно так?»

Картье сидел оглушенный, в глазах его буквы затеяли хоровод, в ушах стоял серебряный перезвон, словно где-то играли на струнных, перебирая задумчиво пальцами, вот только инструмента он не мог разобрать, потому что не знал, что это арфа, ведь бог любви всегда играет на арфе, задумчиво подбирая для новых влюбленных мотив их собственной песни.

Он занес руки над кнопками, чуть помедлил и ответил:

«Твой голос звенит, словно Божий ручей.

Мы вообще прекрасно смотримся вместе. Когда я рядом с тобой, мне хочется носить шейный платок, очки, такие дурацкие, без диоптрий, знаешь? – и покусывать губы: нервно, когда мои губы не целуют тебя. Твой язык, твои пальцы, запах твоих волос, кожа твоя бархатная, ты невероятная женщина. Ради того, чтобы понять это, мне стоило тогда напиться. Вот только ради этого. И я не шучу совершенно. Я очень хочу еще и еще держать тебя на руках, чтобы ты вновь обвилась вокруг меня, гладила мою шею своими восхитительными пальцами.

С тобой мне хочется жить, радоваться каждому дню так же, как я радуюсь этому утру, и сердце мое переполняет нежность к тебе».

Весь охваченный любовной лихорадкой, Картье принялся собирать чемодан, без разбора кидая в него вещи, что-то свернул, что-то упало, разбудило маму, и она, ласково отстранив его, принялась любовно укладывать вещи сына: носок к носку, рубашку к рубашке. Картье поцеловал ее в щеку. После маминой укладки можно уже ничего не проверять, все всегда на своем месте, и ничто не забыто, ничего не пропущено. Это счастливый талант, призвание доброй хозяйки – удел немногих женщин в наше время. Бывшая жена Картье была неряхой, и сейчас, вдруг вспомнив о ней, он содрогнулся от отвращения. На контрасте с Леной, которая (он почему-то был уверен) должна быть чистюлей, Лариса, изменившая ему с бычком по имени Вадик, показалась Картье грязным животным. Стоя под душем, он вспоминал ее скудные стоны, редкие оргазмы, из-за редкости которых он едва не заработал комплекс неполноценности, считая, что не в состоянии как следует удовлетворить ее.

Нет-нет! Такого не бывает! Невозможно, чтобы человек – здоровый и молодой – был аутсайдером в сексе. Просто он еще не встретил «своего» человека. Того особенного, с которым секс будет столь иссушающе прекрасен, как неисчерпаемый колодец посреди пустыни: выпил его до дна, ан глядишь он уже вновь наполнен до краев и ждет, щедро делаясь жизнью со скитальцем, наконец-то обретшим то, что ему посчастливилось найти. Если секс с тем, кого вы опрометчиво считаете спутником жизни, не доставляет вам того невероятного наслаждения, которое он должен доставлять, то этот человек никакой не спутник, а временно идущий рядом субъект, к которому у вас нет подлинных, глубоких чувств. А раз так, то самое время удариться в поиски «своего» человека, найти его и бросить субъекта. Не то вся жизнь пройдет не то чтобы напрасно, но все же не так, как могла бы пройти. Чертов секс стоит того, чтобы хоть раз попробовать, каким он должен быть на самом деле, а попробовав, уже никогда не забывать об этом. Да и не получится. Воспоминание о лучшем сексе в жизни будут возвращаться вновь и вновь, беря и тревожа душу. Это словно ветер дальних странствий. Кто хоть раз отведал его вкус, никогда уже не остановится.

Они сделали нечто невероятно важное и вместе с тем весьма удобное. Они прошли весь тот путь, что обычно занимает время, пусть и незначительное, но если тратить его в счет драгоценных мгновений наедине, вдалеке от дома, нелюбимого мужа и соглядатаев, то все же куда лучше было бы улететь из Москвы, оставив здесь все эти условности, недомолвки...

– Черт побери, – выругался Картье отнюдь не по поводу засевшей в ухе воды, – потерять столько времени и в результате потерять все, даже собственные тапки! Да что тапки... Дочь я

потерял. Представляю себе, как этот презерватив набитый арахисом, по имени Вадим будет воспитывать мою дочь.

Он отвратительно ругнулся, ударил кулаком в хлипкую дверь ванной и тотчас услышал по другую сторону мамин испуганный голос:

– Витенька?! Ты что там, упал?

– Нет, мамуль, наоборот. Начал подниматься, – со смехом ответил Картье, настроение которого в последнее время менялось каждые пять минут. Его то вздергивало волшебное чувство новой любви, то душили прежние обиды. Еще слишком мало времени прошло, еще очень сильно было чувство унижения, с которым теперь ему было вовсе невозможно ужиться. Если бы жизнь его не взмыла вверх так скоро, то, возможно, что Картье смягчился бы, исправленный новым большим чувством, но вышло, как вышло, и контраст событий, что наступили в его жизни, вызывали у него дискомфорт. Этаким слоган водки «Smirnoff», тот самый первый ролик с рестораном и пантерой, когда еще разрешено было рекламировать адскую влагу на телевидении: «Почувствуйте разницу».

– Сука, – веско приложил Витя, – сука ненавистная. Ободрала меня, как лось осинку по весне, ничего не оставила.

Он уже думал, что у них с Леной могла бы получиться семья. Именно получиться, состояться! И было бы в этой семье счастье, и детский веселый смех, и дружные застолья на веранде их загородного дома, и... Но как долго теперь идти к этому! Ведь коли она разведется со Штукиным, тот вряд ли загорится желанием отписать бывшей жене половину имущества. Ведь наверняка все на офшорах, недвижимость оформлена черт знает на кого, и не сыскать концов. Нет, ничего не даст. Да и не должен он ничего давать. С какой стати? Наживал, не спал ночей, а здесь ему говорят «отдай-ка».

– Все забрали, – сокрушался Виктор. – А на что я ей без лавандоса? Куда я ее приведу, к маме, что ли? Черт, черт, черт! Вот они, мужские комплексы. Их всего-то два: пустой кошелек и плохонькая, простатитная эрекция. Что мне делать? С эрекцией, судя по всему, все в порядке. Могу давать фору порноактерам. – Он несколько самодовольно хмыкнул. – А деньги нужны срочно и в большом количестве.

Здесь он вспомнил про «I-mode» и крепко сжал подбородок двумя пальцами, отпустил, и осталось два красных пятна. «I-mode» был его надеждой. Главное – как следует обработать узкоглазых.

В детстве Картье бредил всей этой японской героикой: ниндзя, карате, кодекс самурая. «Всем сердцем я чту, отдыхая в полуденный зной, людей на полях» – самый циничный Хоку всех времен.

– У меня получится. У меня все получится, – в который уже раз начал он убеждать себя, глядя в зеркало и по-волчьи скалясь. – Посмотрим, посмотрим. Главное, повежливей с ними, они недоверчивы и непонятны, словно марсиане, но ценят тупую почтительность и лицемерное уважение. Это я могу. Я им исполню, мать их. Я и сам самурай. Корпоративный.

Картье вспомнил «корпоративных самураев» Сергея Минаева, своего любимого писателя, довольно хохотнул. Кабы не Минаев, худо было бы офисному планктону. Так бы и прозябал в неведении, какое же он на самом деле дерьмо. А после книг Сергея пришло осознание, желание не быть рабами. Парень не просто писал, он делал большое дело, его книги заставляли людей становиться свободными. Картье, который презирал современную литературу, делал исключение лишь для книг Минаева, называя их «отраслевыми вещами» и «книгами поколения». Подобное признание сделало бы честь любому писателю. Минаев своего признания добился.

Растеревшись полотенцем, позатракав, выпив огромную кружку огненного кофе, Картье пришел в прекрасное расположение духа. За окном щебетали какие-то птицы, мама пришла на кухню, села напротив, чуть сонная, подперла рукой голову, посмотрела на сына с легкой грустинкой.

– Чего, мам? – Картье жевал бутерброд, и вышло у него не больно-то четко. Он слишком хорошо знал эту ее грустинку. Сейчас начнется...

– Ну а как там Агачка? – спросила мама кисельным голосом.

У Картье нервно дернулась щека:

– Не знаю. Впрочем, кажется, все хорошо. Привыкает к маминему дружочку. Я хотел ее увидеть, мне было отказано. Твоя все еще номинальная невестка заявила, что мой папин день вступит в силу лишь после официального развода, вот так.

– Какая она, однако... – вежливая Картье-мама вежливо занавесила последнее слово, но ее не вполне вежливый сын невежливо отдернул занавес:

– Блядь!

И слово это повисло над столом, словно жестяной петушиный флюгер, ни к чему не прикрученный, странно парящий в воздухе, столь же уместный в разговоре с мамой, сколь уместен бывает бродяга, клошар, вдруг, ни с того ни с сего врывающийся в кучку ожидающих открытия банка обывателей и сиплым голосом называющий их «пацанами» и «хулиганами», требуя угостить его сигареткой.

– Витенька, – укоризненно протянула мама, – когда же я увижу женщину, которая тебя образумит, очистит, сделает из тебя джентльмена, раз уж я не в состоянии привить тебе элементарных манер? Я уж не говорю о том, что и я ведь женщина и ругаться при мне подобным образом – это верх неприличия.

Картье стало стыдно. Он потянулся через стол, поцеловал мать в лоб и в макушку:

– Мам, ну прости меня, сорвалось.

– А надо, чтобы не срывалось. Чтобы и в мыслях такого не было.

– Да, конечно. Все будет хорошо. Вот разведут нас с этой... стану привозить к тебе Агату. Ты будешь себя чувствовать полноценной бабкою, научишь ее вышивать крестом и вязать и предостережешь от всех этих ужасных современных мужчин. Главное, не сделай ее недотрогой. – Пересмешник Картье почувствовал ком в горле. И глаза зачесались. Сентиментальный какой! Но все эти симптомы быстро прошли, так как он вспомнил Лену и просиял: – А женщина появится, тамап (он порой называл мать на французский манер), она, я полагаю, уже появилась.

– Ты не уверен в этом, Витенька? Почему? Вы недавно встречаетесь? – Мать тревожно на него смотрела. Тревожно и с любопытством. Картье не счел нужным скрывать от нее и открыл обе карты:

– Она замужем. За моим институтским другом и работодателем. Она вчера стала моей любовницей. Так сказать, фактически ею стала, гм. Это с ней я... – Он с моментальной панической боязнью посмотрел на часы, но был еще не срок, и Картье расслабился и закончил: – Это с ней я сегодня лечу на выставку, мама.

– То, что она замужем, ничего не меняет, – веско заявила мать. – Никогда еще замужество не являлось достаточной причиной для того, чтобы его не прервать. Разумеется, в том случае, если для этого есть веская причина, а именно: один из супругов влюблен, но отнюдь не в своего супруга. Я не должна тебе такое говорить, но все же я говорю. Потому что сама однажды...

Тут мать спохватилась, сделала испуганное лицо и комично зажала себе рот ладонью. Картье сделалось смешно, а на душе стало немного легче. Когда твои родители поддерживают тебя в твоих начинаниях, то сомнения уходят прочь, их уносит ветер, словно едкий дым костра. Остается то, ради чего костер и затевался, – греющее тепло. Картье сделалось тепло от ее слов.

– И вот что я тебе скажу, сын! Если тебе с ней хорошо, если ты ее любишь, то гни свою линию. Слышишь меня? Добейся ее! – заявила мать с какой-то несвойственной ей ранее торжественностью. – И никогда – слышишь? – никогда не думай о том, что ты якобы «разрушаешь чужое счастье». Нет такого в природе! Есть только ты, твои интересы, вот их и защищай.

На лице ее возникла упрямая решительность: подбородок поджался, стал востреньким, губы истончились, переносица побелела. Мать отвернулась к окну, буркнув что-то.

– Знаешь, – сказала она через минуту уже без пафоса и несколько тише. – Я всю жизнь

жила этими общепринятыми критериями. Что нельзя с чужим мужем, что нельзя самой, если ты замужем, надо во что бы то ни стало сохранить семью и тому подобное. И вот сейчас, когда я сижу напротив тебя, своего сына, которого я безумно люблю, именно из-за любви к тебе я хочу сказать: Витечка, мальчик мой, не повторяй моих ошибок. Не будь как все, не соблюдай всех этих принятых ханжами псевдоистин. Я несчастна как женщина, так как старость моя одинока и в моей жизни не случилось мужчины, которого бы я по-настоящему любила. Поэтому, когда твой отец изменял мне, не особенно забывая себе голову тем, чем была забита моя голова, то есть верностью ему, я все время надеялась, что он одумается, ведь ты тогда уже родился. И вот я думала: «Не может же он так плохо относиться ко мне, ведь я люблю его и я родила ему сына, а все мужчины только и мечтают, что о наследнике». И что из этого вышло? – Мать тяжело вздохнула. – Вокруг меня было много интересных мужчин, и ни на кого из них я даже ни разу не посмотрела, ни разу не представила себя с кем-нибудь наедине, ведь я была замужем, и это было для меня важно. Я думала, что мне не позволяет совесть, а теперь понимаю, что это была элементарная трусость! Я прошу тебя, не повторяй моих ошибок. Не принимай за голос совести собственную трусость, не бойся ничего на пути к своему счастью. Живи ради себя и своего счастья, не учитывай ничьих интересов, кроме интересов твоей любимой и твоих детей. И привези мне Агату! Я, в конце концов, бабушка, и я имею право воспитывать ее.

Картье был очень впечатлен ее речью. Никогда прежде он не видел свою мать такой, никогда не слышал от нее ничего подобного. Он пообещал ей. При воспоминании об Агате сердце уколола тупая игла. Он был паршивым отцом, не занимался с ребенком, все было как-то некогда, а сейчас, что называется, «догнало». Как всегда, не вовремя.

Дочь свою он назвал Агатой. Он сам придумал ей имя и чрезвычайно этим гордился. Вся родня была против, но «Агата Картье» звучало настолько изысканно и шикарно, что родственники быстро сдали позиции, и милая, спокойная, с раннего детства не по годам умная и рассудительная девочка вполне соответствовала своему имени. Агата была совершенно непохожа на мать, словно не взяла ничего из той породы, а целиком вышла в породу Картье. Ларису это раздражало. Она вообще частенько подтрунивала над «голубой кровью» своего мужа. Подсознательно ее тянуло к мужчинам простым, незамысловатым, некрасовским лапотникам крепостного корня уезда Терпигорова. Вот и Вадим этот. Хитрый, падла! Пришел на все готовенькое...

Как ни крути, а все в голове Картье возвращалось к сожалению по материальным утратам. И вновь он очутился бы один на один со своей яростью, кабы не телефонный звонок. Это была диспетчер службы такси, сообщила, что подъехал автомобиль, назвала марку, цвет и номер. Картье попрощался с неожиданной стороны открывшейся мамой и отбыл в аэропорт на извозчике-с, так же, как и прежде его предки отбывали на вокзал, где пыхтел и лязгал у перрона курьерский, а носильщики с бляхами на белых фартуках везли за предками Картье их кофры и саквояжи. Всяк в этой жизни занимается своим. Кто-то улетает с возлюбленной в Барселону, кто-то везет его в аэропорт, кто-то сидит за штурвалом самолета. Кому-то хорошо за счет кого-то другого, вынужденного работать, обеспечивая «хорошо» другого. И в этом нет противоречий. Се ля ви.

Операция «I-mode»

1

Они условились, что он заедет за ней и они начнут свое романтическое путешествие еще в такси, однако вышло все совершенно не так.

На экране мобильного появился значок непрочитанного сообщения от Лены. Верно, оно пришло, когда он был в душе и не мог услышать сигнал. Картье открыл сообщение, прочел: «Поезжай сразу в аэропорт. Он решил меня проводить». Виктору эта новость сильно

испортила настроение, он выругался и попросил таксиста развернуться. Утро остудило то, что продолжало неустанно гореть с вечера. На сердце вновь сделалось беспокойно, вернулись сомнения и неуверенность.

– *Post coitum omnis animale pessima est*, – пробормотал Картье, сбросив эсэмэску с экрана. – Что в переводе означает «После сношения всякое животное печально».

С кислой миной расплатившись и не удовлетворив ожиданий выжиги-таксиста, который хотел получить за свой извоз на тысячу целковых больше, чем ему было положено, Картье проник в здание аэропорта Шереметьево-2 и несколько минут осматривался, задирая голову перед табло вылетов – словом, привыкал. Лены нигде не было видно, и он решил пропустить стаканчик в «T-G-Friday's». Именно стаканчик, вот что было ему нужно сейчас более всего. Или, может, два стаканчика.

Дав себе установку не напиваться, Картье уселся за барной стойкой, бросил манерному, худенькому мальчишке-бармену: «Плесни виски на три пальца, лед и яблочный сок отдельно» – и закурил. Бармену этот заказ и тон, которым он был произнесен, понравились. Поэтому виски он разбавлять на стал. Сделал все, как положено, и Картье с удовольствием смешал себе high-ball в тех пропорциях, как ему нравилось. Бармен наблюдал за его действиями с явным одобрением, а так как клиентов у него не было, то он решил вступить в разговор с Картье, выразив ему свой респект.

– Профессионально делаете, – заметил бармен. – И сочетание модное, недавно появилось. Сейчас мало кто так заказывает, все предпочитают по старинке баламутить скотч с колой. Пошлятина какая!

Смерив взглядом торс щуплого бармена, Картье зевнул и пробормотал что-то вроде «так вкусней». В этот момент, как нарочно, в подтверждение слов хозяина стойки официантка, точно сорока на хвосте, принесла заказ. Два раза «виски-кола»!

– Сереж, там пара сидит, мужчина и женщина, и оба, как мне кажется, уже сильно пьяные, видать, с вечера еще начали. Ты им сделай как-нибудь полегче, что ли, – попросила официантка, метнув на Картье оценивающий взгляд.

– Угу, – кивнул бармен и, капнув в стаканы «Джоника», залил их доверху колой.

– Щедрая пропорция, – в слух иронично заметил Картье.

– А что я еще могу сделать? – только и развел руками бармен. – Нам здесь тоже неприятности не нужны. А то начнут потом говорить «вы напоили клиентов, они потом всю стойку таможенникам заблевали или там, в самолет их не пустили», бывают такие случаи. У нас инструкция внутренняя, специально для аэропорта написанная, мол, «не допускать у клиентов ресторана состояния сильного алкогольного опьянения». У нас же здесь не ночной клуб, а режимный объект. – Он поставил перед официанткой два стакана. – Прошу. Все, как ты хотела.

– Спасибо, Серенький. Только боюсь, что им уже и этого будет чересчур, – вздохнула официантка, – там проблемы какие-то, я так понимаю, личные.

Картье вдруг сделалось интересно. Он захотел увидеть эту парочку, привнести в свою коллекцию наблюдений за людьми новые впечатления. Расплатившись, он оглянулся по сторонам, но никого похожего не увидел и обратился к бармену с вопросом, где могут сидеть люди, которым он только что готовил «легкий» коктейль.

– Наверное, они в глубине зала. Отсюда не увидите. Вам надо сейчас пройти вон туда, – бармен водил рукой, словно раздвигал миры. – А потом направо.

Коротко поблагодарив, Виктор последовал его совету. Он сделал несколько шагов, повернул направо и сразу же увидел там, в самом дальнем углу Штукина и Лену. Почему-то он не предполагал, что это могут быть именно они. Как-то они у него не вязались с пьянством. Виктор зашел за колонну и принялся наблюдать.

Штукин время от времени пытался наклониться, приблизиться к Лене, но всякий раз она отстранялась, а однажды даже руку перед собой выставила, и Штукин безуспешно попытался руку эту поцеловать. После этого уже не могло быть никаких сомнений, что он, Картье, стал свидетелем семейной сцены, скандала, во время которого ему лучше не появляться, иначе

неизвестно, к чему это вообще может привести.

«А вдруг она все ему рассказала?» – Мысль эта сперва обожгла лицо Картье, затем прокатилась между лопаток ледяной лавиной и засела в пятках, сделав ноги ватными, а все тело непослушным. Если и впрямь так, то прощай карьера и честолюбивые планы. Как говорится, «добро пожаловать на биржу труда». Пятясь, он отступил в глубь ресторана, затем, крадучись, вышел, поплелся к стойке регистрации, охваченный неуверенностью и страхом. Девушка с надменным лицом и в баснословно дорогих очках, с двумя каратами на пальце и четырьмя в ушах, блондинка с полными губами, голубоглазая – служащая аэропорта («Кто ж тебя ... дорогуля?» – в восхищении рассматривая ее, подумал Картье, забыв на время о своих страхах), девушка эта, проверив билет Картье, сказала, что он уже зарегистрирован вместе с Еленой Ветровой.

«Ленка постаралась». – Картье тепло улыбнулся и тут же понял, что ничего она этому павиану Штукину не рассказала. Иначе не было бы никакого аэропорта вовсе. Он прошел пограничный контроль (Лены все не было, он поглядывал на очередь у регистрации), в магазинчике беспощинной торговли купил бутылку хорошего коньяка «Nine». Время неумолимо двигалось к началу посадки, вновь занервничав, он с кислой улыбкой побрел к арке специального контроля, попутно вынимая ремень из брюк, и вдруг – о, счастье, о, перехваченное дыхание! – две ее ладошки сзади, на глаза, свет померк, и голос, ее милый шепот прямо в ухо:

– Вы решили с кем-то прямо здесь, при всех? Какой ветреный! – Она провела языком по ушной раковине, куснула мочку, Картье резко выкрутился из ее сюрпризных объятий, ремень полетел на пол, он поднял ее на руках, поцеловал взасос, мимо шли люди, улыбались, кто-то с досадой отворачивался, но таких было немного, лишь гибкий юноша, чуть бледный, с камешком в правом ухе, да какая-то испанская старуха, состоящая из дубленой своей морщинистой кожи и золотых украшений, подаренных ей ее мужем, эсквайром из Севильи, ныне покойным доном Хосе, бывшим у Франко министром.

– Я вас видел, – признался Картье, медленно остывая от поцелуев, – вместе, в ресторане. Это какой-то злой рок, по-моему. Тогда увидел и влюбился в тебя. Сам сначала этого не понял, придурок. А теперь увидел, так черт меня побери! Ладно...

– Что? – Ей было любопытно. – Что ты имеешь в виду? Зачем перед полетом чертыхаешься?

– Во-первых, полет или нет – все это неважно, и потом я люблю чертыхаться, но сейчас я уже страшно тебя ревную. Может, это неправильно, может, все как-то у нас с тобой реактивно развивается, но, честное слово, когда я увидел, как этот... – Картье скривился, но имени не сказал, – хочет тебе руки целовать, то вот, честное слово, хотелось подойти и...

– Молчи. Ты самый лучший придурок на земле. – И она не дала ему ничего сказать своим поцелуем.

– Знаешь, – отдышавшись, Картье говорил прямо ей на ухо: – Знаешь, что самое страшное?

– Для кого, милый?

– Для любого мужика в отношениях с женой.

– Что?

– Я не умею, как Женя Гришковец, потому что Женя – гений. Но я постараюсь, чтобы было хоть немного похоже. – Картье отдышался. – Самое страшное, это когда ты живешь вместе с женщиной и думаешь: она уже никуда не денется. А она просит: – «Давай покатаемся как-нибудь на кораблике по Москва-реке».

И ты такой «да, да» и забываешь тут же.

А она не забывает.

Раз не забыла.

Два не забыла.

Три не забыла...

А потом появился у нее крендель, и они вместе с ним и:

покатались на кораблике,
покатались на велосипеде,
побегали утром в лесу,
сходили в музей,
сходили в театр на тот самый спектакль, на который она просила, чтобы ты купил билеты и пригласил ее, а ты снова забил на нее.

И ты вроде ее любишь, но она тебя уже все меньше.
А с появлением кренделя она перестает любить тебя вовсе.
Она любит другого,
потому что он любит ее,
потому что он ею не пренебрегает,
потому что ему с ней везде интересно и вообще им есть о чем поговорить.
И она такая приходит и говорит «я ухожу»,
и ты пытаешься отвернуть задвижку вашей любви, но она, падла, заржавела и не крутится.

И ты пишешь «я не могу без тебя», «я, я, я, я, я».
Но свое «я» ты можешь теперь смело засунуть себе в жопу.

А ее ты потерял.
Якай теперь рядом с терновником, в котором они поют,
а еще лучше
иди на х...й.

Ты тупо третий лишний...

Лена еще крепче обняла его и поцеловала. Что тут скажешь...

...Когда летишь с любимой в небе и под вашими ногами самолетная фольга – зыбкий палиатив тверди, то начинаешь по-особенному чувствовать вашу любовь. Она словно звенит, как льдинка на ветру, как повешенный кем-то в саду, на яблоне, да так с лета и забытый колокольчик. Хочется то молчать, нежно сжимая локоть, целуя в шею, то трещать обо всякой милой чепухе, с восторгом находя общие темы и высасывая их, словно дольки апельсина. И, между прочим, посещает непреодолимое желание напиться.

Та официантка переборщила, посчитав пьяными и Лену, и Штукина. Пьяным был лишь он, она нервничала и от этого «плыла», вот и показалось официантке лишнее. Картье попросил у стюрдессы пару стаканчиков, тоник, апельсиновый сок и соорудил два вкуснейших коктейля. Выпили. Лена быстро и хорошо пьянела. В глазах ее зажглись два красных китайских фонарика, рука все чаще проходила по внутренней стороне бедер ее любовника, речь стала полностью транслировать мысли, не фильтруя их перед озвучанием. Выждав некоторое время, Картье задал свой первый вопрос, с нервной, чуть заметной издевкой, с обидой, прорисованной неявно, ровно настолько, чтобы Лена ее заметила. Картье знал, как сделать ей приятно:

– А чего это он вздумал тебя проводить, да еще в таком состоянии? За ним вроде такого не водилось никогда, а тут прямо романтика супружеской жизни, как она есть!

Конечно же, она давно ждала от него этого вопроса. Она благодарна ему была за этот вопрос. Она хотела рассказать о своей победе и рассказала.

Лена пришла домой так поздно, что это совсем никуда не годилось. Была она веселой, беззаботно напевала какую-то легкомысленную песенку, ранее Штукиным не слышимую, и совершенно ему не понравилось все это: и ее настроение, и репертуар, и то, как она посмотрела на него. Все было в ее взгляде: превосходство, лукавство, тайна и главное, чего Штукин никогда раньше в ее глазах не видел, – удовлетворение. Конечно, разложить ее взгляд столь тонко, с таким искусством составителя радуги, Штукин, пожалуй, не смог бы, но вот почувствовать все, из чего этот взгляд состоял, у него получилось, и тогда он вдруг испугался.

Это «вдруг испугался» прозвучало из уст Лены именно как внезапное, непонятное мужнино состояние, которого она никак не могла от него ожидать. Что касается самого Штукина, то уж совершенно не стоило бы считать того человеком, ничего не понимающим и

вообще странным в своих отношениях с женой. Все он прекрасно понимал, этот парень. Просто думал, что так вот он доминирует над нею, своей холодностью, своим обозначенным безразличием исповедуя пушкинский постулат «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Еще в школе эта строфа из «Онегина» запала Штукину в душу и сыграла с ним весьма коварную игру. Прав был пиит земли русской, наше все, свет неземной Александр Сергеевич, прав! Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Как тонко у него подмечено! «Чем меньше... тем больше», а! Талант! Силища! Архимед!

Однако не стоит думать, что пушкинское наставление работает безотказно. Это не «калашников», это просто слова, сформулированные в наставление, в правило. Правило действительно лишь в период ухаживания, достаточно серьезной уже степени флирта, когда вы желаете, вам хочется чуть «встряхнуть» отношения, а вашему эгоизму лестно было бы увидеть, как метнется к экспериментатору его возлюбленная, как ухватится за спасательный, брошенный ей в последний момент с причала конец и пришвартуется навсегда. Если преследуются именно такие цели, то да, стоит доверять Пушкину. Но в браке, когда на смену легкомысленному Онегину, созданному в угоду моде того века байроническому горе-героюшке, приходит подлинный закон об отдаче и наполнении, в браке, когда все возможно лишь на условиях полного паритета, пушкинское «правило» ничтожно и подлежит казни через повешение. «Что посеешь, то и пожнешь» – вот что работает в браке, раз уж так хочется сыпать банальными истинами. А Штукин все сделал неверно и на этом погорел. А так как все, что он делал ранее, правильностью не отличалось, то он вновь все сделал не так, как нужно было, а именно напился и стал просить прощения, добиваться секса, строить планы на жизнь и так по кругу, без конца. Уже под утро, когда измученная его ночными неуклюжими откровениями Лена начала собираться в дорогу, Штукин трагическим голосом спросил, «нет ли у нее кого», и, получив, естественно, нечестный ответ, вызвался ее проводить. Ну не отказывать же было ему, в самом деле. А то заподозрил бы, натворил черт-те чего. А так, потом можно будет все списать на его состояние и сказать, что она его, вот такого, испугалась, поэтому в аэровокзальном ресторане была с ним так недружелюбна.

Из ее коньячной истории Картье сделал вполне себе обыкновенный вывод: она не готова порвать с мужем. То есть нельзя, конечно же, утверждать, что так будет продолжаться и впредь и он, Виктор Картье, лишь ее любовник и на большее рассчитывать не может. Но сейчас Лена и он расположились в самом начале пути, или «потока», и для того, чтобы и под коньяком Лена говорила приятные для Картье вещи, нужно будет потрудиться. Сколько? Зависит от выбранного способа движения. Картье выбрал самый, по его разумению, быстрый способ. Впереди была выставка на горе Манжуик. Картье рассчитывал стать царем горы.

2

Отель оказался современным и удобным. Им достались одинаковые номера, совпадающие вплоть до расположения крючков в ванной, но на разных этажах. Картье хотел было возмутиться, попросить один номер на двоих, но вспомнил про бухгалтерскую отчетность, про то, что документы из отеля нужно будет предъявить на работе, и прикусил язык. Лена сперва загадочно улыбалась, потом шепнула ему:

– Глупый, ведь это здорово, что мы не в одном номере! Станем ходить друг к дружке в гости, и ты не увидишь меня утренняя, заспанную и злою. Я не нравлюсь себе по утрам. Пока мы с тобой любовники, давай позволим себе красивую жизнь без вкраплений быта и физиологических процессов.

– Мы кушаем радугу, а какаем фиалками, вот как это называется, – со смехом заключил ее в объятия Виктор.

...Чемоданы стояли нераспакованными, а на двуспальной кровати номера Лены двое изнуляли друг друга затяжным, полупьяным сексом, какой случается только после самолета и по обретении комфортного, пятизвездочного пристанища. После долго лежали, наслаждаясь гудением во всем теле, сладкой ломотой. Впереди было больше чем полдня самого

замечательного на свете безделья, но Картье и не помышлял о праздности. Наполненный привязанностью, жадной быть вместе с ней, Картье увязал все вместе, в один узел, и то, что долго варилось в его котелке, он, наконец, решил дать попробовать Лене.

– Сладкая...

– Как ты меня назвал? – Она лежала на его руке и повернула голову, прижалась. – Повтори еще раз. Ну пожалуйста-а.

– Сладкая. Можно я так буду называть тебя иногда?

Она чмокнула его в переносицу:

– Можно. Мне нравится быть сладкой для тебя. Меня так называла бабушка. Очень давно.

– А дедушка как тебя называл?

– Его не было, он помер от чего-то стариковского.

– Придется стать твоим дедушкой, – с притворным вздохом заключил Картье, наблюдая за вздымающимся одеялом (не любил лежать голым, всегда укрывал причинное место, считая, что продемонстрировать его можно лишь в «рабочем» состоянии). – Фнуфенька, – прошамкал Картье, – подними вона одеяльце, фефо там у дедушки есть антереснава?

– Дедушка, ну ты и неутомимый! – Лена с восторгом смотрела на то, что у «дедушки есть антереснава». – Знаешь, Витенька, я ведь могу привыкнуть в такому сексу, а не по пять минут.

Картье оскорбился:

– Зачем ты, лежа со мной в одной постели, напоминаешь мне о каких-то посторонних мужиках? Я что, настолько пустое место для тебя?

Она как-то даже и растерялась – заулыбалась смущенно, потом опомнилась, рассмеялась:

– Да о чем ты, Витечка? К твоему сведению, Штукин у меня первый мужчина.

– Ой, вот только не надо здесь, а? Тоже мне: все мы бабы стервы, милый бог с тобой, каждый, кто не первый, тот у нас второй». То есть он первый, а я второй, так, что ли?

– Третий, – с самым что ни на есть серьезным выражением ответила она. – У меня был отпускной роман с одним эстонцем. Длился он три дня. Потом он из-за меня развелся со своей женой.

– Как это? – все еще очень недоверчиво и прикрывая увядающее естество одеялом, спросил Картье. – Что такое случилось с горячим эстонским парнем, что он решил так круто изменить свою жизнь?

– Одно эсэмэс-сообщение от меня, посланное не вовремя, потому что телефон лежал где-то неподалеку от мест обитания его жены и она, чисто из женского любопытства, решила его прочитать.

– Воображаю себе, что там было написано! – хмыкнул Картье. – Мессага в поцелуйно-розовых тонах.

Сви́репо ослабившись, он выбрался из-под одеяла и начал одеваться. Лена смотрела на него вначале с улыбкой, так как по наивности (а он действительно был у нее третьим) думала, что он шутит и вот-вот покончит с этим маскарадом, но очень скоро она увидела, что и впрямь очень сильно его задела, почувствовала женским своим чутьем, что если сейчас его не удержать, то он, чего доброго, уйдет, а в ее планы это совсем не входило. Да-да, ей было что сказать ему, ее отношение к нему уже совершенно сформировалось, а в потоке иначе и не бывает, но она все выжидала что-то, не решаясь быть первой, ожидая проявления инициативы с его стороны. И вот тебе! – он приревновал ее к сущей ерунде, к пустяку, к крошечному эпизоду и уже стоит в дверях и вот-вот уйдет, уже готовясь сказать что-то напоследок. Что именно, Лена не захотела слушать, не дала ему возможности. Голая, готовая вот-вот разреветься, она бросилась к Виктору на шею, застрекотала «прости, прости, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прости меня, пожалуйста», и он... Ну а что он? Куда ему после такого? Конечно же, он остался.

– Не рассказывай мне больше ничего такого, – пробурчал только и получил еще с полдесятка поцелуев и все тот же стрекот из просьбы простить ее. Снял брюки (с ее

помощью), трусы с него стащила она...

...Спустя полтора часа, когда, совершенно удовлетворенные и счастливые, они, забыв уже о недавней распре, лежали в обнимку и она гладила его горячее тело, Картье решил:

– Лена...

– Да, вкусный.

– Ты раньше так меня не называла.

– Раньше? А у нас еще не было «раньше». У нас все только впереди, Витечка.

– Я хотел об этом поговорить с тобой, Лена. О том, что именно у нас впереди. Я не хочу тянуть и привык обходиться без намеков и путаницы. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Увидев, что она хочет что-то сказать, Картье мотнул головой «не перебивай»:

– У меня сейчас не очень хорошее финансовое положение, вернее, оно совсем паршивое и в рай с любимым в шалаше я не верю, это все разговор в пользу бедных, а бедным я никогда не был и никогда не буду. У меня на уме план, как очень быстро встать вровень с твоим муженьком и очень быстро оставить его позади. И план этот я обязательно осуществлю. Только ты должна мне помочь. Это авантюра, сразу предупреждаю. Ты поможешь мне?

– Да. Я люблю авантюры. Мечтаю хоть раз в жизни перевернуть что-нибудь этакое.

– Ты станешь моей женой?

– ...Да.

– Ты бросишь Штукина и не будешь потом говорить мне, что тебе вдруг сделалось его жалко и тому подобное?

– Нет, – сразу четко ответила Лена. – Нет, никогда.

– Тогда выслушай меня. Сейчас мы с тобой приведем себя в порядок и...

3

Открытие выставки было назначено на завтра, а сегодняшний день, последний перед торжественным запуском самого крупного в году мероприятия по демонстрации последних достижений мобильно-телефонной промышленности, был наиболее напряженным для участников. Необходимо было все проверить и перепроверить, убедиться, что на стендах все работает, в переговорных комнатах функционируют кондиционеры и достаточно кофе и минеральной воды – словом, постараться на славу, дабы не опростоволоситься (актуально для тех, у кого еще есть волосы на голове) в день открытия. В день перед открытием вход в выставочные павильоны был доступен лишь для участников выставки, работающих на стендах своих компаний. Каждый из них имел специальный бейдж – пропуск, снабженный фотографией и с диагональной красной полосой. Такие пропуска начали попадаться Лене и Картье сразу же, как только они очутились на территории огромного парка, раскинувшегося на пологом западном склоне горы Манжуик и принадлежавшего в свое время одному из местных грандов. Во времена каудильо Франко все «отошло народу» и сам диктатор имел здесь свою резиденцию. Позже здесь был выстроен роскошный выставочный комплекс, и оба гигантских павильона даже в самые тяжелые для мировой экономики времена никогда не пустовали. «World Mobile Congress» этого года обещал стать самым грандиозным за всю свою историю. Ожидали именитых гостей, среди которых выделялись имена основателей «Google» и «Apple». Да что там говорить! Даже сам Билл Гейтс мог нагрнуть в любой из дней, что, несомненно, внесло бы в работу выставки дрожь и смешение наречий, словно во времена Вавилонского столпотворения. Между прочим, далеко не все участники выставки получали такие же персональные приглашения, как Картье, но тем не менее пропуска с красной полоской у Виктора и Лены не было, а значит, пройти внутрь павильона до открытия для них было невозможно. Но что такое невозможно, когда на кону стоит не просто судьба очередного бизнес-проекта, а, возможно, все будущее жизненное благополучие? Картье понадеялся на авось и на Ленино обаяние. И то и другое сработало.

Охранник при входе куда-то отошел. Не отошел даже, просто отвернулся, а в это время к

входу подошла большая группа, целая делегация, кажется, это были люди из «Sony-Ericsson», и наша парочка авантюристов притерлась к ним, беспрепятственно пройдя первый уровень контроля. Затем, когда Картье было немного расслабился и стал высматривать стенд «NTT DOCOMO», к ним подошел один из секьюрити и попросил предъявить пропуски. Лена очень мило с ним объяснилась, наплела что-то из серии «мы забыли их на своем стенде, сейчас вернемся, нацепим и станем, как все. Кабальеро не стоит волноваться, мы не доставим проблем». Удовлетворенный ее объяснением и польщенный титулом «кабальеро», тот отвалил восвояси. Больше никто их не беспокоил, а Картье уже высмотрел красную вывеску «DOCOMO» и, сделав знак Лене следовать за ним, устремился к большому стенду, возле которого суетилось не менее двух десятков озабоченных и крикливых японцев, добросовестно проверяющих, все ли готово у них к завтрашнему дню. «DOCOMO» всегда очень дорожила своей репутацией не просто на словах. Как и любая японская компания, эта была тоталитарной империей, в которой сотрудникам нравилось подчиняться и быть послушными винтиками в бузупречно работающем механизме, что и было их основным и даже, пожалуй, врожденным умением.

Картье буквально уволок Лену в сторону от стенда, в неприметный угол, откуда был замечательный обзор всего происходящего, всей этой японской суеты, и полушепотом, так, словно они могли услышать, сказал:

– Сразу идти нельзя. Надо определить, кто из них главный, а потом вся надежда на наши с тобой навыки, на наше обаяние.

Она шутки ради поскребла коготками его рукав:

– Может, ты все-таки расскажешь мне все подробно, весь, так сказать, замысел? Все, что я поняла, тебе нужен контракт с этими ребятами-самураями в обход «МДС», не так ли?

– Лена, он нужен не только мне. Он нужен нам с тобой. Мы становимся официальным представительством «DOCOMO» в России и заключаем с «МДС» прямой контракт, как держатель лицензии и поставщик оборудования. Это очень большие деньги, дорогая моя. Вот только мужу твоему знать об этом необязательно.

Лена удивилась:

– Тогда зачем тебе вообще нужна «Smart– soft»? Зарегистрируй свою компанию и делай все, что захочешь, через нее...

Картье досадливо поморщился, но тут же взял себя в руки. Когда кто-то рядом с тобой «не догоняет», не стоит показывать ему, что он делает это. И вовсе не надо читать Карнеги, чтобы это понять. Никто не любит, когда ему дают понять, что он дурак и тормоз. Поэтому наш герой ласково улыбнулся и нежно обнял ее за талию:

– Леночка, нужна компания с именем. Ты не знаешь этих японцев, они станут все проверять прежде, чем убедятся, что их партнер надежен. В случае со «Smart» проверка будет номинальной. Компания давно на рынке, имеет надежную репутацию, и мы с тобой приглашены сюда именно как ее управленцы. Потом, возможно, мы с тобой именно так и поступим: создадим свою компанию, уведем из «Smart-soft» наиболее интересные активы – это станет залогом нашей дальнейшей счастливой совместной жизни. Это хорошее начало, поверь мне!

– Я верю, верю, – она, казалось, была несколько растерянна, – но к чему все эти сложности с проникновением на выставку до ее открытия? Ведь завтра же можно будет все решить!

– Завтра здесь будет суета сует и всяческая суета. Завтра здесь будет море людей. Завтра все начнется с помпезной торжественной части и одна конференция будет сменяться другой. Завтра просто не будет времени нормально побеседовать вон с ним, – Картье вычислил «главаря» и уточнил: – вон тот, с краю, пожилой.

Он указывал на японца лет шестидесяти, которому все остальные японцы оказывали явное почтение. Он стоял несколько в стороне, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за суетой остальных, изредка и очень лаконично отвечая им. Сомнений быть не могло – это руководитель. Япония сословная страна, и типаж босса здесь стандартный и легко узнаваем:

мудрый старикан, высеченный из кремня и стали, облаченный в строгий костюм-тройку от «Zegna», которая пошивает эти самые тройки исключительно для японского рынка, так как спроса на них больше нигде и нет. Ну разве что на Сицилии, среди местных папаш из коза ностра есть поветрие щеголять в тройках, закладывая в проймы жилетки большие пальцы, да еще среди еврейских банкиров, но все это лишь островки среди океана думающих, что костюм-тройка – это удел мудаков.

К типу японского босса нужно прибавить дюжие по стоимости, но скромные по дизайну часы, что также придает ему некую оригинальность, насупленные брови, дорогой парфюм, запонки из платины и железный характер, о который можно запросто порезаться, словно о край заточенного японского меча-катаны, того самого, что лабает мастер Хаттори Хансо на острове Окинава в надежде, что одним из этих мечей будет когда-нибудь убит коварный Билл.

– Нам к нему и нужно. Спроси меня: «Так чего же ты медлишь?»

– Да, в самом деле! Так чего же ты медлишь?

– Лена, буду с тобой максимально честным, у меня мало надежды на традиционные методы. У меня в основном вся надежда на тебя.

Она действительно не поняла его:

– В каком смысле? Что ты имеешь в виду?

Он соорудил такую рожу, что краше на толчке корчат в момент, когда нет движения вперед и назад дороги тоже нет.

– У тебя гораздо более надежная дипломатия, женская.

– Хочешь подложить меня под этого старикана?! – с гибельным восторгом спросила Лена, глядя на этот мир широко закрытыми глазами. Перед ней вдруг разом выросла непроницаемая стена тумана и в голове все пришло в движение, перемешалось. – Ну ты даешь... Ты сволочь, что ли? И после этого ты станешь утверждать, что все еще любишь меня? Иди ты к чертовой матери!

Картье разозлился. Его всегда страшно бесило, когда вот так же, не дослушав до конца, делали неверные выводы. Увидев, что Лена собирается уйти, он схватил ее за руку и привлек к себе, с силой притянул за шею, лоб в лоб, свирепо проскрежетал:

– Ты за кого меня держишь? За сутенера? Да я ему не дам и пуговицы на тебе расстегнуть! Какого черта, в самом деле, ты думаешь о самом грязном, что только может быть на свете, мать твою?! Дура ты, любимая моя!

– Скажи так еще раз, – попросила она, враз потеплевшим голосом, – назови меня дурой, мне понравилось.

Картье впился в ее губы долгим поцелуем (а он был мастер целоваться и тем лишь доводил женщин до иступления), руки его умело бегали везде, куда только могли дотянуться. Проходящие мимо мирно болтающие французы с пониманием переглянулись, один показал другому оттопыренный большой палец, мол, «этот парень зря время не теряет». При всей своей противности французы – народ весьма похотливый, и планета обязана им за изобретение всевозможных «французских штучек», применяемых во «французской любви». Всего того, без чего немислимо представить себе современный секс, который назло всем ханжам и пуританам заполучает все больше поклонников среди людей, не отягченных ложными ценностями религий. Невозможно запретить то, что доставляет наслаждение! И вот только не надо тут возмущаться и биться в конвульсиях, ратуя за пододеяльное целомудрие. «Take it easy, – хочется сказать иному борцу с сексуальным влечением. – Тебе просто не дают, вот ты и яришься, брызжа слюной на алтарь и прикрываясь сказками о том, чего якобы нельзя». Ничто не ново, и противостояние это длится почти столько же, сколько существует раса людей, разделенная хитрецами на религиозные конфессии. Да и вообще, сказать, так уж на прямоту! Вот так вот взять да и рубануть, как говорится, сплеча. Врезать правде в матку, а именно: в свете непрекращающихся скандалов с педофилами в рясах песня в исполнении популярного гей-певца Джорджа Майкла «Jesus to a child» звучит более чем двусмысленно. Н-да...

В эфире платный канал «Eroticheskoe Discovery». Мы в эфире since 1995-го, и если вы никогда о нас не слышали, то вы просто какие-то импотенты. И вновь немного о Франции и французах. В жилах Франции течет кровь, помнящая костры инквизиции и фронду, оргии королей и кабацкую страсть бедноты. Французы скаредны, спесивы, но они тысячу раз не ханжи, и в этом состоит неувядаяющая сила этого народа, жар его и душа. Если бы только знали те двое, что за фамилию носит этот со знанием дела целующий прекрасную рыжую девушку прохвост, то восторгу их не было бы предела. «Так может делать только француз!» – вот, что сказали бы они, и здесь даже об заклад не стоит биться.

4

Старый японец в костюме-тройке внимательно наблюдал за действиями своих подчиненных, когда его окликнул очень приятный, вежливый женский голос:

– Простите, я не имею удовольствия знать, как вас зовут, но, если мои глаза меня не обманывают, то вы здесь самый главный, не так ли?

– Именно так, – японец повернулся и, увидев перед собой Елену-прекрасную, впал в состояние, близкое к умопомрачению, так эта европейская женщина понравилась ему. Звали японца... Впрочем, какая разница, как там его звали? Истории его имя не интересно. Зато интереса к противоположному полу он отнюдь не утратил и сразу же заулыбался, поклонился, представился.

– У меня к вам есть предложение. Я намеренно не говорю «деловое предложение», так как превыше всего ценю человеческие отношения и доверие в бизнесе, – мгновенно вошла в образ Лена, подумав, что обработать этого престарелого японского ловеласа (ишь, как у него глазки-то широко открылись) ей особенного труда не составит. Так и произошло. Ловелас пригласил ее в переговорную комнату, где с ходу предложил даме коньяк, чем несколько ее смутил.

– Я как-то не очень насчет коньяка, – забывшись, по-русски пробормотала Лена, но тут же взяла себя в руки и, мужественно тряхнув рыжей гривой, заявила «ок».

Японец ловко налил ей и себя не забыл: плеснул сразу пальца на четыре и, завернув что-то сюсюкающее на родном языке, махнул залпом.

«Алкоголик, – в ужасе подумала Лена. – Это что же дальше-то будет?»

Она пригубила коньяк и осторожно поставила бокал. Японец молча буравил ее глазами в области декольте и улыбался, словно бультерьер.

«Господи! – жалобно взмолилась Лена. – Ну только не надо ничего, пожалуйста! Пусть он напьется, и... и все. А Вите я скажу, что с алкоголиком дело иметь невозможно, и это будет правдой».

Престарелый любитель коньячных струй не проронил ни слова. Он был мастером держать паузу. Лена культурно откашлялась и начала:

– Уважаемый (она назвала его по имени и прибавила «сан», отчего из глаз японца брызнули лучики неподдельного счастья), разрешите мне изложить мое дело? (Он кивнул.) Я здесь по приглашению выставочного комитета, представляю наиболее значимую русскую корпорацию в области ай-ти решений «Smart-soft», соучредителем которой являюсь. (Японец облокотился на стол.) Моя компания является генеральным партнером самого большого в России мобильного оператора «МДС». (Японец вновь брызнул лучиками, буквально впился в стол пальцами, и Лене показалось, что если сейчас он проведет ими вниз, то останутся на твердой поверхности стола глубокие рваные борозды.) Мои слова подтверждают официальный сертификат «МДС» и доверенность, выписанная на нашего сотрудника Виктора Картье, который вместе со мной находится здесь, в Барселоне. Вот эти документы (Лена подала японцу через стол бумаги, и тот весьма прилежно их изучил, кивнул, вернул ей с почтением).

– У вас хороший обычай пить коньяк перед серьезным разговором, – улыбнулась Лена, – напоминает чем-то обычай моей страны. У нас любят найти повод, чтобы пропустить по

рюмочке.

– Это пиддает беседе непдинуждедую дегкость, – забавно выдал японец, у которого отродясь не было дефектов речи, и задорно рассмеялся.

«Вот это да, – подумала Лена. – Старичок настоящий клоун. А себя небось мнит кем-то вроде божества, решающего судьбы. Интересно, он ходит к гейшам? Сколько проституток он перетрахал в Европе и в Штатах во время своих бизнес-вояжей? Еще немного, и со мной случится истерика. Чертов таракан!»

– Мозет быть, ви зелаєте есе? – Он налил ей в тот же, еще не пустой бокал, и Лена покорно выпила.

– Так циво зе ви хотите от миня? – поинтересовался захмелевший японец.

– Мы хотим стать вашим представительством в России и купить у вас эксклюзивную лицензию на распространение в Российской Федерации и странах СНГ запатентованного «NTT DOCOMO» сервиса «I-mode», – непринужденно ответила она с лицом познающего мир ребенка (Лена вспомнила, что пожилые богатые японцы, кажется, через одного латентные как минимум педофилы). Мы хотели бы опередить всех наших конкурентов, и дело здесь не в деньгах, которые вы попросите за продажу нам прав, а в той высокой чести для нас работать с вашей компанией в дружественном партнерстве. Все это выглядит несколько необычно, я понимаю, но...

– В бизнесе не бывает ничего необычного, – совершенно трезвым голосом произнес японец, и, взглянув на него, Лена с удивлением обнаружила, что старик куда как свежей ее, словно и не выпил он только что граммов двести коньяку. – Я ценю вашу смелость и вашу находчивость. Вы сами до этого додумались?

– Разумеется, – не моргнув, солгала Лена.

– Вы умная и находчивая женщина. Даже бесстрашная, – с уважением признался японец. – Скажите, вы предварительно наводили обо мне справки?

– Нет. У меня не было такой возможности. Все пришлось решать очень быстро, – уже совершенно войдя в образ, плела она. – Мне нужен этот контракт. Я понимаю, что свалилась как снег на голову, что действую нестандартно, но мне он действительно нужен. Завтра сюда приедет коррумпированный президент «МДС». Он начнет предлагать вам нелегальные схемы финансирования, он станет вымогать у вас взятку, и в результате вы получите гораздо меньше того, что могли бы получить от меня, а также будете втянуты в преступные махинации. Вы вправе мне не верить, но между вашим недоверием и запоздалым осознанием моей правоты лишь меньше суток.

– Вы словно цунами, Хелен. – Японец задумался. – В сущности, вы правы, и такие дела так быстро не решаются. Нет такой практики.

Он выразительно посмотрел на нее, и Лена, восприняв его взгляд по-своему, вспыхнула и потупила взгляд.

– Я готова доказать вам, насколько сильно мне нужен этот контракт. Не здесь, разумеется. В этом городе нет недостатка в отелях, – последнюю фразу она произнесла с какой-то озлобленной интонацией.

Японец с улыбкой покачал головой:

– Не стоит, Лена-сан, считать меня плохим парнем и большим грешником, чем я есть на самом деле. Вы такая же, как я, вы женщина бизнеса, а не проститутка, общения с которыми мне вполне достаточно. Зовите сюда вашего сотрудника, пусть он будет свидетелем, что наши переговоры проходят без оскорблений и унижения вашего достоинства. Звоните ему, а я распоряжусь, чтобы приготовили контракт. Я уже вижу, что мы с вами договоримся...

...Президент «МДС» мистер Сидорофф (так в транскрипции было записано в его испанских временных метриках) соизволил прибыть на выставку даже и не в день ее открытия, а лишь спустя почти сорок часов после того, как Лена Толейрановна и Картье-сэнсэй обстрипали дельце, закрепив за «Smart-soft» исключительные права на продажу компонентов сервиса «I-mode» на территории Российской Федерации, Украины, Казахстана и Белоруссии, то есть всей территории покрытия «МДС» и ее дочерних структур. На все про все

ушло у них несколько часов и ужин в ресторане, который Картье назвал ролевым: едальня располагалась на задах почерневшего от времени кафедрального собора, во флигеле, сложенном из грубого, почти нетесаного камня, и радовала изысками каталонской кухни за вполне божеские деньги. Японская и российская стороны расстались вполне довольными друг другом. К чести престарелого японца нужно сказать, что он вел себя исключительно порядочно, на Лену (быстро уразумев, что к чему) больше похотливых взглядов не бросал, был отменно вежлив и за все заплатил сам, не дав Картье возможности даже потянуться за бумажником. На самом деле секрет успеха, которому был так бесконечно рад Виктор и вполне счастлива Лена, весьма гордая своей тонкой дипломатической игрой, крылся лишь в том, что сама технология «I-mode» была для «DOCOMO» днем вчерашним, и аккуратно после выставки должен был стартовать в Японии запуск совершенно нового продукта для молниеносной работы с мобильным Интернетом, гораздо более удобный и не требующий особенных аппаратов с вживленной кнопкой быстрого доступа. В сделке всегда есть подводные камни, но тогда Картье о них не знал и не мог знать. Совершенно довольный собой, он позвонил в Москву Шедину и сказал, что все в полном порядке, контракт подписан, условия замечательные – короче говоря, «ждите поступлений». Шедин обрадовался даже не столько самому контракту, он представил себе лицо Сидорова, барственно зашедшего на стенд, чтобы «переговорить по поводу мобильного Интернета». Именно все так и вышло, как вообразил себе Шедин. Сидоров, сопровождаемый небольшой свитой холуев, посетил стенд «DOCOMO» и в претенциозной манере, держась с подчеркнутой спесивостью, поинтересовался, с кем бы он мог обсудить вопрос заключения контракта по «I-mode». Ответ заставил его сперва поменять спесивое выражение лица на подлинно недоуменное, затем переспросить, правильно ли он был понят, а уж потом прийти в настоящую ярость. Свита в тот день получила достаточное количество словесных звонких оплеух и затрещин.

– Как же это могло произойти?! – кипятился Сидоров. – Ведь у нас были предварительные договоренности с японцами! Кто из вас готовил письмо? – Он гневно уставился на свиту: – Кто, я спрашиваю?!

Оказалось, что ответственный сотрудник в отпуске и спросить не с кого. Это распалило Сидорова еще больше, он употребил несколько крепких выражений и вообще дал выход своей ярости:

– Какие же вы все идиоты! Просрать такую возможность! Вы хоть знаете, кто нас обошел? Да я и так знаю. «Дилайн», конечно?!

– Простите, Василий Каримович, – робко отозвалась девушка из свиты, – я только что получила информацию о том, что контракт был подписан с компанией «Smart-soft» по поручению... – девушка замаялась, и Сидоров в нетерпении топнул ногой:

– По поручению кого?!

Девушка, зажмурившись от ужаса, пролепетала чуть слышно:

– По поручению ЕБР МДС.

Реакция Сидорова была предсказуемой, но все же чересур эмоциональной. Наблюдателям в какой-то момент показалось, что Василия Каримовича прямо на месте и прихватит кондрашка: он, словно синьор Помидор из сказки про лукового антиглобалиста Чиполлино, едва не лопнул от бешенства: он почернел, посинел, позеленел, покраснел, пожелтел и стал грозить, что немедленно уволит всех, кто... кто... Но вот тут-то его запал и потух. А за что и кого увольнять, спрашивается? За то, что Шедин дистанционно провел сделку через посредника, то есть не вешая ее на баланс «МДС»? Нет. За то, что если, не дай бог этот «I-mode», черт бы его побрал, не станет нормально продаваться, с ним возникнут сложности, то вины «МДС» никакой в том не будет и перед акционерами не придется потеть от желания написать в брюки от «Vrioni»? Тоже нет. Тогда за что же? За ущемленные, словно яйца в двери, его собственные, сидоровские амбиции? О да! Он отомстит. Но прежде всего он должен будет выяснить, что это за «Smart-soft» такая и почему это Шедин решил действовать именно через нее. Да-да, он, Василий Сидоров, давно знал, что Шедин нечист на руку и наживает столько, сколько ему, президенту компании, и во сне не снилось. Знал, но не имел

доказательств, а без таковых свалить такую фигуру, как Шедин, невозможно. Акционеры потребуют веских доказательств, Евтушенко будет в ярости, так как он терпеть не может корпоративных склок.

– Черт возьми, – беспомощно опустил руки Сидоров, позабыв, что кругом люди. – Обошел меня Шедин. Вот скотина!

– Господин Картье! Виктор Иванович! – услышал вдруг Сидоров знакомый голос, а уж потом и увидел, как пробирается сквозь толпы посетителей выставки известный решительно всей мобильной индустрии журналистский обозреватель Эльдар Муртазин. Сидоров совершенно не удивился, увидев его здесь, гораздо более его поразило то, что он не знает фамилии какого-то... как он там его назвал-то? – ах да, Картье! – вот этого самого Картье он почему-то не знал. И в этом было колоссальное противоречие, так как Муртазин абы за кем просто так бегать бы нипочем не стал, а значит, этот Картье был кем-то таким... Непростым, одним словом, человеком.

– Гм... – Сидорову стало любопытно и ревниво оттого, что Муртазин ему даже не кивнул, как обычно приветственно, по обыкновению сопровождая кивок дурашливой своей улыбочкой. Василий Каримович проследил маршрут журналиста, траекторию его движения и увидел, что Муртазин стремится к высокому, художавому, хорошо одетому в дорогой костюм и белую рубашку без галстука мужику с, как показалось Сидорову, аристократической манерой держаться. Мало того, что мужик отирался возле стенда «DOCOMO», так ему еще и кланялись все сотрудники этого самого стенда, делая это с таким почтением, словно перед ними был сам император или, на крайний случай, мамаша разнесшего в пух и прах Хиросиму капитана Тиббетса миссис Энола Гэй, в честь которой был назван бомбардировщик, сваливший на город «малыша».

Сидоров, сам не зная зачем, скорее всего просто интуитивно, решил, что ему нужно туда, к этому художавому. Вызывал он какую-то непонятную симпатию, что ли... Впрочем, черт его знает. С ориентацией у Сидорова было все обыкновено, но действительно хотелось, страсть как стало любопытно послушать, что же такое удумал спросить у этого незнакомца Муртазин, какова тема интервью, кто же это и впрямь такой. И Сидоров аккуратно пошел за журналистом.

Муртазин же, приблизившись к Картье, чуть ли не с объятьями на него накинулся, чем вызвал у Виктора вполне понятное недоумение, так как он знал о Муртазине ровно столько же, сколько знал о самом Картье Сидоров. Но Муртазин с места в карьер напомнил, что на такой-то вечеринке их знакомил тот-то и он, Муртазин, тогда еще рассказывал нескольким гостям, включая и Картье, «о системном и коллапсическом кризисе в «Nokia».

– Ах да! – просиял Картье, хотя он ничего такого, как ни силился, вспомнить так и не смог. – Разумеется! Нет никаких сомнений, что я вас прекрасно помню! И ведь как вы были правы насчет «Nokia»! (Муртазин выхватил из кармана диктофон, да так быстро, точно иллюзионист, промышляющий фокусами.) Ведь совершенный же упадок там наступил, никаких новых идей, ноль инноваций, совершенно нет свежего креатива! Ну что они сделали в последнее время? Да, в сущности, ничего нового! А дизайн? Все их эти набившие оскомину гробики, да от них же тошнит! А софт? А операционное обеспечение? А платформа? Нет, нет и нет, дорогой, э-э-э...

– Эльдар, – подсказал Эльдар.

– Нет, дорогой Эльдар, никакой «Nokia»! Я не вижу будущего этой компании при том положении вещей, которое существует на сегодняшний день. И где, спрашивается, их решения в области мобильного Интернета, делающие мобильный Интернет действительно мобильным? Да их попросту нет! Единственное прогрессивное, инновационное и по-настоящему современное решение для российских пользователей – это совместный проект «Smart-soft» и наших японских партнеров, стенд которых находится за моей спиной. – И для вящей уверенности Картье ткнул наискось, за плечо, оттопыренным большим пальцем, мол, «вон те самые чуваки из – как их там? – «DOCOMO», кажется».

«Вон оно что! – ударило током Сидорова. – Ах вот ты какой оказывается, северный

олень!»

– ... Благодаря встроенной функции one-touch абоненты «МДС» смогут выходить в Сеть мгновенно, и это не потребует дополнительной технической модернизации существующей Сети, – подбоченясь, деловито вещал Картье. – В тандеме с «МДС» мы, вне всякого сомнения, завоюем рынок мобильного Интернета в самое ближайшее время...

Вокруг Муртазина и Картье собиралась толпа любопытствующих русскоязычных, и не только. Сидоров увидел, как для какого-то иностранца в золотых очках юлит всеми фибрами долговязая переводчица. Президент «МДС» вдруг понял, что вот-вот уже наступит момент, когда Муртазин, наконец, соизволит его заметить и ничтоже сумняшеся, на голубом глазу потребует комментариев к популистским и нахальным заявлениям этого долговязого выскочки, и тогда он, Василий Сидоров, окажется в положении столь идиотском, что и представить себе тяжело. Сидоров испугался и, юркнув в сторону, быстро растворился в толпе. Кое-кто из свиты поспешил за ним.

– Узнайте, где остановился этот Картье, – приказал Сидоров, – скажите, что я желаю с ним переговорить. Это приказ!

... Вечером, после всех дел праведных и неправедных, когда Барселону окутала многообещающая предзакатная муть, а в барах стало не сыскать пустого места, уставший Картье ввалился в номер. Лена встречалась с какой-то институтской подружкой, вышедшей замуж за испанца и, по выражению Лены, «неплохо пристроившейся». Картье решил просто передохнуть до ее прихода. Он заказал ужин: салат с тунцом и бутылку белого вина, принял душ и, облачившись в гостиничный пушистый халат, пристроился на диванчике, щелкая пультом телевизора и поглядывая в Интернет. После ужина его разморило, он принялся усиленно зевать, едва не вывернул челюсть и решил, что не будет греха, если он поспит хоть немного. «Все равно ночью не удастся. Придет Ленка, тогда будет не до сна. Как же с ней хорошо, ммм...» И Картье уснул. Ему приснился сон, в котором он очутился в невероятных размеров комнате, где одна стена была сплошное зеркало, а вдоль него тянулся бесконечный поручень, вроде балетного станка. Картье летал по этой комнате и все хотел как-нибудь опуститься, вцепиться в этот поручень, словно он был спасением от невесомости, но ничего не получалось. В зал вошла Лена в черном балетном трико, волосы туго собраны сзади в пучок, на лбу белая лента. Встала у станка и принялась отрабатывать па, высоко поднимая ноги. Картье окликнул ее, но она не услышала, тогда он крикнул сильнее, еще сильнее – результат все тот же. Какая-то неизъяснимая сила начала тянуть его вверх, за шиворот, словно котенка. Он уже орал что было мочи: «Лена, Леночка, спаси меня! Опусти меня на землю!» Но... ничего. И вот, когда уже волочащая его, ощущаемая на шее чья-то холодная (рука ли? лапа ли?) длань готова была унести его прочь с Земли в холодные, звездные, уже ощущаемые им чертоги, раздался резкий, требовательный и громовой стук в ту самую дверь, через которую вошла в бальный зал Лена. И тут же рука-лапа в бессилье разжалась, Картье полетел вниз, врезался лбом в рыжий, затертый пуантами паркетный пол и... проснулся.

Он упал с дивана, несильно приложился лицом о мягкий, покрытый ковролином пол, левая нога его оказалась неловко подвернута и побаливала, а в остальном все было как всегда, и совершенно обычно кто-то постукивал в дверь короткими, по три раза, очередями. Картье, чертыхаясь, встал, охнул, припадая на больную ногу, пошел открывать, соображая, где это Лена выучилась так стучать в дверь. У этой испанской жены? Ритм фламенко? Бред какой-то. Впрочем, он, кажется, и не знает, как именно она предпочитает стучать в дверь, как-то не было случая узнать. Ах да какая разница, в самом деле?!

– Привет! – Он распахнул дверь с закрытыми глазами, распахнул руки, ожидая, что она сейчас прилетит к нему, прижмется, но никто никуда не прилетел и совсем не прижался, а вместо этого Картье услышал недоуменное восклицание и, открыв глаза увидел, что на пороге переминается с ноги на ногу несмело улыбающийся президент «МДС» господин Сидоров Василий Каримович собственной персоной.

Хоть и ведется весь этот рассказ так, что в нем почти нет времени оглянуться назад, иногда все же приходится делать это с опаской, что вспомнится что-то такое, что вспоминать и неприятно, и как-то даже неловко. Однако обернуться все же придется...

Во времена правления Сидорова в «МДС», что называется, «царя не было». А был «Корпоративный Центр» (или «КЦ») и ЕБР МДС. Кто возглавлял единую бизнес-единицу, читателю прекрасно известно. Шедин был монстром, которого Сидорову одолеть было не под силу. «КЦ» возглавляла Синтия Гордон (ударение на первом слоге, чтобы не дай-то бог не перепутать, не попасть в созвучие с фамилией некоторых, печально известных российских граждан). Англичанка Синтия была настоящим корпоративным самураем и карьерной проституткой. У себя на родине, в Соединенном Королевстве, она достигла значительных высот в медиабизнесе, но уперлась головой в заваренный люк прохода, ведущего на самый верх. Невозможность повышательного движения (тот еще термин, понятный разве что профессиональным инвесторам) повергла Синтию в печаль. Она привыкла все время идти, карабкаться, жрать всех, кто не успел увернуться, а на своем месте в британском подразделении «Orange» – одного из крупнейших европейских операторов мобильной связи, выше позиции вице-президента по маркетингу ее не пропускал совет директоров, состоящий преимущественно из мужиков солидного возраста с консервативными взглядами на жизнь. Поэтому, получив от одного из акционеров «МДС» предложение возглавить весь маркетинг «МДС», став, по сути, главой «КЦ», где предполагалось внедрить западные бизнес-процессы и корпоративный менталитет, Синтия немедленно дала свое согласие, предварительно выторговав себе такую зарплату, о которой в Великобритании и слыхом не слыхивали. Вместе с ней в Россию также перебрались несколько высокопоставленных менеджеров из «Orange» и британского подразделения «Google». Вопреки справедливому мнению о том, что иностранный менеджмент, перебравшийся на работу в Россию, сплошь состоит из проходимцев и авантюристов, ставших изгоями у себя на родине, пришедшие в «КЦ» экспаты были действительно сильными и грамотными специалистами, знающими свое дело. Но в самом главном они были детьми. А самое главное в больших российских корпорациях – это умение интриговать, вести подковерные игры и сплетничать. Иностранный менеджмент «КЦ» благодаря своей неприспособленности противостоять налаженной Шединым системе мгновенно столкнулся с трудностями. Их распоряжения фактически игнорировались в «ЕБР» или же выполнялись из рук вон плохо. Гордон совершила фатальную ошибку, впутав в их с Шединым конфликт акционеров «МДС», которых интересовали главным образом финансовые показатели, а вовсе не то, какими именно способами они достигнуты.

Фактически в «МДС» того времени существовали три силы вместо одной: Сидоров, обладающий чисто номинальной властью свадебного генерала и зиц-председателя, которого никто особенно не воспринимал всерьез; Шедин – давно утвердившийся в своих владениях и жаждущий прибрать к своим рукам как можно больше управленческих функций, и, наконец, Синтия Гордон, считавшая все происходящее в «МДС» «варварским стилем работы» и наивно думающая, что у нее получится забрать все бразды правления и принятия стратегических решений в свои руки. На меньшее она соглашаться нипочем бы не стала, чересчур была амбициозна и напориста – этакий образчик англосаксонского характера.

После очередного откровенного «слива» Шединым распоряжения «КЦ» Синтия произнесла длинный монолог, в котором превалировало общеизвестное словечко fuck в разных контекстах. Выговорившись, она написала длинную жалобу и направила ее по электронной почте самому господину Евтушенко (да продлит аллах его дни). Синтия думала, что она делает большое и нужное дело, способствующее процветанию компании, но на самом деле все обстояло в точности наоборот и письму ее был дан совершенно иной ход.

Больше всего на свете господин Евтушенко не любил внутрикорпоративные конфликты. Он считал все это мышьиной возней наемных сотрудников, заменяемых частей механизма своей компании, и отношениями, которым не место в его системе. Его напрягал так называемый «человеческий фактор», когда из-за конфликта двух наемных руководителей

прибыль компании могла из полученной стать недополученной. Поэтому, получив письмо Синтии и несколько раз его прочитав, господин Евтушенко порядком рассердился и созвал внеочередной закрытый совет директоров, на котором решил «прекратить подобные письма раз и навсегда».

«А также, господин Евтушенко, я прошу вашего вмешательства в постоянное противостояние с генеральным менеджером «ЕБР» мистером Шединым, который в недружественной манере выражает свое отношение в отношении всех инициатив, выработанных...» – зачитывал собравшимся документ господин Евтушенко, переводя с листа английский текст. – Вот же дура косноязычная! – в сердцах воскликнул он после «отношения в отношении» и бросил распечатку на стол. – Каково вам? Она не нашла ничего лучшего, чем прислать мне этот бред! Вместо того чтобы заниматься общим делом, у нас в компании появились два враждующих лагеря! Даже знаки различия придумали! Те, которые из «ЕБР», носят пластиковые значки с яйцом, а те, которые в «КЦ» – серебряные. Просто СД и СС, не так ли?

Он вновь поднял письмо Синтии и потряс им в воздухе:

– Не желаю даже слышать ничего подобного! Никогда! И вообще-то, Леня, – обратился он к одному из коллег-акционеров, имевшему небольшую долю, но принимавшему самое деятельное участие в работе «МДС», это благодаря твоей инициативе она попала к нам, так же? Гордон эта (Евтушенко сделал ударение на последнем слове). Вот ты нам и ответь, что происходит. По-моему, от человека, который не может на родном языке связать нормально и двух слов, не приходится ожидать ничего путного.

– Этот конфликт выгоден нам, так как позволяет удерживать равновесие между двумя противоборствующими группировками, появление которых было неизбежным всегда. Неважно, была бы здесь Синтия или кто-то еще. Есть определенные законы, и все происходит в соответствии с ними. В такой большой организации, как наша, неизбежно появление нескольких лидеров, и соперничество между ними как следствие, – четко высказался тот самый Леня, фамилия которого была Беловед. – Это стимулирует производственный процесс, творчество, создает движение вперед и так далее.

– Ты хочешь сказать, пусть лучше конфликтуют друг с другом, апеллируя к нам? – строго спросил Леню Евтушенко.

– Именно так.

– Не думаю. Наши позиции ими оспорены быть не могут, наши решения – закон, наш авторитет вне всяких сомнений. Я вижу «МДС» как единый организм с одной головой, и голова эта – наш совет, – лукаво поскромничал умнейший господин Евтушенко, так как председателем совета директоров был он, так же, впрочем, как и крупнейшим акционером.

Беловеду сделалось грустно. Он ничего не ответил, только кивнул, мол, «все понятно» и... уволил Синтию Гордон. А «КЦ» вскорости расформировали и объединили с «ЕБР».

Во время противостояния «КЦ» и «ЕБР» Сидоров чувствовал себя очень хорошо. В лице Гордон он нашел себе союзницу и активно лоббировал ее интересы везде, где только мог. Это распространялось даже на такие мелочи, как служебный автомобиль. По статусу ей был положен седан бизнес-класса, но стараниями Василия Каримовича Синтия разъезжала на представительском «Мерседесе» с шофером и охранником, что было ей весьма по душе. Никаких личных отношений между ними не было и быть не могло, так как Сидорову нравились красивые женщины, в чем нет противоречий, а мисс Гордон всем своим видом опровергала шаткий постулат о том, что некрасивых женщин не бывает.

С расформированием «КЦ», о чем, наверное, можно было бы написать что-то вроде отдельной повести, позиция Шедина стала невероятно мощной. Сидоров же, решившись на приватный визит к Картье, прекрасно представлял себе, какого рода взаимоотношения могут быть между его злейшим врагом и Виктором и на чем они могут быть замешены. Доказательств у него, разумеется, не было никаких, но мотивация самая что ни на есть высокая: сохранение собственной позиции в «МДС» или, наоборот, признание своего полного поражения и даже (мама, я боюсь!) уход с занимаемой должности! Всего этого

Сидоров никак не мог допустить, вот почему он постучал в дверь номера Картье, разбудив того, и стуком своим поспособствовал прекращению сонного кошмара, за что Картье был Сидорову искренне признателен.

6

– Василий Каримович! – Картье, как был, в халате, всклокоченный после сна, старался обаятельно улыбаться, протянул Сидорову руку, сдал конечность президента «МДС» в крепком рукопожатии, пригласил присесть. – Милости прошу вас. Очень, очень рад вашему визиту! Польщен! Что будете пить?

– У вас, я извиняюсь, виски есть? – неожиданно сам для себя бухнул Сидоров и хотел покраснеть, но передумал.

– Да не вопрос! – Картье открыл мини-бар, вытащил оттуда два маленьких, похожих на аптечные пузырьки флакона «Джоника» и баночку диетической колы. Спросил заботливо: – Так подойдет?

– Вполне, – отдуваясь, ответил Сидоров, опускаясь в гостиничное кресло. Он молча принял стакан из рук Картье и с жадностью выпил. Газы ударили в нос, и Василий Каримович закашлялся, но Картье уже протягивал ему салфетку, в которую Сидоров щедро высморкался.

– Чем могу служить?

– Вы, простите меня за мою неосведомленность, кто такой? – вкрадчиво, так, чтобы хоть немного сгладить сам идиотизм своего вопроса, подсластил пилюлю Сидоров. – Я несколько лет в отрасли, а вы, судя по всему, ее новый герой, и я, к своему стыду, ничего о вас не знаю!

– Вот как? Так вы поэтому решили нанести мне столь неформальный визит? Виктор Картье к вашим услугам, соучредитель компании «Smart-soft». Я довольно мало в этом бизнесе, до этого занимался рекламой.

– Где? – оживился Сидоров.

– Там... – неопределенно махнул рукой Картье и обезоруживающе улыбнулся. – Василий Каримович, мне сдается, что мы с вами знаем друг о друге гораздо больше того, чем хотим показать это друг другу. Давайте уж начистоту, выкладывайте, с чем пришли.

– Скажите, с каких это пор вы заключаете контракты от имени «МДС»? – напролом пошел Сидоров. – Это по меньшей мере странно.

– Позвольте уточнить! Не просто от имени, а по поручению «МДС». Все абсолютно законно, и у меня есть доверенность, подписанная Дмитрием Шединым, а он, насколько мне известно, имеет право подписи на подобных документах. – Картье был невозмутим, а внутри него все ликовало. Его план, великолепная многоходовка, о которой он никому не рассказывал и даже от Лены держал в полнейшей тайне, работал, как швейцарские часы.

– На подобных документах должно быть две подписи, – процедил Сидоров. – Одна, тут вы правы, может быть Шедина, но она ничего не решает и при наличии только этой подписи документ ничтожен. А вторая подпись должна быть моя или...

– «Или!» «Или», дорогой Василий! – Картье вытащил откуда-то свой портфель, порылся в нем для вида, извлек на свет божий свои верительные грамоты и, не давая их Сидорову в руки, спросил: – А вот подпись такого господина Беловеда, она, по-вашему, не считается – как вы там сказали? – ничтожной, а?

В горле у Сидорова неприятно засипело, он сглотнул ком и кивнул:

– Подпись Беловеда котировается очень высоко. Как это вам удалось? Странно, что я ничего не знал и не слышал о вас.

– Пустишки, – отмахнулся Картье, – соотечественники часто знакомятся за границей, дома нет времени.

– И тем не менее?

– Как, как? – пожал плечами Картье. – Опыт, дружище, опыт и профессионализм, другого объяснения у меня нет, если говорить обо мне лично. А коли мы имеем в виду мою компанию, то, поверьте, это действительно прекрасный разработчик мобильного контента,

которым довольны ваши абоненты. А что для всех нас главное? Правильно! Чтобы абонент пребывал в состоянии удовольствия. Тогда у него, сердешного, расслабляются мозги и он, не думая, тратит свои деньги на наши, так сказать, изделия. Где вы еще получите чистый заработок в полтора доллара, совершенно ничего не вложив в предмет торговли? Я имею в виду сумму, которая получается при продаже сделанного нами рингтона за два с половиной доллара. Доллар нам, полтора вам, все шито, все крыто, все размыто. И все – алле-гоп! – довольны.

– Весьма артистично. – Сидоров был, казалось, восхищен игрой своего полночного визави, а Картье уже непрерывно думал о Лене и посматривал на часы. Что-то долго она не шла...

– Благодарю. Но знаете что, давайте по существу. Мне от вас скрывать нечего, и, поверьте, не моя вина, что мы так до сих пор и не познакомились. У меня отношения с Шединым, которые можно охарактеризовать как исключительно, я подчеркиваю, исключительно деловые. Я надеюсь, что после сегодняшнего разговора между нами также установится бизнес-дружба...

– Как вы сказали? – подался вперед Сидоров. – «Бизнес-дружба»? Это ново, клянусь, я такого еще не слышал. Знаете что? У меня к вам встречное предложение. Я согласен совершенно искренне протянуть вам руку навстречу и значительно расширить ваши возможности в «МДС». Взамен вы уступите мне «I-mode» ...

– Это как же? – невольно вырвалось у Картье, который на этот раз сыграл действительно гениально. Сам Станиславский Константин Сергеевич вскочил бы в партере, вопя: «Верю, голубчик вы мой, верю!» – У меня контракт подписан, первый транш в среду: я перевожу деньги за лицензию и начинаю активную деятельность по продвижению сервиса в «большую тройку» операторов, параллельно ведя переговоры с розницей. Да у меня уже почти назначен день переговоров с Шувариковым! «Европа-сеть» станет продавать телефоны с I-mode, бизнес-модель выстраивается прямо-таки замечательная, а вы мне «уступите». Невозможно, – отрезал Картье, радостно увидев, что Сидоров после этого приговора обмяк и стал землист лицом.

«Эк его проняло, – обрадовался Картье. – Что же дальше-то будет? Иди ко мне, малыш, я тебя ломтями настругаю».

– Мне нужен этот контракт, – слово в слово повторил Сидоров то же самое, в чем совсем недавно убеждала престарелого японца Елена-прекрасная. – И я с места не двинусь, покуда мы с вами не договоримся, мой ювелирный друг.

Картье откровенно поморщился:

– Думал, что найдется хотя бы кто-то один, кто не станет склонять мою фамилию, а по-моему не вышло.

– Извиняюсь, – глуповато ухмыльнулся Сидоров, – у вас прекрасная фамилия, я искренне завидую. Вот видите, как у вас все здорово выходит: и фамилия у вас шикарная, и «I-mode» вам достался, увели у меня прямо из-под носа, а я ведь сюда за ним и приехал. Так, значит, не желаете уступить?

– Василий, что значит это ваше «желаете» или «не желаете»? Это бизнес, и мое желание что-то там такое уступить вам может означать только одно, если перевести его на нормальный, человеческий язык. То есть вы желаете купить, а я, быть может, хочу продать, но, честно говоря, не особенно горю желанием. Вы что-то конкретное хотите мне предложить?

– Сколько вы заплатили, виноват, заплатите? Сколько вы должны «DOCOMO» за контракт? – быстро спросил Сидоров, показывая тем самым, что разминка завершена и самое время перейти к конкретным цифрам.

– Это коммерческая тайна, – так же быстро ответил Картье. – Коммерческая тайна и закрытая информация. Цифру я вам никогда не озвучу, вы сами знаете, что так не принято и неэтично по отношению к японской стороне.

Сидоров тяжело задыхался, левая щека его задергалась, и похоже было, что он весело подмигивает, словно подбивает на что-то.

– Ну хотя бы порядок цифр? – взмолился он.

– Это большая цифра, – лаконично ответил Картье и закурил сигарету.

– Сколько знаков? – решил не сдаваться и добиться своего Сидоров.

– Шесть, – выпустил дым Картье.

– Что-то многовато, – со злой иронией парировал Сидоров. – По моим подсчетам...

– Послушайте. – Картье, казалось, потерял терпение. Он уничтожил сигарету в пепельнице, вмяв ее в фарфоровое донце, выместив на ней злобу к этому назойливому и неприятному субъекту. – Я исключительно деловой человек. С какой стати я стану обозначать вам цену покупки, ведь это уже не актуально, это то, что никогда уже не станет прежним. Покупают для того, чтобы перепродать, но дороже, не так ли? Вы задаете странные вопросы, дружище! А ведь у вас небось и степень МВА имеется?

– Executive, – самодовольно уточнил Сидоров. – Разумеется, покупают, чтобы продать. Вы просто так это сказали или вы все-таки решили проявить благоразумие и мы можем обсудить нашу сделку?

– Нашу сделку, – повторил Картье, смакуя два этих слова, словно выдержанный бренди. – Ну что ж, вы, я вижу, человек настойчивый, Василий Каримович. Кстати, почему Каримович, почему такое отчество?

– Это семейная история. У деда на войне был боевой товарищ, по национальности татарин, звали его Карим. Вытащил деда на себе раненого с поля боя, так что мой отец был назван в честь этого парня.

– Да уж, – задумчиво сказал Картье. – Вот люди были. Не чета нам с вами, подлым и расчетливым дельцам. Но время диктует нравы, не так ли? Извольте, я продам вам. Я принципиально не против, если предложите интересную цену. Это будет переуступка через третью сторону, так что с оформлением у вас сложностей не возникнет. Первокласный товарец, спешу заметить. «Гигафон» уже согласен на миллион восемьсот, я разговаривал с Нечипоруком минут за двадцать до вашего визита, и он мне сказал, что все обсуждаемо, наши переговоры в понедельник утром.

– Два, – не моргнув, предложил круглый дурак Сидоров, увеличив в десять раз стоимость покупки, сделанной Картье, но еще даже им не оплаченной. Ай да Виктор, ай да...

– Это несерьезно, – отмахнулся Картье, – я уверен, что сдеру с Нечипорука два с длинными вожжами, денег тот не пожалеет. Вы же знаете, чьи в «Гигафоне» деньги. – Картье поднял глаза к потолку. – Это бизнес первых лиц государства, там не считают и любят инвестировать во что ни попадя, лишь бы движуха была. Любят там движуху, Василий Каримович.

Никакого Нечипорука из «Гигафона» Картье лично знать не знал, но человек этот был реален, занимал в «Гигафоне» очень высокую позицию, «решал вопросы» и являлся доверенным лицом хозяйки компании. А хозяйка компании была, между прочим, супругой одного, гм... политического деятеля. Таким образом «переговоры в понедельник» были классическим и восхитительным покерным блефом Картье, который в довесок к его сложившемуся уже образу любил покер и играл в него замечательно. Математический склад ума помогал и в картах.

Но и Сидоров не был знаком с Нечипоруком! И в покер Сидоров не играл, вообще избегая азартных игр. Если уж совсем начистоту, то он был скучным и тупым ублюдком, этот Сидоров. И еще довольно жадным. Впрочем, не настолько, чтобы его глупость перевесила его скупердьяйство. Считая себя большим бизнесменом с интуицией и аналитическим складом ума, он решил, для виду поломавшись, дать Картье два с половиной миллиона долларов. «Игра стоит свеч, – с мужеством инициативного мудака размышлял Сидоров, – всякая инвестиция в мобильном бизнесе рано или поздно окупится. Да и что это я? Из своего кармана, что ли, стану платить? Ведь это деньги «МДС», то есть деньги наших абонентов, а их у нас миллионов тридцать. Списывать у каждого по несколько центов со счета, вот тебе и деньги на покупку чего угодно. Биллинг – великая вещь. Пусть все ворчат, что мы ворует их деньги, все равно все как разговаривали, так и будут разговаривать».

– Ну вот что, господин Картье. – Сидоров вылил пузырек «Джоника» в стакан, колой разбавлять не стал, выпил так, залпом, не предлагая Картье составить ему компанию и здоровья Виктору не пожелав. – Я предлагаю вам два с половиной миллиона долларов и полную переуступку всех прав от вашей – как там она называется? – конторы в пользу прямого контракта «МДС» – «NTT DOCOMO». Это последнее предложение, большего я просто не в состоянии сделать, так как мои полномочия по заключению сделок ограничены именно этой суммой. Все, что выше, должно получать одобрение совета директоров, а это долго, муторно и вовсе не факт, что акционеры пойдут на покупку. Они вообще не любят тратить, – усмехнулся Сидоров. – Итак, ваше решение?

«Ну вот и все. Как-то даже скучно. Я думал будет сложно, придется серьезно напрягаться, а все получилось скучно, банально и быстро». – Картье ощутил в душе странную пустоту. Он не ощущал такого с тех самых пор, как в его жизни появилась Лена. Она заполнила собой все его естество, он любил ее, как никого и никогда не любил, а теперь вдруг все это волшебство словно испарилось. Картье даже глаза закрыл и перестал дышать, прислушиваясь к себе. Ничего. Невероятно! Неужели простота сделки, замысла так его опустошила? Вероятно. Значит, скоро все вернется. Только вновь увидеть ее – и все вернется. Картье поглядел на часы: половина второго. Она должна была сразу же прийти к нему, но ее все не было. Хотя все, что ни делается, все к лучшему. Пора заканчивать с этим... Каримовичем.

– Ну что ж, вы умеете убеждать, ничего не скажешь. Ничепорук теперь на меня обидится, ну да бог с ним. На обиженных воду возят. Короче говоря, да. Я согласен. Но как же мы оформим сделку? Ведь нужна какая-то бюрократическая процедура, вся эта возня и придирки юристов.

– Вообще-то со мной здесь целая команда юристов, – развязавшимся после «Джоника» языком похвастался Сидоров, – только свистни.

– Ну так свистите, – устало пробормотал Картье, – уже совсем поздно, а у меня еще романтические планы на остаток ночи.

Сидоров, которому женщины с неохотой давали даже за деньги, хмыкнул и потянулся за телефоном. В душе у него журчали весенние ручьи и пахло эдельвейсами.

7

После оформления (а все прошло очень гладко, без сучка. В контракт, заготовленный заранее, только вписали сумму) Картье ощутил еще большую пустоту, нежели часом ранее. Чувство это было столь пронзительным, что всерьез напугало его, словно накрыло прибрежной волной, с илом, с грязью, с размолотыми балками пирса, несущими увечья и смерть.

– Приглашаю взбрызнуть это дело, – облизнулся Сидоров после улаживания всех формальностей. – По русскому обычаю нельзя не выпить, иначе фарта не будет. Внизу, кажется, еще работает бар.

Пришлось идти и пить с этим... А то как же? Иначе невозможно, иначе обида смертная на всю оставшуюся жизнь. Картье глотал дюжий испанский бренди, бренди не брал Картье очень долго, и долгое время Картье пытался вынырнуть из той волны, а из волны вынырнуть не получалось, и вот, когда уже совсем не осталось воздуха и он согласен был схлопотать балкой по кумполу (он предпочел бы такую смерть, чем слушать побасенки Сидорова, сальности из его якобы богатого опыта полового общения да ухарские песни в стиле мужицкого примитивизма), волна наконец сжалилась над Картье и выбросила его на берег: пучеглазого, судорожно хватающего ртом воздух, дрожащего. Бренди вмял Виктора в кресло, обездвигил. Сидоров все заливался дурным соловушкой, раза два принимал воинственную позу боксера, впрочем, к Виктору это отношения не имело, то были армейские рассказы, и парализованный Картье слушал их, тупо кивая, мечтая бацнуться переносицей о край стола, чтобы уж враз и прекратить все свои мучения, но способ заткнуть фонтан Сидорова нашелся

более изощренный. Тот спросил Виктора, служил ли он.

– Я недолго служил, меня увезли с контузией в госпиталь, – просто сказал Картье, и Сидоров сразу умолк, марсова гримаса сползла с его лица, словно перекасти-поле, прошелестела по жирненькой груди, стекла по брючкам и лужицей, откуда-то из-под стола, неприятно испарилась.

– Как же это было? – растерянно спросил он. – Вы разве были «там»?

– Спецназ ВВ, Дикая дивизия, – неохотно признался Виктор, который не любил вспоминать об этом и нигде, никогда об этом не писал, тем паче при оформлении на работу. (Прошедших горячие точки не брали, их боялись, считая ненормальными.) – Не должны были отправлять, а вот отправили. Невероятное ощущение, когда сидишь на грязном бронетранспортере и сам весь грязный, и рядом твои грязные и злые товарищи, и катится этот транспортер по грязной дороге, куда чьи-то грязные руки прямо в грязь заложили грязный фугас, от которого тянутся в ближайшие кусты незаметные проводки. И фугас этот взрывается аккуратно под тобой, и все, кто внутри бронетранспортера, летят вместе с тобой вверх, но ты падаешь на землю, а их так и уносит, словно они связка воздушных шаров, которую потерял раззява-продавец, и нипочем их уже не поймать. – Картье достал сигарету. – Да, я там был, но ненавижу говорить об этом.

– Понимаю, – очень смущенно сказал Сидоров, который в армии никогда не служил, если не считать военных сборов в институте, а любил приврать «по пьяни», пересказывая слышанные им от других истории.

– Я, пожалуй, пойду, – затянувшись и сразу еще сильнее опьянев, сказал Картье. – Мне что-то нездоровится. Когда же первый транш?

– Завтра, – честно ответил Сидоров, у которого и в мыслях не было «нагреть» Виктора. – Как я и говорил, сумму разделим на три части и начнем платить с завтрашнего дня. Ко вторнику все полностью выплатим.

– Хорошо, – равнодушно ответил Картье, вяло пожал руку Сидорову и уныло побрел себе восвояси, а Сидоров смотрел ему вслед и думал о чем-то своем, и ковырял в носу, и выдрал из ноздри жесткий, остро торчащий волосок.

...Зайдя в свой номер и не обнаружив там Лену (у них были магнитные ключи от номеров друг друга, долго выпрашивали на ресепшн по дубликату, и те пошли навстречу), Картье проверил телефон и убедился, что она ему не звонила. Тогда он позвонил ей, но ее телефон оказался выключен. «Она наверняка уже давно вернулась, не застала меня и пошла к себе отдыхать. Небось уже десятый сон видит», – решил Виктор.

Встревоженный, он отправился на ее этаж, подошел к двери ее номера, достал карточку-ключ и хотел было открыть, думая, как будет здорово нырнуть сейчас к ней, под одеяло, расцеловать ее, рассказать о блестящей сделке, как вдруг отчетливо услышал мужской голос там, за дверью. Говорили как-то неразборчиво, по русски, дважды произнеся не то «прости», не то «порви».

– Что за черт?! – Картье принялся стучать в дверь. – Лена, открой! Кто там у тебя?! С тобой все в порядке?!

Дверь тотчас и отворилась. На пороге стоял Штукин собственной персоной, и был он одет лишь в полотенце, обернув его вокруг чресел своих. Картье показалось, что его сейчас стошнит, затем ему страшно захотелось задушить Штукина, но, быстро взяв себя в руки, Виктор, как смог, улыбнулся и развел руками:

– Костя! Какими судьбами?! Слушай, как здорово, что ты приехал!

– Я тоже так думаю, – без тени подозрения отвечал ему Штукин, действительно недавно прибывший и только что перед тем принявший душ.

– Да, кхм-кхм, – покашлял Картье, не знавший, что ему делать дальше. Его вдруг накрыло в третий раз, и теперь уже не пустотой, а таким жгучим, таким горьким горем, что дышать сделалось тяжело. Все понятно, и не было никакой подруги, вышедшей за испанца, а вместо этого романтический вечер с мужем, продолжившийся на белоснежных простынях, и довольный жизнью, удовлетворенный Штукин, только что вымывший свое треклятое орудие

любви и завернувшийся в полотенце, точно барсук.

– Заходи, расскажешь последние новости. – Штукин гостеприимно посторонился, и тогда Картье, наконец, опомнился, поманил его пальцем в коридор, и Штукин, милый дурак Штукин, наивный Штукин, прилетевший в надежде примирения с женой, которая стала ему вдруг так дорога, повинувался, как повинуется кобра дудке факира, зная, впрочем, что ничего такого с ней тот не сделает и вполне можно ему довериться.

– Послушай, Костя, – негромко обратился к нему Картье, когда тот прикрыл за собой дверь номера, – это прекрасно, что ты прилетел, потому что твоя жена очень скучала, я это видел собственными глазами. Не знаю, что за кошка пробежала между вами, но ты молодец, ты все делаешь правильно. Знаешь, больше всего на свете я не хочу быть третьим лишним, – через силу улыбнулся Виктор, – ты, разумеется, понимаешь, о чем я. Поэтому я немедленно, первым возможным рейсом вернусь в Москву и вплотную займусь сделкой с «МДС» и контактами с «Гигафоном».

– Сделкой? – Штукин, который вообще ничего не знал, был удивлен и тем немного задел Картье, который считал, что уж о чем о чем, а об этом Лена должна была рассказать своему вновь обретенному мужу в первую очередь. Хотя, какой там бизнес, если здесь возобновление любви?

– Я полагал, что Елена тебе все рассказала, но если еще нет, то буквально в двух словах. – Картье рассказал ему о том, что произошло, и Штукин пришел в бурный восторг. Он хлопал Виктора по плечу, называл «мой брат» и чуть ли не прыгал на одной ноге.

– Я надеюсь, что мы теперь партнеры, не так ли? – внезапно спросил Картье. – Мне необходима ясность в этом вопросе.

– В каком смысле? – спросил Штукин, и улыбка медленно сползла с его лица, как сползает бретелька с круглого плечика прелестницы двадцати трех лет, знающей уже, что ей нужно от жизни, и далеко не столь наивной, чтобы вот так просто взять да и позволить этой самой бретельке сползти безо всякой нужды.

– Гм... я заработал для «Smart-soft» около трех миллионов долларов за довольно короткое время на одних только первичных гешефтах с «МДС». И я считаю, что вправе попросить вписать мое имя в учредительный договор, стать твоим партнером. Почему ты так удивленно смотришь на меня, Костя? Разве я прошу о чем-то несурзном? Ведь три миллиона – это полноценная доля в твоём бизнесе. Да что я говорю? Пожалуй, весь твой бизнес именно столько и стоит, однако же я прошу себе лишь скромную треть от доходов, которые приносит направление мобильного контента, и все! Уверяю тебя, что это только начало, я вижу этот бизнес, я его чувствую, у меня уже появилось имя, я, если позволишь, в некотором авторитете среди людей знающих и нужных. И тебе я нужен! – всплеснул руками Картье, будто столкнулся с вопиющей несправедливостью и всеми силами сейчас ратовал за правду.

Штукин сделался мрачен, он явно не ожидал такого поворота дел и совершенно точно не собирался никого пускать в бизнес, который был ему всего дороже, к которому он относился, словно к собственному любимому ребенку. С другой стороны, он не мог не признать, что требования Картье были вполне адекватными.

– Я должен обо всем подумать, – медленно выговорил он, – такие дела в коридоре не решают. Ты прав, возвращайся в Москву, начинай окучивать «Гигафон», а я появлюсь, скажем, в следующую пятницу и...

– В следующую пятницу? То есть больше чем через неделю? – удивленноотреагировал Картье, которому реакция Штукина очень не понравилась, и он был невероятно разочарован.

– Да, именно так, – величаво удаляясь в номер в своем полотенце, напоминавшем теперь тогу римского сенатора, ответил ему через плечо Штукин. – Мы с Леной решили сделать второе свадебное путешествие. Вернусь, и мы все обсудим. Адьюс, Викторю.

И хлопнул дверью.

Полураздавленный, словно большой жук в надтреснутом хитине панцыря, Картье, припадая на все лапки, пополз в свой апартамент.

...О, как же ему было... Грустно, пусто, тяжело, тупо, остро, холодно и больно.

– А что, собственно, я хотел, – бормотал Картье, собирая чемодан. Он уже обменял билет (слава богу, «Iberia» – честная авиакомпания: нашли возможность, вошли в положение). – Она мужнина жена, ну вышла у них размолвка, возможно даже, что и по-крупному, а тут я, словно мессия, который всегда приходит именно тогда, когда это действительно необходимо. Муж почувствовал, что вскоре может обкушаться груш, выиграло ретивое, все мы собственники, не нужна была она ему, будто старая мебель на дачном чердаке, а тут, глянь-ка, занадобилась. Прилетел, погуляли по городу, поужинали в ресторане уже не так, как раньше, уже душа в душу, со смешками и поцелуйчиками, – растревлял себя Картье, – потом в номер: секс, холодный розовый «Freixenet»: пузырьки щекочат небо и усиливают желание, черт бы все побрал. И вот я ошиваюсь под дверью, а этот самодовольный придурок, которому я вернул жену и заработал кучу денег, еще «подумает» делать меня партнером или нет. Мать твою! – Картье бросил в чемодан последнюю штотку и со злобой захлопнул его. Пнул ногой, пребольно ушибся, свалился на пол, задрал ногу, словно древко копья, заелозил на спине, завыл. Не услышал стука в дверь, легких шагов. Боль в ноге, в отшибленных пальцах была ослепляющей – и вдруг все прошло, растворилось, точно сдуло с ладони песчинки порывом свежего ветра. Нет, Витя, то не ветер, то зовет тебя ее голос. Самый милый голос на свете. И это не сон, не сказка:

– Что это ты делаешь на полу? – Ее голос, ее!

Он вскочил, охнул от резкой, надумавшей вернуться боли, уставился на Лену так, будто явилось перед ним нечто, что обычно является детям и умалишенным, которых сперва никто не желает слушать, а потом объявляют их святыми и строят на месте чудного виденья монастыри и стоянки для туристических автобусов.

– Ты... – только и выдохнул он и, сам от себя не ожидая, с полувсхлипом-полустоном опустил перед ней на колени, обвил руками ее ноги, прижался губами к свободному от тубельки участку ступни и так, с поцелуями, нежно покусывая кожу, пошел вверх, постепенно поднимаясь, и вот уже он встал с колен и принялся целовать ее в губы, как умалишенный, словно хотел высосать из нее жизнь, и все приговаривал «Алена, Аленочка», а она, совершенно не сопротивляясь, с жаром, со страстью отвечала ему. Он решил ни о чем ее не спрашивать. «Захочет, расскажет сама», – мелькнуло у Картье, когда он расстегивал застежку ее платья...

...

– Так зачем он приперся?

– Будто ты сам не знаешь, Витечка. Господи, как же мне хорошо с тобой! За такое можно отдать все на свете.

– Он не ворвется сюда? Не станет ломиться?

– Нет. Он, наверное, где-то пьет, хотя мне все равно.

– Но как же... Ведь вы же с ним, совсем недавно...

Она поднялась на локте, вмиг стала похожа на разъяренную фурию. Нет, так не сыграешь:

– Ты в своем уме? Боже мой! Что за сумасшедшее время! Я была у той самой подруги, мы попрощались, они проводили меня на такси, я вернулась в отель и бегом к тебе. Тебя нет. У меня разрядился телефон, я к себе в номер, зарядить его. Поднимаюсь в лифте, выхожу в коридор, и что я вижу? Прямо под дверью, как собачка, которая потерялась, сидит Костя...

– Ах, как ты его заботливо: «Ко-о-стя», – прошипел ревнивый Картье.

– Ох, ну брось это, пожалуйста! Как прикажешь его называть?

– Ну не знаю... Есть прекрасные имена для него: Рогонос, Мудлан, Говноспр...

– Витя! Если ты не прекратишь, я сейчас оденусь и уйду! Почему ты позволяешь себе такие слова в моем присутствии?!

...Браво, рыжая Елена! Только так и может и должна вести себя настоящая, умная,

воспитанная женщина. Никакого мата, никакой площадной брани при ней! Такая женщина, как вы, исправляет мужчину, делая его сдержанным в речах и деятельным в поступках любви. Не может быть мата между двумя, мат не союзник любви, он разрушает ее романтическую оболочку, заставляя нежную сердцевину деревенеть...

Картье повинулся:

– Уж прости меня, окаянного.

Хмыкнул. Видя, что реакции на его слова не последовало, обнял ее за плечи. Она не отстранилась.

– Я тебя очень люблю, понимаешь? Я ревную так, что зубы сводит. Этот дикий мальчик вышел из номера в полотенце, как после е... Ой! Прости, извини, чуть не вырвалось! Ну, в общем, он был в полотенце, а ты даже не показала из номера, и я подумал, что ты лежишь в постели и приходишь в себя, что у тебя эта, как там ее? – о! – любовная одышка!

– Дурак. Боже мой, какой же ты дурак! Какая еще одышка? Я впустила его в номер, сжалилась над ним, чтобы он принял душ с дороги и передохнул! Ну что же тебе еще? Нужны какие-то доказательства? Витя, имей в виду, что я терпеть не могу доказывать свою правоту кому-либо, меня начинает всю трясти, и я делаю глупости, о которых потом иногда сильно жалею. Если ты и дальше намерен устраивать мне допрос и тому подобное, я просто уйду, и я уйду совсем.

– Благо есть к кому, – неумно поддакнул Картье, которому было бы куда как проще смолчать, но все еще едко было на душе и само вырвалось.

Лена молча, порывисто встала, принялась быстро одеваться, он, ничего не говоря, сгреб ее в охапку и бросил на кровать. Она хотела было взъяриться, вырваться, но, увидев, в каком он состоянии, сама набросилась на него и, спустя мгновение вновь, со страстью ему отдалась. Им было так хорошо вместе, они так подходили друг другу, что никакие ссоры не могли ослабить их взаимного влечения. И, обливаясь пьяньскими слезами, сидел в баре неподалеку простак Штукин, оплакивая счастье, которое он сам, собственными руками отдал. Лена сказала ему, что любит другого, правда, не уточнила, кого именно, а Штукин тоже порой смотрел на мир с широко закрытыми глазами и не видел того, что происходило у него под самым носом. Он и в мыслях не мог заподозрить Картье, так как воспринимал его с достаточной долей высокомерия и даже некоторого злорадства, что вот, мол, «учились вместе, и я у тебя иногда на пиво до степендии стрелял, а теперь ты на меня работаешь. Время все расставило по местам, не так ли, старина?» И никак не мог Штукин смириться с мыслью, что жена его вдруг стала принадлежать кому-то еще, что она, оказывается, кого-то там «любит», и, по всему виду, что это не пустые слова, что все там серьезно, ведь отказалась же она спать с ним, наотрез отказалась, чем ввела Костю в еще больший душевный раздрай. Чтобы как-то примириться с самим собой, он пошел в бар и стал там пить, и его очень быстро развезло до тряпичного состояния. Не представляя себе, что совсем рядом его жена вместе с любовником вытворяют такое... Вот тебе и время, старина, которое все расставило по местам.

В душе Штукин все еще был уверен, что она так с ним шутит. И все это лишь ее мелкая, профилактическая «мстя». Он заставлял себя думать именно так, но, все больше пьянея и закрывая для обзора некоторые прежние, казавшиеся абсолютно понятными вещи, он открывал для себя то, чем прежде пренебрегал, на что не обращал внимания. Лена вдруг повернулась к нему той недоступной доселе лунной стороной, о существовании которой он и не догадывался, считая свою жену самой обыкновенной и, в общем, даже как-то не задумываясь о ее душевных качествах, о замечательном ее внутреннем мире, об удовлетворении ее простых желаний. Она умеренно нравилась ему внешне, в сексе он не блистал, лишь кое-как, с большой натяжкой, в начале отношений, быстро занимаясь этим дважды с перерывом часа в полтора, тогда как ее устройство требовало совсем иной силы, частоты и длительности. Они не подходили друг другу в этой самой важной из областей человеческих взаимоотношений, и трижды прав был Фрейд: нет в семье хорошего секса – нет и счастья.

Страдая, Штукин вдруг просветлел душой, захотел сделать что-то человеколюбивое и

правильное. Вспомнил о Картье, о его просьбе, тогда показавшейся ему откровенно наглой, а теперь совершенно справедливой и закономерной. Действительно, его приятель сделал для его компании больше, чем кто бы то ни было за все время ее существования, привлек большие деньги, на которые теперь, не занимая в банках под дикий процент, можно продолжать расширяться в бизнесе, инвестируя в новые проекты.

– Мать моя Настасья Филлиповна! – пьяненько воскликнул пьяненький Штукин и пьяненько искривил рот, откуда пьяненько выползла, словно змея Пе-Стра-Я-Лен-Та (Ватсон, это элементарно, все дело в количестве слогов, их пять! Преступление раскрыто!), слюна Штукина и сползла ему на погон, а оттуда, по рукаву, оторвавшись от ворсинок державшей ее ткани тягучей каплей упала на заплеванной пол, смешавшись с одним триллионом шестьсот восьмьюдесятью шестью миллиардами четыреста двадцатью двумя миллионами ста восьмью тысячами девятьсот девяносто семью бактериями, постоянно квартирующими на этом полу. Вот имена некоторых из них: Целка, Белка, Булка, Аглайя, Апполинарийя, Вагиналийя, Хламидийя, Перепетуйя и, наконец, Надежда Константиновна Крупская, разжалованная высшим разумом в бактерию за свою франкмасонскую деятельность, но так как для бактерии это имя было слишком длинным, товарки прокликали ее просто Чирочкой.

– Я несправедлив, я жаден, я допустил ошибку, которую должен исправить, – бормотал Штукин, обливаясь холодным потом, так как сердце его именно теперь преодолеvalo очередной порог сопротивляемости его неумным возлияниям и работало дряненько, паршивенько, с систулами, фистулами и твистулами.

– Я должен вознаградить Виктора по делам его! Да воздастся ему! Да сыщется он, да обрящется! Да не оскудеет рука дающего ему по делам его! – запричитал Штукин на дьячковый манер, всхлипывая и вымаливая себе всепрощение от геенны огненной. – Воздам ему, соделаю партнером во веки веков, приближу к себе и открою сундуки свои, ако же и сердце свое, навстречу искреннему своему другу, – восклицал уже в голос Штукин, чья проблема была в крайнем его религиозном фанатизме, в поповском лицемерии, в следовании заповедям Спасителя нашего, в которых не смыслил ни аза, считая, что живет ради служения, и тем лишь прикрывая протухлость свою и скукотищу, от себя исходящую. Догматическое дерьмо, впитанное Штукиным, кое-как им осмысленное и осевшее илом на дне, всплывало при пограничных состояниях вроде теперешнего. Впавший в состояние опаснейшего альтруизма и запрещенного всеми конвенциями человеколюбия, Штукин заплатил за выпивку и поспешил в номер Картье, воображая, что тот еще никуда не улетел, что он сейчас все исправит, обрадует Виктора своим широким жестом, возрадуется, словно Антонио за Бастанио в «Венецианском купце», и оросит алтарь их с Картье дружбы слезами раскаяния и примирения.

А меж тем Картье в который уже раз въезжал в тоннель, вплывал в пещеру, залезал в нору и входил, будто горячий нож в податливое масло. С этой женщиной он не знал покоя, не ведал усталости, и они вели себя довольно громко, так, что вышедший из лифта на нетрезвых ногах Штукин, услышав приглушенные лишь дверью номера «ааа» и «ооо», вначале даже как-то несколько растерялся, а затем с ним сделалась меланхолия. Не имея любви, невыносимо видеть целующихся влюбленных на тротуаре, не имея секса, подслушать звуки чужой любви означает получить глухой удар по самооценке и самолюбию, резонансная волна от которого бьет в пах, заставляя жалко ежиться, а в лучшем случае яростно мастурбировать под фильм с участием грудастой Шайлы Стайлз.

Чуть было не миновав дверь номера Картье (предупредительный метрдотель вызвался было проводить, но Штукин заверил в своей адекватности и узнал лишь номер комнаты) и занеся ногу для следующего шага, Костя запнулся, сообразив, что именно вот эта самая, с номерком, заканчивавшимся на «тройку», дверь и аккурат из-за нее-то, из-за этой самой двери и неслись все эти «ааа» и «ооо», исполняемые чистым и знакомым Штукину женским сопрано, к которому нет-нет да и подмешивался сипловатый рык Картье.

– Черт меня побери, – пробормотал Штукин, – Витька зря время не теряет. Я-то думал он уже катит себе в Москву, а он, извольте видеть, с дамой!

Некоторое время поговорив с дверью номер «...3» и безнаказанно поупражнявшись

перед ней в красноречии, Штукин, воображая, что он таким образом подшутит над своим приятелем и заранее находя шутку свою удачной, сильно ударил в дверь несколько раз и требовательно произнес: «Открывайте!» Пошатался немного (пьяный кураж, положение обязывало) и добавил:

– Открывайте, прелюбодеи! Это полиция нравов!

Всякий шум за дверью моментально стих, втянулось под дверь тихое, произнесенное мужчиной проклятие. Проклятие негодяю, что своим стуком враз погасил любовный пыл. Молчание слегка озадачило Штукина, и он, все еще продолжая дурачиться, вновь постучал, вновь сказал что-то театральное и за собственным шумом не расслышал быстрых шагов там, за дверью, не заметил, что крохотная точка дверного глазка на мгновение из светлой сделалась непроницаемой: кто-то проверил посетителя и тут же отпрянул от двери, будто испугавшись случайной пули. И вот, когда Штукин готов был махнуть на все рукой и восвояси убраться, отчасти довольный, что все произошло именно таким образом, Картье все же нет в номере, у него, у Штукина, от выпитого случилась слуховая галлюцинация и тем самым исчезает необходимость делиться с Виктором, как дверь тут же и распахнулась, и Штукин увидел, что на пороге, в дорожном костюме, состоящем из слаксов и рубашки в крупную клетку, стоит Картье с дорожным кофром в руке. Он увидел Костю, лицо его осветила самая искренняя улыбка на свете, которую Картье за минуту до этого репетировал перед Леной и она молча поднимала большой палец: «выглядит естественно».

– О! Друг дорогой! Ну здравствуй, здравствуй еще раз! А я, как видишь, отчаливаю. Пора в аэропорт, как раз поспею на утренний самолет в фатерлянд.

– Витька, – заплетающимся языком прокурлыкал вульгарный Штукин, – а кого это ты только что тут так яростно, *pardone moi*, жахал?

– Жахал? Я? Вообще-то я собирал вещи, мон шер ами, а ты много выпил, и тебе с непривычки мерещится. Ты что-то хотел от меня, Костя? Извини, но я уже почти опаздываю, я еще даже такси не вызвал в этой суете: пока билет менял, пока то, пока се...

Картье критически посмотрел на своего босса, все больше походящего на распolzавшуюся под дождем картонную коробку:

– Тебя жена такого к себе не подпустит. Насколько я могу судить из своих поверхностных наблюдений, она не сильно жалуется пьянчуг вроде нас с тобой.

– Эх, Витька, – всхлипнул Штукин. – Я ей стал совсем не нужен, вот и накидался тупо в ноль целых ноль десятых. Пойдем выпьем?

– Нет, Костя, об этом и речи быть не может, – наотрез отказался Картье. – Во-первых, тебе точно хватит, ты завтра будешь никакой, придется тебя отпаивать рассолом, которого в Барселоне, уверен, нет, а во-вторых, – и он выразительно поглядел на часы, играя уже не столько для этой несчастной и пьяной жертвы своей, сколько для себя самого, – во-вторых, я реально опаздываю, мне в Москву надо, рабочими вопросами заниматься! Так что давай я тебя провожу к Лене, попрошу ее сильно тебя не гнобить и в твое похмельное злое утро быть добрее к тебе. Давай так? Пойдем-ка!

Картье подхватил мало что понимающего Штукина под локоть и устремился с ним к лифту. Из кармана штукинских брюк выпал телефон. Картье его подобрал и сунул в свой карман. В это самое время Лена, прекрасно слышавшая весь разговор, очень бледная, наконец с облегчением вздохнула и села на корточки, обхватила руками голову, запричитала:

– Господи, сделай все по-своему, сделай все, как я хочу, чтобы было так, как должно быть. Я не знаю, что мне делать. Я с мужем уже столько лет живу, а любовника своего совсем не знаю, но мужа не люблю, а любовника очень люблю и хочу быть с ним, хотя и понимаю, Господи, что это кот в мешке и только ты знаешь, что у него в голове на самом деле. Сделай, Господи, все за меня, на тебя одного уповаю, на тебя надеюсь, что не оставишь рабу твою грешную Елену сидеть у разбитого корыта и думать об упущенных возможностях. Оставь мне, кого сам хочешь. – Лена красиво подняла голову, посмотрела на потолок. – Но, может, лучше все-таки не мужа? – неуверенно закончила она.

...В пустом номере Штукин затосковал и принялся изливать перед Картье душу,

рассказывать, какой он на самом деле хороший, а Лена этого не ценит и у них в последнее время частые ссоры по ее инициативе:

– Куда-то все ушло у нее, Витька. Все чувства ко мне кончились. Мы с ней не спали знаешь сколько? Год! Вот где она, спрашивается, в такое время? Где?!

– Послушай, но ведь я недавно к тебе заходил, и все было хорошо, – разыграл недоумение Виктор. – Ты был чуть-чуть в полотенце, на эмоциональном подъеме, меня послал куда подальше и удалился полный посторгазменного величия. Или мне глазам своим не верить?

Штукин снова всхлипнул. Картье с отвращением подумал, что тот, чего доброго, зальется сейчас пьяными слезами, а такие манеры трезвому Картье претили. Он не больно-то приветствовал все эти «задушевные разговоры корешей» и никогда не принимал в них участия. Не любил пьяных откровений, считая, что в каждом человеке есть вещи, предназначенные только для «внутреннего употребления», и окружающим о них лучше не знать. К счастью, Костя сдержался:

– Нет-нет, все не так, как ты думаешь. Я выдавал желаемое за действительное. Она, грубо выражаясь, не дает мне.

– Вот как? – заботливо наморщил лоб Картье. – Что, совсем никакого секса целый год? Я думал это ты так оригинально шутишь. Старик, знаешь, я не большой специалист в бабьей психологии. У меня самого жена ушла к накачанному дебилу, который даже на тапки себе не в состоянии заработать, поэтому ходит в моих. Может, ты ее как-то обидел? Наверняка, – убежденно ответил Картье на свой же вопрос и продолжил: – Если женщина не хочет спать с тобой, с ее законным мужем, то на это у нее есть веские причины. Отсутствие внимания с твоей стороны, пренебрежение ее желаниями... Как-то так. Мы с тобой оба товарищи по несчастью. Хотя сравнить мою бывшую и твою Лену невозможно. У тебя настоящая женщина, а моя! Не дай-то бог никому такого счастья. Хотя, у меня, конечно, очень предвзятое к ней отношение, к моей бывшей...

– Настоящая женщина? – с вызовом бросил Картье. – А где она сейчас? Вещи все на месте... Под кровать она залезла, что ли? – И Штукин, было полез под кровать.

Картье перехватил его, как следует встряхнул за плечи:

– Костя, да брось ты! Нет ее там! Вернулась небось к подруге своей, она мне про какую-то подругу все толковала, и сидят там, бабьи разговорчики ведут, а скорее всего спят давным-давно. Время-то! Уже рассвет, а мы тут все ерундой маемся. Я на самолет точно опоздал!

– Виктор, не надо тебе на самолет, самолет подождет. Знаешь, ты мой самый лучший друг, я тебе верю, как самому себе. Вот ей-богу! Я, конечно, был несправедлив, пожадничал. Но ты же понимаешь... Все эти чертовы деньги, все из-за них. Но изволь. – Штукин пристально посмотрел Виктору в глаза, и тот увидел, что взгляд у его босса трезвый, осмысленный и цепкий. – Витя, ты прав совершенно, ты себе долю заработал, и я готов ее оформить в виде отдельной бизнес-единицы, где ты станешь учредителем. То есть я выплачу тебе процент с заработанного тобою для меня, и на эти деньги ты откроешь бизнес. Свой собственный бизнес. В свой я тебя, уж прости, пустить не смогу, но мое предложение вроде не из последних. Как тебе такой вариант? Да, чуть не забыл, у меня ты, если не возражаешь, останешься исполнять свои прежние обязанности, я, видишь ли, не в силах отказаться от столь ценного сотрудника. По-настоящему ценного, Витя. Ты молодец, я тобой горжусь, – с чувством и чуть пафосно закончил Штукин.

– Спасибо на добром слове, Костя, – растроганно (кто его поймет: в самом деле или придуриваясь) поблагодарил его Картье, но тут же натянул вожжи: – Однако, Костя, гордость вместе со «спасибо» на хлеб не намажешь. Ты уж прости меня, старого циника, но ты прилично датый сейчас, а завтра проснешься и о словах своих не вспомнишь. Поэтому давай-ка я пойду к себе, что ли, раз уж на самолет не поспел, а ты спи. Завтра буду тебя лечить пивом. Если вдруг случится такое чудо и я встречу Лену, мало ли, я с ней поговорю и скажу, что ты нажрался из-за ваших разногласий и бессилья что-то исправить. Знаешь, Костя,

дорогой, этот процесс исправления должен происходить взаимно, быть двухсторонним. Может, она меня слушает. Спи. Как проснешься – набери меня.

И Картье двинулся к выходу.

И Картье открыл дверь.

И Картье немного замешкался.

И Картье, наконец, услышал:

– Витя, я в порядке. Задержись, пожалуйста.

И Картье остановился. Некоторое время так и стоял, не в силах обернуться, подавляя предательскую улыбочку тайного триумфатора. Потом все-таки обернулся:

– Чем могу быть полезен, Костя?

– Никакой пьяной болтовни быть не может. Моя фамилия Штукин, и слово мое закон. Дай-ка мне твой телефон, я свой то ли потерял, то ли в баре оставил.

– Вот твой. – Картье подал ему аппаратик. – Не подумай, что подрезать хотел, ха-ха. Просто он у тебя выпал по дороге, а я подобрал и забыл вовремя выложить.

– Ерунда, ерунда, – забормотал Штукин, копаясь в телефоне, нашел нужный номер и позвонил начальнику юридического отдела «Smart-soft», отдал распоряжение: зарегистрировать, а всего лучше купить чистую, без проблем, компанию, вписать Картье в устав единственным учредителем...

– Костя, Костя! – Картье дернул Штукина за рукав, и тот, извинившись перед юристом, сказал, что перезвонит.

– Послушай, я прошу тебя, я не могу принять такой щедрый подарок. Давай Лена тоже будет в составе учредителей? Так и тебе спокойней, и мне, если честно, тоже перед тобой лишний раз не нужно будет оправдываться. Пусть все на ее глазах происходит. Как ты считаешь?

– Витя, ты самый порядочный человек на свете! Слов нет, так и сделаем, конечно, я все понимаю. – Штукин был настолько растроган, так искренне протянул Картье руку, что у того чуть было не дрогнуло сердце. Но не дрогнуло, конечно же. «Чуть» в таком деле не считается.

За юристом последовал звонок заспанному банкиру, который оказался в отпуске и, по его собственным словам, «прикорнул на полчаса, покуда на биржах относительно затишье». То был настоящий банкир, банкир-инвестор, игравший по-крупному, и спал он по четыре часа в сутки. Было ему тридцать семь лет и, забегая немного вперед, придется (из песни слов не выбросить) сказать, что вскоре он умер от разрыва аорты, сильно перед тем понервничав из-за падения акций накопленной им огромной и очень дорогой позиции.

Банкир заявил, что будет только рад еще одному клиенту «юрику», пообещал льготное кредитование и обслуживание по высшему разряду. Штукин поблагодарил его, отшвырнул телефон, который тут же зазвонил. Юрист рассказал, что есть на выбор несколько компаний:

– Названия такие, – и бесстрастный юрист принялся зачитывать: – «Узанс», «Фрик», «Демесос», «Римо» ...

– Кошмар, – вырвалось у Картье. – Ну и названия! Этим хорошо назвать какое-нибудь «ООО», торгующее на мелкооптовом рынке паленым «Nescafe». Нельзя ли что-нибудь более современное и энергетическое? Как вы судно назовете, так оно и поплывет, между прочим.

Юрист поискал еще и выволок на свет божий готовую фирмочку с названием «R-1», или в транскрипции «Ар-уан».

– Ну вот, – удовлетворенно потер руки Картье. – Вот то, что нужно. «Эр-один» это действительно звучит.

– Да? Нравится? Ну, значит, так тому и быть, – постановил Штукин, и на этом вознесение Картье временно остановилось. Его благодетель, усталый, но довольный тем, что сумел повернуть все именно таким образом и при этом остался как он считал, в зоне прибыли, разевался, и вскоре уснул крепким, но кратким сном пьяницы. А Картье пошел к себе в номер спать с его женой.

Как Картье вытащил одну репку, а другую посадил на ее место

1

Сказать, что Шедин был вне себя – значит ничего не сказать. Он скрежетал зубами, двигал жвалами, сжимал кулаки и хрипел. Назвал Картье различными словами из числа тех, что встречаются на заборе. Виктор сидел в его кабинете, приняв скучающую позу: нога за ногу, руки сцеплены на затылке, изредка зевал, что каждый раз вызывало новый прилив ярости Шедина.

– Сволочь! Ты что наделал?! Как ты мог так меня подставить и уступить контракт Сидорову! Теперь он на коне, а я в полном дерьме! Ты же сам и срубил сук, на котором сидел! Вот уберут меня не сегодня, так завтра, и что тогда ты станешь делать? Думаешь так и продолжишь зарабатывать вот на этом?

Шедин нажал пару клавиш на своем телефоне, раздалась марширующая музыка, и плохо поставленный, полупьяный голос запел:

Вдоль трассы прохрипит тяжелый «КРАЗ»,
Прочерчивая карту в зной и в стужу.
И с севера гудит по трубам газ,
И свет несет, который так нам нужен.
И с севера гудит по трубам газ,
И свет несет, который так нам нужен.
Без суеты и без никчемных слов
В грязи траншейной о еде в заботе
Мы по ночам с тобой не видим снов,
Мы ночью тоже часто на работе.
Мы по ночам с тобой не видим снов,
Мы ночью тоже часто на работе.
Не шутят с газом, это знают все,
Не спится детям, матерям и женам,
Но мы вернемся все по утренней росе,
Чтоб не было их счастье обожженным.
Но мы вернемся все по утренней росе,
Чтоб не было их счастье обожженным.
Раскручивая жизни маховик,
Мы, русские, марийцы и чувашаи,
В анкете ставим слово «газовик»,
Труба проходит через души наши.
В анкете ставим слово «газовик»,
Труба проходит через души наши.
Мы не допустим страшных взрывов гром,
Смерть тихую без запаха и цвета.
Мы на посту, и газ дает «Газпром»,
И ни к чему подробности об этом.
Мы на посту, и газ дает «Газпром»,
И ни к чему подробности об этом.

Далее началось повторение первого куплета, и Шедин с отвращением нажал на кнопку «стоп».

– Вот! – истерически потряс он телефоном перед Картье. – Вот!

– Что «вот»?! – Картье улыбался во все тридцать два зуба и, казалось, готов был вот-вот разразиться целым шквалом смеха. Песенка, особенно слова «и ни к чему подробности об

этом», так ему понравилась, что он попросил:

– Дим, а ты мне скинь песенку на телефон, а? Зачетная такая вещица-то, тема опять же актуальна. – И тут Виктор не выдержал и расхохотался: – А-а-а! «Труба проходит через души наши», а-а-а! И голосок такой брутальный, прямо Миша Круг, «Владимирский централ, ветер северный», царствие ему небесное...

– Ты что тут ржешь?! – взвизгнул Шедин. – Это дело рук твоей конторы! Весь «Газпром» за неделю скачал столько раз, что чертям в аду тошно! Хит продаж!

– О! Вот как?! – вытирая чистейшим носовым платком выступившие от смеха слезинки, едва выговорил Картье. – Прости, я не знал, что это мои постарались. Вот видишь, Дима, какие мы замечательные? А ты тут... да еще такими словами на меня. И все вот это вот, что с тобой сейчас происходит, все это совершенно напрасно. Ты уж прости меня, циничного паразита, что я сразу тебе не позвонил прямо из Барселоны. Не было времени, и, если честно, я грезил этой нашей встречей. Ты не поверишь, но возможность увидеть, как сильно изменится твое лицо, как ты развернешь свое настроение на сто восемьдесят градусов, заставила меня проделать все это, довести тебя до белого каления и так далее.

– Что ты имеешь в виду? – сразу успокоился Шедин, которого жизнь приучила к резким поворотам. – Выкладывай все начистоту, и если ты опять вздумаешь заржать, то учти, я тебе нос сломаю.

– Перестань. А теперь серьезно. Итак, слушай меня внимательно. Я с недавнего времени учредитель компании «R-1», к «Smart-soft» я больше не имею отношения. Поэтому можешь на совете директоров, когда станешь зарывать Сидорова в сырую землю, все спокойно валить на «Smart» и на ее владельца Константина Штукина.

Шедин успокоился совершенно, слушал очень внимательно, боясь пропустить хоть словечко из того, что говорит Картье.

– Зарывать Сидорова на совете? Звучит божественно. Что ты имеешь в виду?

– Да уж, божественно, – хмыкнул Картье. – Я бы добавил дьявольски божественно. Значит, так, это целиком и полностью разработанная мной операция под кодовым названием «Orgy and Cum»...

– Ни хрена себе!

– Не перебивай, ок? Командовать парадом буду я. Итак, признаюсь тебе откровенно, что этот самый «I-mode» был мною без особенных препятствий куплен у компании «DOCOMO» за двести тысяч долларов. С этого все и началось. Я подумал: «Что-то больно дешево, так не бывает. Если это новинка, если это фич, то сумма должна быть с шестью нулями, а переговоры по сделке многоуровневыми и очень непростыми. А тут отдали, как сбывают с рук краденое либо залежалый товар, только чтоб побыстрее. И я потерся на той выставке, послушал людей, что они говорят, а там, Дима, было много умных людей. Так вот, коллективное мнение об этом «I-mode» можно выразить одним словом: говно. А я тебе скажу более корректно: вчерашний день. А мудака Сидоров отвалил за это два точка пять миллиона долларов.

– Сколько?! – У Шедина натурально глаза на лоб полезли, и он судорожно поймал их в две горсти.

– Именно столько, ты не ослышался.

– Так это же...

– Это плохо, Дима, это очень плохо для Сидорова, но этого еще недостаточно для того, чтобы его с треском вынесли из «МДС» вперед ногами и больше никто ничего о нем не услышал. Он может отговориться сейчас, сказать, что был введен в заблуждение, неверно оценил риски и все исправит, раз уж сам наломал дров. И совет директоров такое его объяснение вполне удовлетворит. Нужно, чтобы проект сожрал еще некоторое существенное количество инвестиций, а затем с треском провалился. Вот тогда, именно тогда крах Сидорова будет так же неминуем, как закат солнца. А мы с тобой, Дима, давай-ка вот что сделаем. Так как под ударом вместе с Сидоровым окажется «Smart-soft», то мы давай-ка постепенно переведем все с нее на мою новую компанию...

– На «R-1»?

– Точно так. Молодец, что запомнил. Только не сразу, а постепенно. Этот самый Штукин не должен сразу ничего почувствовать. Просто покупать у него станут все меньше и меньше, платежи сократятся, что я же ему и объясню, как некоторое падение потребительского спроса, а потом р-раз так и... Все будет по-нашему. Ты на место Сидорова, «R-1» на место «Smart-soft», мы с тобой в шоколаде, а враги в полном нокауте, после которого никто не в силах будет очухаться.

Шедин просветлел лицом, весело посмотрел на Картье, покачал головой:

– Слушай, так ты никогда не был собственником «Smart»?

– Откровенно говоря – нет. Никогда. Но, согласишься, ты не стал бы иметь дело с обыкновенным наемным рабом, не так ли? А теперь настоящий собственник «Smart» за мои заслуги подарил мне бизнес, и я намерен стать номером один в этой отрасли.

– Подарил бизнес? Тогда зачем же ты хочешь так его подставить? Неужели все из-за денег? – искренне изумился Шедин. – Ты страшный человек, Витя. С тобой дело опасно иметь...

– Нет, не из-за денег. Из-за женщины одной, – откровенно признался Картье, честно глядя Шедину в глаза.

– Ах вон оно что... Ну тогда понятно. Замнем для ясности. Просто мне важно было знать... Я думал... Но, если из-за женщины, тут я тебе не судья. Любовный треугольник вещь сложная, и лезть в него постороннему не стоит. Н-да... То есть мы на коне, все в дерьме, так, что ли, по-твоему, должно получиться?

– Не вижу противоречий, – ответил Картье, – дай сигарету, у меня закончились...

2

До какого-то момента все в ней стремилось к нему. Он олицетворял собой все то, чего в ее жизни никогда не было: страсть, нежность, внимание... То многогранное, сложнейшее, именуемое любовью чувство, которое так необходимо испытать всякому хотя бы раз в жизни. Испытать, чтобы познать себя, по-настоящему раскрыться и стать полноценным человеком, так как только любовь делает нас истинными людьми. Картье был для нее широким маковым полем, идущим до самого горизонта, и она шла по нему, и маки были столь одуряюще прекрасными, и она рвала их, нюхала и бросала, чтобы тут же сорвать новые, а потом еще и еще. Но однажды, когда Виктор решил рассказать ей о своих планах, маковое поле вдруг закончилось, она незаметно приблизилась к его краю и ужаснулась картине, открывшейся ее глазам. Обрыв, черный срез горной породы, за которым пропасть с кипящей водой, с блестящими антрацитовыми острейшими скалами. Стало так страшно, что она закричала и не услышала собственного крика, а бездна тянула к себе, звала. Лена сделала попытку отступить от края пропасти, вернуться на маковое поле, но ее словно пнули кулаком между лопаток, и она упала с одной только мыслью, что хочет проснуться, проснуться! – и, конечно, проснулась.

Она была в своей квартире, в своей спальне. Они с Костей никогда не спали вместе, и сейчас, сквозь стену, сквозь распахнутую дверь, в совершенной ночной тишине она слышала его отвратительный храп. Именно по этой причине, массово влияющей на статистику разводов, они решили «разъехаться» по разным постелям несколько лет назад, почти сразу же после свадьбы. Есть две теории: о спящих вместе супругах, о супругах, спящих порознь, и каждая стремится уничтожить противницу. Кто знает, какая теория верна, но на практике выходит так, что можно спать вместе или спать порознь, и это может влиять на самочувствие брака как угодно, даже вовсе никак может не влиять. Лишь храп, отвратительный, булькающий, животный, – вот истинная причина для супружеского разлада. Слушая это свидетельство присутствия Штукина, Лена еще раз вспомнила все, о чем сегодня в отеле с почасовой оплатой они говорили с Картье.

– Жизнь налаживается, – промурлыкал он ей на ухо, когда оба остывали после изнуряющей качки на выдавшей виды кровати, – скоро все будет ослепительно хорошо.

– Прекрасно, – прошептала она тогда. – Как же ты все это сделаешь? Впрочем, молчи. Я не хочу слышать. Хочу лежать с тобой вот так же, но в нашем доме, у камина, пить вино и гладить тебя по твоему замечательному, поджарому животу. И больше мне, пожалуй, ничего и не нужно для полного счастья.

– Как ты все хорошо сумела выразить всего парой фраз, Еничка.

...С недавних пор он стал называть ее так. Он поменял «Аленку» на «Еничку». Мы часто придумываем любимым вот такие ласковые и теплые прозвища. Телосложение Картье было сухим и довольно мускулистым. Его грудь расходилась от центра к плечам двумя красивыми плитами. Лена очень любила их трогать, гладить и даже пощипывала его за соски, что, впрочем, совсем ему не нравилось, но он дурачился и делал вид, что нравится, чтобы ей было приятно. Однажды, когда она увлеклась и всерьез, словно массажистка, мяла одно из любимых своих мест его тела, он спросил:

– Как называется то, что ты сейчас делаешь? Жимкаться или что-то в этом роде?

– Сюсюкаться, – с явным удовольствием продолжая свое дело, ответила она, – сюсюк, сюсюк.

И она стала так его называть. Иногда. Ему очень нравилось, как она произносит это словечко «сюсюк». У нее получалось очень... Сказать «сексуально»? Пожалуй, только так и можно сказать, иначе не получается...

– А что тут еще скажешь? – Она простодушно улыбнулась. – Ничего не может быть лучше. Это моя мечта, гладить тебя.

– Мечтам красавиц свойственно сбываться, – выразился Картье с принужденно-веселой миной и вздохнул. – Это и моя мечта также. Однако самое время подумать о том, как бы побыстрее нашу мечту воплотить. Между прочим, у меня есть на этот счет четкий план.

– Поделишься?

– Разумеется. Только вот что. Перед тем как я начну, скажи мне, Лена, честно и откровенно, любишь ли ты своего мужа хоть немного? Под «любишь ли» я имею в виду не столько само чувство любви, сколько всякую там жалость и так далее. Жаль тебе его?

Лена ответила не сразу, задумалась. Наконец, медленно ответила:

– У меня к нему ничего нет.

– Совсем ничего?

– Совсем.

– Так не бывает. Когда живешь с человеком в одной квартире и каждый день в эту квартиру возвращаешься, хотя давно могла бы куда-нибудь переселиться, это означает, что ты все еще к нему хоть слабо, да привязана.

Она, казалось, рассердилась:

– Да нет же, говорю тебе! А насчет возвращаться в квартиру... Знаешь, ведь существуют исключения из правил. Я как раз такое исключение. Я люблю эту квартиру, она очень просторная, я сама ее спроектировала, я в нее столько души вложила, что вот так просто взять и уйти – это не по мне. Да, кроме того, мне и уйти-то не к кому. В эту квартиру моя «двушка» вложена, а к маме как-то не хочется, она у меня пильщица со стажем, так запилит «Лена, зачем ты ушла от мужа?», что взвоешь! А уж снимать квартиру – это точно нет. Все эти условия: мебель не двигать, котов не держать... К черту съемные квартиры и их нахальных хозяев!

Картье поцеловал ее в шею, и она сразу вся растаяла, замурчала и прижалась к нему посылней.

– Сюсюк, – прошептала, – мой самый-самый любимый.

– Слушай, – после небольшой паузы, вызванной страстным поцелуем, спросил ее Картье, – скажи мне, только честно, вы же все-таки спите иногда?

Она поднялась на локте и отвела назад свободную руку, сжав ладонь в кулак, словно для удара:

– Сейчас ка-а-к врежу тебе. Больно!

– Ну ладно, ладно, – принялся успокаивать ее Картье, – просто для меня это очень важно. Ты можешь быть только моей, а если в твоём саду гуляет еще кто-то, мне лучше просто

этого не знать. Убью! – заявил он совершенно серьезно.

– Кого? – Лена даже отпрянула от него немного, кажется испугалась.

– Кого? Не знаю... Я ревнив, Ленка.

– Знаешь, я не стала тебе этого говорить, а сейчас все-таки скажу, раз уж ты начал об этом. Тогда, в Барселоне, он стал меня домогаться, мол, «ты же моя жена» и все такое. Знаешь, что я ему сказала? – Она убрала прядь волос со лба. – Я сказала ему: «Знаешь, за все это время я научилась удовлетворять сама себя так, как никто во всей Москве. Думаю с моим нынешним уровнем ты меня разочаруешь, так что не стоит и начинать».

Картье расхохотался:

– Филигранно! А он что?

– Да он обалдел, когда услышал. Я думала, его парализует от такого унижения. Но он быстро оправился, покашлял в кулак, поиграл желваками и назвал мою остроту неумной.

– И все?

– И все.

– Мило. Очень мило. Скажи, а не дарил ли он тебе мягких игрушек? Не называл ли «зайкой» и «малышом»?

– О, господи Иисусе, нет.

– Ну тогда и я не стану, раз тебе не нравится, – заявил Картье, но Лена запротестовала:

– Вот еще! Почему это ты не станешь? Знаешь, есть разница, когда тебя называет «зайкой» этот зануда или называешь ты. Мне было бы приятно.

– Заинька, мы должны будем твоего супруга на терке нашинковать, чтобы каждая соломинка, из него получившаяся, обратилась бы в денежку. И это не шутка. Я не случайно спрашивал тебя, задавал тебе все эти вопросы, чтобы понять, не включишь ли ты заднего в самый ответственный момент, когда наступит или пан или пропал. Он доверчив, в этом его главная ошибка. Он добряк, это его погубит. Нам с тобой нужно думать только о нас с тобой. Все, кто вокруг нас, – лишние люди, которые делятся на создающих проблемы и несоздающих, но таковых, к сожалению, мало. Мистер Штукин из первой категории, он создает проблему уже одним своим присутствием. Короче, Лена, ты готова вместе со мной сыграть с Костилом в неравную игру? Мы победим, я верю. За нас весь ад со всеми чертями, – полушутя-полусерьезно скаламбурил Картье.

– Ну... Готова, – как-то не очень уверенно ответила Лена и осторожно положила голову на его плечо. – Скажи, ты же не хочешь сделать его совсем нищим? Ты же не хочешь его смерти?

– Нет, разумеется! – откровенно солгал Картье. – О чем ты? Так...

Он растерялся. Впервые за все это время, что шел к своей цели, к обогащению. Значит, она все же немного, но любит его. Хотя в таком деле степень не имеет значения. Значит, она его любит. Все еще любит... Значит, она ему не союзник.

– Лена, кажется, нам уже пора. – Он взял с тумбочки часы, пристыдился: – Ого! Время-то! Счастливые часов не наблюдают. Ты это... Забудь, что я говорил. Это я так... В порядке бреда, – и с этими словами встал и принялся натягивать трусы.

– Виктор, давай поговорим начистоту, вернись, пожалуйста, у нас еще два оплаченных часа вообще-то. – Тон Лены из неуверенного превратился в твердый и даже приказной. Пожав плечами, он подчинился, хлопнулся в трусах на кровать.

– Что?

Всем своим видом он хотел показать ей, что она его обидела. Очень обидела, до глубины души. Обманула. Предала. Хотел дать ей почувствовать ее вину, в душе обливаясь потом и будучи не в силах поверить, что вот так просто все, что он с таким радением выстраивал, может рухнуть, как пресловутый картонный домик, который никто никогда не строил, но все о нем только и говорят в подобных случаях.

– Я с тобой, – твердо произнесла она. – Я люблю тебя, только тебя, я хочу только тебя, и жить я хочу только с тобой, потому что вижу в тебе то, чего ты сам в себе даже не замечаешь. Я в тебе вижу человека, понимаешь? А ты сейчас доказывал мне, что ты бес, а не человек. Ты

видишь хоть немного дальше своего носа, Витечка? Знаешь же поговорку «на чужом несчастье счастья не построишь». Как по-твоему, ерунда это? Думаю, что совсем не ерунда. Ну сделаем мы с тобой его нищим. Допустим. И что с того? Думаешь, нам это не аукнется потом? Сейчас все быстро возвращается, словно бумеранг. Ты сделал кому-то плохо...

– Тебе вернулось в три раза сильнее, – нетерпеливо повторил он. – Ты интересуешься каббалой?

– Вообще нет. – Она изумленно на него посмотрела. – Разве для того, чтобы глаголить прописные истины, необходимо быть каббалистом? По-моему, достаточно просто чувствовать очевидное и поступать в соответствии со своими ощущениями, вот и все.

– Лена, милая, если бы ты интересовалась тем, на чем я строю свою жизнь, то поняла бы, что у нас с тобой нет никакой свободы воли, и у Штукина ее тоже нет. Все сразу же, еще при рождении, известно наперед о человеке. Может, мы с тобой только и живем, что для исправления твоего мужа, испорченного деньгами и своей испорченностью приносящего вред людям, в частности тебе. Вспомни, что ты о нем говорила, как говорила, вспомни! Вот этого-то я и боялся больше всего на свете. Твоей жалости, которая подведет в последний момент, перечеркнет все планы. Скажи, что ты так за него держишься? Финансовая зависимость? Вообще нет. Совершенно ты от него независима! Тогда что? Совместно прожитые годы жизни, вроде как «не чужой человек»? Так вспомни же, наконец, что этот «не чужой» превратил твою жизнь в вечный туман, в жвачку, в скуку смертную! Он никогда о тебе не заботился, так что же ты вдруг стала такая сердобольная? Материнский инстинкт проснулся? А ты подумала о том, почему у тебя с ним нет детей?

– Он никогда не хотел, – пробормотала Лена.

– Во-о-т! А детей не хотят только от нелюбимого человека. Он никогда тебя не любил, Лена! Он не способен! Зато я вижу нас вместе, наших с тобой детей, нашу жизнь в нашем доме, о котором ты только что сказала. У нас будет счастливая, полноценная семья, я дам тебе все, что не дал тебе Костя, а у тебя взамен попрошу лишь любить меня таким, каков я есть. А я не самый плохой человек на свете, смею тебя заверить. Я умен, а это самое главное. Ты думаешь я коварный, подлый и злой? Возможно. Но кто из нас не таков? Мы все ягоды с одного поля, мы живем в этом городе желтого дьявола, мы гонимся за деньгами, и очень скоро нам становится все равно, как именно мы до них добежим, ведь главное – результат, да и цель всегда оправдывает средства.

Лена покачала головой:

– Фашистская риторика. Витечка, я, наверное, очень, очень плохой человек, раз слушаю тебя и не ухожу, хотя во мне все переворачивается от твоих слов. Знаешь, ты делай все, что считаешь нужным, только мне больше ничего не говори. Давай я буду страусихой, которая прячет голову в песок. Давай?

– Давай, – усмехнулся он, помолчал немного и неожиданно сказал: – Знаешь, вот я лежу сейчас тут, весь такой из себя злодей, а ведь стоит мне сейчас пойти на кухню, съесть, допустим, кусок колбасы, пленка от нее попадет мне в дыхательное горло, закупорит трахею, и вместо холодного моего цинизма, гордыни и небожительства я в предсмертных корчах буду молить Иисуса о пощаде и снисхождении. И потом, когда он там, у себя наверху, пряча в бороде улыбку, щелкнет пальцами и мое дыхание делается прежним, я буду выглядеть невероятно жалким и смешным. И вся фашистская риторика уйдет, как вода в песок. Все так именно и выйдет когда-нибудь, так как все мы смертны. Но мы все равно сделаем то, что задумали. Мы эгоисты, Лена. Я уже говорил, что нам есть дело только до самих себя и сейчас наш с тобой эгоизм развивается параллельно, он имеет одну природу. Не стремись казаться святой, в этом мире свои законы, а пустит нас в рай апостол Петр или нет, так ли это важно? Да и нет никакого рая, как, впрочем, и ада. Души умерших воплощаются в новых телах, и чем выше ты поднялся в прошлом воплощении, тем с более высокой точки ты начнешь свое новое воплощение. Допустим, родишься в семье короля зубной пасты или что-то в этом роде, а чем ты был ниже и подлее, тем с более низкого уровня тебе придется начать в другой жизни. Христиане не верят в то, во что верю я, а мне плевать на то, во что верят они, так как я знаю,

что я прав и просто так никакая пленка от колбасы мне в рот не попадет. А если попадет, то, значит, мне так было суждено от Творца и принимать это нужно с миром. Как и то, что сейчас я могу, наконец, стать счастливым с тобой путем ошипывания простака и болвана Штукина, корчащего из себя святошу, а на деле неспособного сделать счастливым никого. Он гораздо больший грешник, чем я, наш Костя, к твоему сведению. И не получится у тебя спрятать в песок голову. Или ты со мной, или одевайся и уходи. Одно из двух. Мне нужна моя женщина, а не сердобольная идиотка, которую ее благоверный никогда и в грош не ставил, а все равно она к нему прикипела, как ссыкливая собачонка к хозяйской ноге. Короче, что ты решила? Отвечай сейчас, и покончим с этим.

– Я остаюсь, – совсем тихо сказала Лена.

– Что? Не расслышал?! Громче!

– Я остаюсь. Я остаюсь! Так тебе лучше слышно? Ты прав, во всем прав, ты высказал мысли, которые я всегда боялась высказать, хоть и думаю так же. Мне они всегда казались низменными, ужасными. Ведь это предательство, думала я. А теперь понимаю, что это лишь забота о самой себе, о своем счастье. И я действительно не готова приносить себя в жертву, особенно такому, как Костя. Но не требуй от меня прямо вот так, сразу, чтобы я изменилась. На это уйдет какое-то время.

Картье продолжал гнуть свою линию:

– Ты будешь мне помогать?

– Да.

– Во всем?

– Да... Прекрати, это похоже на какой-то тюремный допрос!

– Иди ко мне, – сказал Картье, – еще уйма времени, и пора прекратить тратить его на болтовню. В номерах люди занимаются совсем другими делами, солнце мое.

3

И началось...

Мой бог, что только началось!

Во-первых, «R-1» подписала контракт с «МДС» в обход «Smart-soft» и стала продавать ворованный контент. На практике это выглядело следующим образом: программисты «Smart» выкладывали все ими произведенное на общий диск в Интернете. Далее Картье, который никуда не делся с прежнего своего поста у Штукина, тщательно выбирал то, что пригодится лично ему, от чего можно сразу же отказаться, а что можно продать в «МДС» от лица «Smart». Очень быстро «контент-дурилки» от «R-1» заменили те же самые от «Smart» почти на 80 %, и произошло это в течение буквально пары месяцев. Просматривая банковские выписки, Штукин с каждым днем все больше хмурился: денег от «МДС» стало приходить существенно меньше. Зато «R-1» на ворованном контенте за это время заработала около двух миллионов долларов.

Картье «плотно закорешился» с инвестиционным банкиром, спящим по четыре часа в сутки. Тот предоставил Виктору в аренду свои потайные брокерские счета в офшорных зонах Бермуд и в Доминикане.

– Предлагаю честное партнерство, – заявил банкир после двух минут общения с Картье, уяснив для себя, что имеет дело с человеком одного с собой сорта.

– Ну-ну, – усмехнулся Картье. – Поди, имеете в виду инвестиции в повстанческую армию Колумбии или в копи царя Соломона?

– Ни хрена подобного, – и глазом не моргнул банкир. – Знаете, моя деятельность в России – это так, шорох орехов. Здесь каменный век, много не поднять, почти никто не торгует на инсайде, не использует закрытую коммерческую информацию для бизнеса, так как никаких существенных слияний и поглощений не происходит, весь крупный бизнес под контролем у администрации президента и чекистов. Это не Европа и тем более не Америка. Я, по сути, веду двойную жизнь. В России я просто банкир, а мое второе дно – это система

инвестиций, основанная на получении инсайдерской информации от продажных брокеров с Уолл-стрит и целого ряда брокерских контор и банков как Америки, так и Европы. Это стоит денег, но оно того стоит. Я получаю информацию о некоторых обстоятельствах, которые приведут в скором времени к изменениям в той или иной корпорации: отставка генерального менеджера, покупка того или иного актива, решение о покупке конкурента или, наоборот, о продаже компании-неудачника компании-конкуренту со всеми потрохами. Словом – все то, что в самое ближайшее время приведет к существенному росту биржевых котировок акций этой корпорации. Я начинаю накапливать позицию, я открываю ее с офшорных счетов, и вся прибыль, мною полученная, возвращается туда же и тонет в офшорах. Никто ничего не знает, все шито-крыто, и, что самое важное, я гражданин России, под американскую юрисдикцию не подпадаю, и в случае чего никто меня не сможет засадить за решетку, никакая американская комиссия по ценным бумагам. Хотя такого случая быть не может, они мой след не возьмут никогда, – усмехнулся банкир.

– Умный вы, – искренне признался Картье. – Я бы тоже так хотел. Только не знаю, с какой стороны к этому подойти. Это же опыт нужен, он в вашем деле действительно «дорогого стоит», ха-ха. Скажите, а вы мне все это зачем рассказали? Просто так?

– Ничего не бывает просто так, – потрогал запонку банкир. – Еще чего! Предлагаю поучаствовать в одном дельце. Я на ваши деньги куплю сведения о будущем слиянии кого-нибудь с кем-нибудь, а потом, после того как все произойдет, получите доллар на каждый вложенный доллар, то есть сто процентов прибыли.

– А если ничего не получится? – с подозрением осведомился Картье.

– Тогда ничего не получите, – пожал плечами банкир.

– Тогда в чем ваша выгода?

– Я беспроцентно воспользуюсь вашими деньгами, а в случае проигрыша я просто спишу их с моего счета и верну вам, но без банковского процента за использованный период. Все, разумеется, будет задокументировано. Да вы подумайте, прежде чем отказаться или давать согласие. Если сейчас ответите, то я буду думать, что ошибся в вас и чуть было не начал иметь дело с поверхностным и импульсивным человеком.

– Пришлите мне на почту образец контракта, – холодно подвел итог Картье. – Разумеется, я должен подумать.

Спустя полтора дня он дал свое согласие. У продажного служащего банка «Goldman Sachs» за два миллиона долларов была куплена информация о будущем слиянии двух авиакомпаний – клиентов банка. Через подставных лиц банкир из России купил 182 000 простых акций компании, которая должна была в скором времени поглотить конкурента, по 23 доллара за акцию и спустя две недели, после того как произошло слияние, продал позицию из расчета по 49 долларов за акцию. Картье он вернул четыре миллиона, как и обещал, а сам заработал 732 000 долларов буквально на пустом месте, не привлекая собственных средств.

Пораженный таким успехом, Картье был в полном восторге. Он поделился своей радостью с Леной, но та лишь головой покачала.

– Что еще? – Картье был раздражен, ему не нравилось, когда в момент триумфа вдруг зафальшивит трамбон.

– Это как играть в казино на рулетке. Ставишь на «красное» или на «черное» и ждешь, трясясь каждой жилкой, куда упадет шарик.

– Ничего подобного! – высокомерно заявил Картье, в котором любовник уступил место математику. – Ничего подобного, здесь вероятность куда выше. Я стараюсь для нас с тобой, милая, так не вставляй палки своих сомнений в колеса нашей мечты.

– Так рисковать нашими деньгами! – впервые за все время она повысила голос до опасных частот, чем сперва озадачила Картье, а чуть погодя это же привело его в восторг: «Вот она настоящая, темперамент взрывной, словно пластид, ах, как же хороша!»

– Ты понимаешь, что все до поры до времени! Что это ненадежно! Деньги надо вкладывать более разумно, а у нас с тобой нет и гвоздя, нажитого совместно! Мне до тошноты надоело трахаться с тобой в машине и в отелях! Я хочу заниматься этим в своей собственной

кровати! – все более повышая голос, продолжала она и под конец вовсе сорвалась на крик: – Представь, что завтра тебя кинет твой «гениальный финансист», что Штукин прикроет твою лавочку и тебе неоткуда станет красть, что тогда? Ты не хеджируешь риски, не думаешь над новыми проектами в бизнесе. Ты увидел, как можно срубить денег, и спятил!

– Что же ты предлагаешь, Лена? – У Картье в последнее время начали сдавать нервы. Настроение менялось стремительно, то взлетая к пику ярости, то уходя в самый кончик заячьего хвоста.

– В этой ситуации кто-то должен оказаться умнее. Это я, вне всяких сомнений. Поговори с Шединым, выторгуй условия, при которых весь сервис коротких номеров от «МДС» пойдет через «R-1». Ты представляешь себе, какие это деньги?

...Раньше весь этот пресловутый смс-сервис, о котором сейчас знают все и почти все с ним сталкивались или непременно столкнутся, находился без присмотра. Короткие номера покупали у «МДС» напрямую только официально зарегистрированные юридические лица, «юрики», а лица физические, «физиики», купить ничего подобного не могли, и лохотрон еще не проник в мобильную среду. С легкой руки Лены это случилось...

Картье заявил Шедину, что он был бы совсем не против избавить «МДС» от головной боли с короткими номерами:

– Суди сам, старина! Что вы имеете сейчас от коротких номеров? Да почти ничего. Когда я говорю «почти ничего», я имею в виду саму «МДС». А вот ты, конкретно, вообще ничего не имеешь. Это неправильно. В этом сокрыто великое ментальное противоречие: «видит око да зуб неймет». А надо, чтоб кусал зуб-то. Такие дела...

Шедин буквально «задвигал жалом», как бывало с ним всегда, когда он чуял поживу:

– Что ты предлагаешь?

– Дай «R-1» эксклюзивные права на выкуп коротких номеров.

– А дальше что?

– Регулярно проверяй состояние своего банковского счета, – расплылся в улыбке Картье, – остальное не твоя забота.

Шедин положил руки перед собой, несколько раз энергично сжал-разжал кулаки, сцепил пальцы в замок, закинул руки на затылок, изогнулся, выпятив грудь, и при этом позвоночник его смачно хрустнул.

– Кха-кх, – издал он клокочущий звук, – хорошо. Ты, Витя, не «скрипишь» еще? Больно молод? Вот-вот. А «скрипел» бы, так не просил бы меня о том, чего я сделать не могу.

Картье натурально изумился:

– Но почему?!

– Не в моей власти, – сокрушенно покачал головой Шедин. – Сидоров прет вверх, он здорово набил себе цену на этом «I-mode». Теперь без его санкции я вопрос с короткими номерами тебе ну никак не решу.

...За те почти три месяца, что прошли после выставки в Барселоне, Сидоров здорово «продвинулся» в деле внедрения «I-mode». Помимо того, что он за баснословную цену выкупил у Картье права на лицензию, убедил акционеров в целесообразности «своего» проекта (именно так, «моим проектом» назвал Сидоров «I-mode» для абонентов «МДС» на совете директоров, на что проницательный господин Евтушенко шутливо погрозил ему пальцем и сказал, что отвечать в случае чего Сидоров тоже станет «в одиночку»).

– Дороговато за лицензию-то, – посетовал господин Евтушенко. – Во что же станет нам весь проект, так сказать, «под ключ»?

– Э-э-э, я минимизировал смету, и, э-э-э, вышло на круг шесть двести тридцать вместе с первой партией телефонов и рекламным бюджетом, – отрапортовал Сидоров довольно уверенно, кабы не это «э-э-э».

– Н-да... А оно нам надо вообще-то? – засомневались-заволновались акционеры. – Может быть, как-то получится обойтись меньшей кровью?

– Не получится, – уже совершенно уверенно, полностью владея собой, заверил их пока еще обличенный их доверием Сидоров. – Я все указал в обосновании, привел все расчеты по

прибыли. Мы выйдем в ноль уже спустя полтора месяца с момента запуска сервиса. И конкуренты, между прочим, не дремлют. У меня есть обратная связь из «DOCOMO». Тем, что уже принадлежит нам, интересовались и «Гигафон» и «Дилайн». А раз так, то, значит, они в состоянии активного поиска чего-нибудь аналогичного «I-mode» и, смею заверить, найдут. «МДС» всегда была первой, нам нельзя терять пальму первенства. Мы флагман, на который равняются все остальные. Положению надобно соответствовать.

На том и порешили. Из шести с лишним миллионов Сидоров украл около трех. «МДС» провела презентацию для клиентов в недостроенной на тот момент башне «Федерация». Во время презентации каждый из приглашенных получил в подарок «телефон с кнопкой» – встроенной функцией быстрого выхода в Интернет. Телефон больше ничего не «умел», только выходил в Сеть, и не так чтобы очень быстро и с ограниченными возможностями просмотра контента. Многие не скрывали своего разочарования.

– Ничего особенного, – фыркнул Шувариков, основатель крупнейшей сети салонов связи «Европа-сеть», которая тогда еще торговала контрактами «МДС».

Вившийся рядом, аки коршун, Виктор Картье немедленно упал камнем с небес на цель:

– Все верно, Жень! Мне куда больше нравится «opera-mini». По крайней мере, ради нее не надо менять телефон. Приложение встроено, телефон имеет гораздо больше функций, чем это дерьмо с кнопкой. Ну кто, скажи мне на милость, станет менять свой аппарат на этот?

– Дураков мало, – согласился с ним Шувариков, – но за двадцать процентов я, так и быть, этим поторгую. Двадцать процентов, – повторил он, – не меньше. К тому же я слышал, у «Дилайна» вот-вот появится, если уже не появилось, гораздо более эффективное предложение.

Картье и Шувариков стояли и спокойно беседовали, когда к ним с бокалом шампанского подошел разгоряченный и довольный тем, как складывается вечер, Сидоров.

– Ну как вам все?

– Мило, Василий Каримович, – иезуитски улыбнулся Картье. – Вам, вероятно, хотелось бы поговорить с Евгением тет-а-тет? Что ж, не смею вам мешать. К тому же у меня дела...

И потихоньку, бочком-бочком Картье с презентации испарился. Поэтому он не застал скандала, который разгорелся спустя несколько минут от начала разговора Сидорова с Шувариковым.

– Как вам наша новая услуга, Евгений? – осведомился у миллионщика Шуварикова Сидоров. – Когда думаете начать продавать контракты с «I-mode»? У нас в принципе все готово, дело за вами. Вы наш ключевой и самый любимый клиент, вам партия телефонов будет отгружена в первую очередь.

– Это очень широкий жест с вашей стороны, дорогой Василий, – «с язвой» отвечал Шувариков, который Сидорова недолго любил. – Но я не могу начать торговать вашим новым продуктом, пока не будет заключено новое дополнительное соглашение к дистрибьюторскому договору.

– Соглашение о чем, позвольте осведомиться? – не понял Сидоров.

– О фиксации маржи на уровне 20 процентов, – делано зевнув и прикрыв рот рукой, спокойно ответил Шувариков. – Я не верю в эту штуку с кнопкой, поэтому хочу получать с нее особый процент, тем более что это позволяют сделать условия моего кейса и ничего сверхъестественного я не требую.

Сидоров немедленно вспотел, шампанское ударило ему в голову:

– Знаете, это уже слишком! Я просчитывал проект исходя из ваших стандартных условий! Контракт не может стоить выше того, что он может стоить, поэтому маржи в 20 процентов никак не может получиться. Мы не можем давать вам одну скидку, а все остальным гораздо меньшую. Почему вы не хотите работать на прежних, стандартных условиях?

– Потому что они мне надоели. Это плохие условия, – эпатажный Шувариков поковырял в носу, что-то там нашел, вытащил и принялся катать меж пальцев, – я работаю с «МДС» за 2 процента и не могу сказать, что меня это хоть сколько-нибудь устраивает. Обслуживание бизнеса в этой стране постоянно растет, а ваша премия мне, как вашему дистрибьютору, нет.

Дайте хоть на этом динозавре заработать. – И он кивнул на огромный рекламный плакат с изображением телефона с «I-mode» за спиной Сидорова.

Тот вспыхнул:

– При чем тут... «динозавр»?! Это передовая японская технология, и я не позволю...

– Вася, – панибратски хлопнул Шуварики Сидорова по плечу. – Запомни одно, старичок, никто не станет делиться с нами своими именно передовыми технологиями. Все, что попадает к нам сюда, – это уже отработавшее свой век дерьмо. Мы страна подержанных автомобилей, прошлогодних миланских распродаж и невкусных бананов. А ты хочешь сделать ее еще и страной однокнопочного Интернета, который никому особенно не нужен. Двадцать процентов, – отрезал Шуварики и, не пожав руки разгневанному президенту «МДС», отошел от него, тут же угодив в цепкие лапы Муртазина, которому дал откровенное интервью, где передал слово в слово свой разговор с Сидоровым. Картье уничтожил Сидорова, профессионально спровоцировав Шуварики. После того как он слово в слово рассказал обо всем произошедшем Шедину, тот с уважением пожал Виктору руку:

– Послушай, ты точно не служил в том же ведомстве, что и я? Таким методам учили в лесной школе: шпионаж, агитация... Очень похоже действуешь, словно по учебнику.

Картье гротескно перекрестился и покачал головой. Не любил он вспоминать о том, что было словно и не с ним: наполовину сгоревший девятиэтажный дом, рядом такой же, чуть более целый. Прицельный огонь снайперши сквозь выбитый проем одного из окон на последнем этаже... Виктор тряхнул головой, отгоняя досадное, полустертое воспоминание. Нет, нигде он никогда не служил...

Кто знает? Быть может, если бы не «I-mode», то торговала бы «Европа-сеть» контрактами «МДС» и по сей день. А так... На следующий день вышла статья Муртазина в «Коммерсанте», затем ее перепечатали еще несколько авторитетных СМИ. Называлась статья «Дистрибьютор против «МДС»-интернета». Журналист размазал и высмеял «этих «внедрил» из «МДС», пытавшихся «внедрить с оптимизмом вчерашний день». Статья сделала свое дело. Большинство клиентов в массовом порядке стали отказываться продавать «однокнопочные» телефоны, а Сидоров почувствовал, как в его шею с хрустом входит топор палача. Предчувствия его не обманули...

4

Шедин подготовил очень подробную «записку» на имя самого господина Евтушенко, где в качестве свидетеля и непосредственного участника событий указал высокопоставленного сотрудника компании «Smart-soft» собственной персоной с его, разумеется, согласия. Под «высокопоставленным сотрудником» по замыслу Картье должен был выступать Штукин, который об этом, разумеется, ничего не знал и не мог знать. Сам Картье в «записке» не фигурировал, но готовился дать по ее содержанию исчерпывающий комментарий как «человек, который видел все и везде присутствовал».

«Также вызывающим серьезнейшее сомнение в профессиональных способностях господина Сидорова В.К., – писал Шедин в стиле профессионального доносителя, – остается тот факт, что он безо всяких сомнений и не наводя справок о подлинной стоимости лицензии, которую первоначально запросила у перекупщика японская сторона, выплатил за эту лицензию компании «Smart-soft» сумму, более чем в двенадцать раз превосходящую изначальную, причинив «МДС» серьезный материальный ущерб. Стоимость внедрения сервиса «I-mode» при изначальном более чем невысокой стоимости (прилагаю справку с расчетами экспертов «NTT DАСОМО») в 1700 тысяч долларов США радиением Сидорова В.К. перевалила за 6,5 миллиона долларов США. Таким образом, остается неясной судьба более чем двух миллионов долларов США, и я, как человек детально проанализировавший сложившуюся ситуацию, имею все основания утверждать, что эти деньги были Сидоровым присвоены».

Поставив свою подпись в конце «записки», Шедин через стол передал листки Виктору:

– Перечитай. Может, скажешь, что надо кое-где исправить.

– Угу. – Картье внимательно перечитал текст несколько раз, пожал плечами. – Со всем согласен. Что же ты теперь намерен делать?

– Намерен как можно быстрее, с курьером, отправить эту записку Евтушенко. Немедленно. Электронной почтой такие документы не доверяю. А к курьеру приставлю, пожалуй, охранника. Так надежней. Пусть отвезут на моей машине.

– Курьер с копеечной зарплатой в приемной самого Евтушенко... – задумчиво почесал кончик носа Картье. – Несolidно, Дима.

– А что ты предлагаешь? – встрепнулся Шедин. – Мне самому, что ли, поехать?

– Именно, твою мать! – вскричал Картье. – Ты бравируешь своим чекистским прошлым, а того не понимаешь, что у тебя в руках бумеранг! Ну включи же мозги, представь ситуацию, когда записка с курьером приходит в приемную и ложится на стол секретарше. А эта самая секретарша, допустим, спит с Сидоровым. А что? В жизни все бывает! В итоге мы здесь сидим, ожидаем результатов, а Сидоров, прекрасно осведомленный о наших планах, готовит контрудар! Конечно, маловероятно, что президент «МДС» спит с секретаршей, может с ней спит сам Евтушенко, но чем черт не шутит! Или представим себе, допустим, что Евтушенко, прочитав записку, решит сперва вызвать Сидорова и потолковать с ним? Или, что вполне естественно, поручит это дело службе безопасности, а те разведут волокиту месяца на три, и никакого блицкрига у нас тогда не выйдет. Ты что! Какой там курьер?!

– Что же тогда? – осведомился взволнованный Шедин, хорошо представивший себе картину, нарисованную Виктором, и полностью с ним согласный.

– Звони ему сейчас же, напрямую. Говори, что у тебя срочное, важнейшее дело. Намекни, что дело это касается растраты в крупных размерах, что есть свидетель, то есть я. Напрашивайся сегодня же на прием!

– Думаешь, примет? У него же встречи на месяц вперед расписаны, это ж какой человек! Картье, словно щит против возражений, выставил перед собой раскрытую ладонь:

– Потеря таких денег – это несомненный повод перенести любую встречу. Что может быть важней? Тем более человеку, которому эти деньги и принадлежат. Верней, принадлежали, существенная поправка.

Картье действовал, словно искушенный в своем ремесле огородник: он сноровисто ухватил за кудрявую ботву репу сорта «Сидоров», а уж в тачке у него лежала, томилась в ожидании репа новая, сорта «Шедин».

«Только бы он не позабыл меня сразу после победы. Так часто бывает, что о союзниках предпочитают не вспоминать, – с опасением думал Картье, поглядывая на взволнованного Шедина. – Хотя куда он без своего злого гения? Слава богу, он управляет, этим нужно пользоваться».

– Ну так что ты медлишь? – голос Картье вернул Шедина из раздумий. По всему выходило, что Виктор прав.

– Ладно. – Шедин позвонил секретарше: – Соедини меня с приемной Евтушенко, скажи по срочному вопросу.

– Странный мы народ, – обобщая, негромко сказал Картье, – сами из мобильного мира, а соединяемся через секретарей, как будто нельзя ему на мобильный позвонить.

– Ага. Ты бы еще Господу Богу попробовал на мобильный позвонить. – Шедин хотел было ухмыльнуться, но вмиг лицо его сделалось все сплошь одно почтение. В трубке раздался энергичный голос господина Евтушенко, Шедин по знаку Картье переключил на громкую связь, и, по мере того, как развивался этот разговор Виктор наблюдал занятную картину; голос Шедина креп, голос Евтушенко из уверенного, спокойного становился все более нервным и злым.

– Так. Понятно. Этот твой свидетель, он где? – не дослушав до конца и придя в состояние, близкое к ярости, спросил Евтушенко у Шедина.

– Он неподалеку, – уклончиво ответил Дима Шедин-хитрец, – в любой момент могу позвать.

– Сейчас же оба ко мне. Сейчас же! Могу свою машину отправить, – предложил господин Евтушенко.

– Мы быстрее на своей доберемся! – демонстрируя служебное рвение, ответил Шедин. – Максимум через полчаса будем у вас!

– Жду! – рявкнул господин Евтушенко и бросил трубку.

– Ну, Витька, все! Назад теперь дороги нет, – патетически воскликнул Шедин, а Картье с извечной своей внутренней насмешкой подумал: «Это у кого как, старина».

...Евтушенко принял их незамедлительно. Картье навсегда запомнил суетливые глаза его секретарши, ее искреннее желание угодить важным гостям, о которых шеф справлялся два раза: «пришли, не пришли?» – небывалый случай. Так было только однажды, когда к господину Евтушенко должен был пожаловать новый министр связи.

Господин Евтушенко, внешне довольно приятный человек с большой биографией за плечами, с манерами придворного европейского двора позапрошлого столетия, разговаривал по телефону. Вошедшим молча указал на диван, те сели, перед ними поставили кофе, вазочку с печеньем – все по протоколу. Картье спросил для себя лимон: почувствовал прилив крови к голове, организм реагировал на стресс, повышалось кровяное давление, лимон в таких случаях всегда хорошо помогает. Поддел на вилочке сразу три кружка, прожевал, глотнул эспрессо, стало гораздо легче.

– Бумага при вас? – Евтушенко кивнул им, словно старым знакомым. Рассчитывать на большее и не стоило.

– Вот. – Шедин сглотнул ком, почтительно приблизился и через широченный стол итальянской работы подал небожителю записку. Тот погрузился в чтение, положив лоб на ласточкин хвост между большим и указательным пальцами и прикрыв ладонью глаза, так что реакции его они не видели, но по дважды дрогнувшим плечам, можно было догадаться, что Евтушенко содержание записки «проняло». Он дочитал все до конца, даже заглянул зачем-то на пустую сторону последнего листа, отложил документ в сторону, поднял очки, помассировал основание переносицы.

– Откуда сведения? – спросил.

– Это был мой проект, – начал Шедин, – я хотел представить вам и совету директоров готовую концепцию, истратив на лицензию максимально ту сумму, которая фигурирует в моей записке, как выплаченная компанией «Smart-soft» японцам, то есть 200 тысяч долларов. Но Сидоров меня на выставку не отпустил, мою идею украл и принес чистого убытка... Да вы и сами все прочитали, я не хочу повторяться. Господин Евтушенко, я вас уверяю, что это отнюдь не мое сведение счетов с Сидоровым, ни в коем случае. Вот со мной рядом Виктор Картье, он подтвердит достоверность моих слов.

– Ну так пусть говорит. Чего ты за него-то? Чай он не немой, – блеснул очками Евтушенко и обратился к Картье: – Мне ваше лицо кажется знакомым. Где же мы с вами виделись... Пойдите-ка! А не мог я вас видеть в приемной у замминистра московского правительства Черницына полгода тому назад?

– Я был там. – Картье встал и поклонился. – Я тогда работал в... – он назвал компанию Вадима, – занимался согласованием размещения громоздких рекламных конструкций в центре города.

– На уровне замминистра? – спросил Евтушенко и сам себе с одобрением ответил: – Похвально, похвально. И как?

– Согласовал, – развел руками Картье, так, словно это была скорее его вина, нежели достижение. Он знал, что сильные мира сего ценят покорность и скромность, считая лишь свои деяния великими, а весь прочий труд муравьиным копошением наемного персонала.

Рабы не должны заниматься самовосхвалением, они должны работать, не поднимая головы. За них есть кому улыбаться под софитами и пожинать плоды.

– Ну что ж, скромность не порок, – одобрительно сказал Евтушенко, и Картье мысленно поставил себе плюсовой балл.

– Так что, выходит все так и было? – резко щелкнул бичом Евтушенко. – Все, как тут

написано?

– Знаете, я не знаю, что именно там написано, я не имею привычки читать документы, которые для меня не предназначены, – невозмутимо отвечал умнейший Картье. – Но суть дела мне понятна, речь идет о растрате корпоративных денег, не так ли?

– Точно так, – еще более одобрительно кивнул господин Евтушенко.

– В таком случае я подтверждаю и готов буду свидетельствовать, что именно мой бывший шеф Константин Штукин совместно с вашим сотрудником Сидоровым Василием Каримовичем вступил в сговор, по которому компания Штукина приобрела за 200 тысяч лицензию в «DOCOMO», а затем перепродала ее в «МДС» за 2,5 миллиона долларов США и дельту в 2,3 миллиона Штукин обналичил и выплатил Сидорову, возместив также проценты по обналичиванию денег, а точнее, восемь процентов. Штукин пошел на прямые убытки в обмен на гарантии со стороны Сидорова существенно расширить позиции «Smart-soft» как поставщика мобильного контента.

– В таком случае, – Евтушенко вносил овладел запиской и принялся листать ее слегка выпятив челюсть, – в таком случае речь идет о сумме гораздо большей, чем здесь указано. Слышал, Дима?

– Да, понял, – послушно кивнул Шедин. – Я написал, о чем знал. Вот свидетель. Мы с ним не сговаривались. Я и представить себе не мог, что в этом деле есть еще и это. Честно, не знал.

Евтушенко нажал на кнопку телефонной станции:

– Беклемищева ко мне пригласите.

По тому, как дернулся Шедин, Картье понял, что этот Беклемищев важная птица. Предчувствия его не обманули.

– Сейчас здесь будет начальник СБ, – хмуро сказал Евтушенко. – Пойдете с ним, все расскажете, что только что сказали мне. Он все перепроверит. Быстро. Он умеет. До этих пор ни одна живая душа ничего знать не должна. Я надеюсь, это понятно?

– Так точно! – словно на плацу, в унисон гаркнули Картье и Шедин. Евтушенко скривился:

– Оставьте свои армейские замашки. Не люблю я этого. Не выслуживайтесь излишне. Я все и так вижу. Черт побери, ну и дела...

Спохватившись, что он только что сболтнул лишнее, Евтушенко наградил обоих рукопожатием и велел подождать в коридоре. В дверях Картье и Шедин разминулись с подвижным, сухоньким, неприметным мужичком возраста «крепко за пятьдесят». Это и был генерал-лейтенант в отставке Беклемищев. Сделав карьеру в одном из отделов КГБ, он возглавлял СБ всего огромного холдинга господина Евтушенко, и считалось, что отменно справлялся со своими обязанностями. Предотвратить сидоровские художества он своевременно не смог, что-то не срослось, и финансовая отчетность не была вовремя его департаментом проанализирована. Сейчас он был полон желания выслужиться перед хозяином и его приказ бросился выполнять с троекратным рвением.

Перво-наперво он самым подробнейшим образом допросил Картье и Шедина. Шедин говорил правду, к тому же Беклемищев испытывал к нему известную коллегияльную симпатию как к бывшему сослуживцу. Картье лгал, но ложь его столь удачно дополняла правду Шедина, что выглядела абсолютно правдоподобной, а Беклемищеву только того и надо было. Как спел однажды Высоцкий, «он выволок на свет и приволок подколотый, подшитый материал» и спустя три дня доложил господину Евтушенко о том, что все изложенное в записке является сущей правдой, а Сидорова необходимо немедленно «изолировать» из опасения, что тот может скрыться.

– Не надо никого изолировать, мы публичная компания и закон уважаем, – заявил Евтушенко в ответ на ретивость своего верного пса. – Ты бы, генерал-лейтенант, лучше в оба глядел. Скажешь, не твоя вина, что такое неслыханное воровство было допущено прямо у нас на глазах?

– Виноват, господин Евтушенко, – преданно глядя в глаза боссу, чеканил начальник

СБ. – Прошу вашу санкцию на арест Сидорова и Штукина, как непосредственного взяточдателя.

Евтушенко был человеком не злым, но очень не любил, когда кто-то запускал руку в его карман.

– Ступай, я подумаю, – сказал он, качнув головой на поклон Беклемищева, и погрузился в невеселые размышления. Он не хотел выносить этот вопрос на заседание совета директоров, так как видел: ему предоставился прекрасный шанс продемонстрировать всем свою железную волю и решить этот вопрос королевским решением «Казнить. Нельзя помиловать».

На следующий день сотрудники Следственного комитета при прокуратуре РФ арестовали Сидорова и Штукина и заключили их в следственный изолятор Лефортовской тюрьмы. Круг замкнулся. Картье победил и ни разу не вспомнил поговорку «Somebody won, game is not over».

5

Лена плакала, перед ней стоял стакан с водой. Картье нервно курил на кухне штукинской квартиры. Он ожидал чего-нибудь такого, но ее слезы делали погоду в его душе пасмурной и насыщенной электричеством. Вот-вот готова была разразиться настоящая гроза, он сдерживался из последних сил. Виртуозная комбинация, придуманная им, чудовищный план, воплощенный в жизнь, принесли свои плоды. Во всяком случае, Картье считал его полностью реализованным, а к Лениным эмоциям уговаривал себя относиться лишь как к досадным издержкам, к побочному действию при радикальном лечении, без которого никак было не обойтись.

– Жалость, будь она трижды проклята, – плюща в пальцах сигарету, заговорил Картье. – Какого черта, милая? Ведь мы все это не раз проговаривали, и ты как будто не была против. Теперь тебе только и осталось, что принести в загс справку об аресте и возбуждении уголовного дела против твоего мужа, и вас немедленно разведут. Справку я для тебя организую, это просто. Да что ты ревешь-то, в конце концов?!

– Не кричи на меня. – Лена, всхлипывая, давясь слезами, сделала несколько глотков воды, и ей как будто стало немного легче. – Да, я не была против, но я не могла себе представить, что все произойдет именно так. Ведь он же ни в чем, ни в чем не виноват, ты же это знаешь! То, что ему собираются пришить, – это неслыханная клевета!

– Вот как? – Картье вдруг стало страшно, что сейчас она, чего доброго, скажет, как она на самом деле всегда любила одного лишь Костю и теперь сделает все от нее зависящее, чтобы восстановить справедливость и даровать узнику свободу. Поэтому он выбросил недокуренный окурочок прямо в форточку и, уже не расслышав негодующего вопля какого-то почтенного гражданина, которому этот окурочок угодил аккурат за шиворот, опустил перед ней на колени, протолкнул голову под ее руки, лбом уперся в живот:

– Еничка, милая моя, солнце мое, счастье мое, ты хочешь, чтобы в твоём животике кто-нибудь поселился? Давай поговорим о нашем будущем, зачем вспоминать о прошлом да еще и так убиваться. Да, человеческий организм забавная штука, он блокирует в памяти модули, помнящие о неприятностях, и заставляет память воспроизводить лишь приятные картины прошлых дней. Ты сейчас просматриваешь их непрерывной чередой. Подозреваю, что давным-давно начались повторы. Зачем ты все время заставляешь меня возвращаться к мысли, что ты все еще любишь его?! – дико ревнуя и уже не в силах сдерживать себя, прорычал Картье, и это окончательно привело Лену в чувство. Она вздрогнула, очнувшись, увидела, что он стоит перед ней, что он в ярости и вот-вот чуть и расплечется сейчас (у него дрожали подбородок, такого она еще не видела).

– Что с тобой, Витечка?

– Я люблю тебя. Я, понимаешь?! А ты любишь миражи прошлого! Нету там ничего, в прошлом-то! Ты от него ушла ко мне, ты моя и телом и душой, мы как две половинки, неужели ты все еще не увидела, не поняла этого? Таким бог награждает, поэтому все так и срослось

удачно да замечательно для нас. А если его награду отвергнуть, если попытаться поиграть в мораль, которая для каждого своя, а может, ее и вовсе нет, то он свою награду отзовет, и мы оба так пожалеем о том, что сделали по собственному недомыслию, что только и останется нам с тобой, что выть на луну, да и то по отдельности. Нет нас, значит, ничего нет, ничего не нужно: ни денег, ни бизнеса, ни куража этого московского, ни-че-го. Почему тебя тянет туда, где было плохо, Лена? Что у тебя со мной? Неужели только секс и больше ничего?

– Нет, – спокойно ответила она. – Не только секс, Витечка. И ради бога успокойся. У нас с тобой страсть, а с ней иногда тяжело совладать, вот и трясет на ухабах. Ну, конечно же, мне его жаль. Я все понимаю, но в тюрьму-то за что?! Что он такого сделал?

Он порывисто вскочил, поднял ее, обнял, принялся гладить по голове, по мокрому от слез лицу, приговаривая:

– Это такая страна, Ленка, это такая страна. Здесь сперва сажают, а уж потом думают, какую статью вменить. Вот видишь, насколько вы всегда с ним были далеко друг от друга? Ты считаешь его непогрешимым, но ведь он там, в тюрьме, и, воля твоя, дыма без огня не бывает. Значит, что-то было, что-то он такое натворил втайне от тебя, от нас. Я слышал краем уха...

– Что? – встрепелась она. – Что ты слышал?!

– Так... Ничего конкретного... Лефортово непростая тюрьма, там много сидят по разным редким статьям, например за шпионаж...

– Шпионаж! Но как такое может быть?!

Он понял, что перегнул палку:

– Это я просто ради примера... Там сидит много бизнесменов по обвинениям в экономических преступлениях. Знаешь, ты напрасно считаешь, что я такой вот бездушный мерзавец и мне наплевать, что мой друг, коллега и начальник сейчас мается на нарах. Я узнавал насчет внесения залога, но мне сказали, что по такой статье внесение залога исключено. То есть его не выпустят. А больше мне ничего не сказали. Одно только ясно как божий день – его посадят. – Картье добавил твердости в голос: – И все можно потерять, всего лишиться, если сейчас раскиснуть и не взять бизнес в свои руки. Надо срочно ликвидировать «Smart-soft», немедленно! И уж относись к этому, как хочешь, но тебе совершенно необходим мировой судья.

– Зачем? – не поняла его Лена, которая чувствовала себя худо и неважно соображала.

– Затем, что тебе с Костей надо как можно быстрее развестись. Иначе и тебя могут...

– Что?! Что «могут»?!

– Лена, это такая страна, – повторил Картье, – лучше все обрубить сейчас, пока не пришли и все не забрали. У бывшей жены это будет сделать весьма затруднительно. Лена, это действительно нужно сделать немедленно. У меня есть тут один «мировой» на примете, я сам пользовался его услугами. Лучше всего будет сейчас поехать к нему, а потом в офис, вызвать юриста, финансового директора. Пусть немедленно закрывают компанию. Едем?!

– Господи, да что же это? Как же...

– Ты снова за свое?! – вскричал Картье. – Ну сколько можно-то?!

– Едем, Витечка, – голос ее дрожал. – Я очень хочу, чтобы все это поскорей закончилось.

– Слава богу, это зависит только от нас, – улыбнулся Картье.

6

Все и впрямь свершилось быстро, дня в три. «Smart-soft», славная компания с добрым именем, с почтенной историей, была смята, скомкана, словно бумажный листок, и выброшена в мусорную корзину. Ее счета были обнулены, ее имущество испарилось, но это, разумеется, лишь на бумаге. На деле же вывеску «Smart» поменяли на вывеску «R-1», без ложной скромности унаследовавшую все активы уничтоженной компании. Лена развелась с узником, которого благодаря личному вмешательству Беклемищева упрятали столь хорошо, что даже свиданий ему было не положено, и родители Кости, вмиг постаревшие, тщетно пытались добиться встречи с сыном или, по крайней мере, передать что-то через адвоката. Адвокат был

назначен тюремщиками «из своих»: записок не передавал, отделялся односложными предложениями вроде «ведутся следственные действия», «с подзащитным все в порядке», «подзащитный чувствует себя хорошо».

– Как же хорошо? – волновалась мать Кости. – У него гипертония, ему уход нужен!

– Все в соответствии с процессуальными нормами, – невозмутимо отвечал адвокат, – ваши опасения беспочвенны.

Больше от него ничего невозможно было добиться.

«МДС» искала свои деньги, и часть их, та, которая действительно была украдена неведучим Сидоровым, была возвращена, а та часть, что была выдумана Картье, также вернулась в «МДС» в виде личного имущества Сидорова и его родственников. Что и говорить, Беклемищев умел взыскивать долги.

Штукин, до которого донеслись обрывки новостей с воли, вдруг потерял всякую способность к сопротивлению. Получив на руки уведомление о разводе (вот уж об этом-то паскудный адвокатишка позаботился, будьте покойны), он впал в состояние крайней подавленности, и вскоре от него отстали даже бывалые сокамерники, «тянувшие срока» за настоящую уголовшину.

– Тяжко мужику, – говаривали они, – вон как мается. Жена продала. Эх, нет баб, одни суки.

Сидоров начинал свой день в тюрьме с размышлений о высоком. Ему нечего было опасаться. «Освобожусь лет через пять, – рассуждал Василий Каримович, – выйду на свободу, съезжу в Красноярск, заберу заначку и махну в теплые развивающиеся страны, налаживать там телеком-услуги. Я еще пригожусь». Так впоследствии и вышло. Судьба «заначки», вернее то, при каких обстоятельствах она была Василием Каримовичем создана, так до конца и не выяснена. Да и неважно это. Свинья найдет грязь, лихач угодит в свой кювет, а вор непременно украдет. Впрочем, говаривали о якобы доставшейся Василию Каримовичу по наследству картине Веронезе, но никто этой картины, разумеется, в глаза не видел и представления не имеет, что такое там изображено. Черт его знает, а может, и была картина. Неважно уже.

Господин Евтушенко после некоторого раздумья назначил и.о. президента «МДС» Дмитрия Шедина. Картье приехал его поздравлять и, как он выразился, «по случаю коронации» преподнес поистине королевский подарок – наручные часы «Cartier» стоимостью шесть миллионов рублей с чилийскими бриллиантами и в корпусе из платины.

– Это чтобы вы, ваше величество, нигде не опаздывали. Вам теперь как никогда важно знать точное время, – шутливо сопровождал он свой подарок и уже серьезно прибавил: – Дим, у нас с тобой теперь только одна дорога и та вместе. Мы теперь друг без друга никуда. Я не люблю напоминать, но все надо проговаривать, это бизнес. Я надеюсь, что ты никогда не забудешь, какую роль в твоей карьере сыграл скромный однофамилец этих часиков.

– Виктор, дорогой, о чем ты говоришь?! Ты для меня словно отец родной, – ткнул себя для пущей убедительности кулаком в грудь Шедин, – проси теперь, что хочешь.

– Ну, так-то не стоит, а то ведь и обкакаться можно, если все, что хочешь-то, – деловито парировал Виктор. – Давай-ка поговорим о коротких номерах. Теперь-то нет препятствий, не так ли?

Спустя некоторое время «R-1» стала единственным партнером «МДС» по распространению сервиса коротких номеров, целиком выкупив у «МДС» эту опцию. То есть никто, кроме «R-1», не мог, как раньше, прийти непосредственно в офис «МДС», заполнить все необходимые формы и получить номер из 4 цифр в коммерческое пользование. И, если раньше в случае использования такого номера с какими-нибудь недобросовестными целями (например, за обман, когда стоимость платного эсэмэс-сообщения указывалась в 10 рублей, а со счета абонента списывалось 100) афериста привлекали к ответственности, изымали с его номера всю полученную незаконным образом прибыль, разрывали с ним контракт, то теперь, с появлением «R-1», эсэмэс-мошенничество приобрело массовый характер. Компания Картье торговала номерами направо и налево, «в черную», совершенно не интересуясь подлинными

документами приобретателя. Множество коротких номеров были зарегистрированы на украденные паспорта и по документам мертвых душ. Именно благодаря этому появилась возможность оплачивать платный порнотрафик, в том числе и с детской порнографией, посредством СМС, получая ответное СМС с кодом доступа к мерзости. При этом половина прибыли, получаемой порнодилерами, возвращалась в «R-1», а из этой половины, в свою очередь, половина шла на секретный счет Шедина, открытый хитрым инвестиционным банкиром. Все это были колоссальные деньги, и Шедин лишь для виду бушевал, когда «МДС» получала новую жалобу на действия «лохотронщиков» со стороны очередного непуганого идиота, понадеявшегося на почти бесплатный сыр в мышеловке.

Муртазин, которого так и подмывало написать обо всем происходящем в большой прессе, однажды, как он думал, «по старой дружбе», напросился к Картье на прием, и тот принял его, здраво рассудив, что лучше дружить с прессой, чем ее сторониться и давать поводы для излишних сплетен и домыслов. Но стоило Муртазину начать задавать свои неудобные вопросы, Картье вышел из себя и чуть было не набросился на журналиста с кулаками:

– Послушайте, вы! О какой еще нежной дружбе с бывшей женой моего бывшего начальника идет речь?! Вы в своем уме? Да я по сию пору стараюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы законным путем добиться смягчения приговора суда!

– Но приговора-то еще не было, – вкрадчиво продолжил Муртазин, – приговор только по решению суда, а до него, говорят, далеко. Дело-то говорят, мутное.

– Да кто вам такое сказал?! – взвился Картье и тут же пожалел об этом. Муртазин мигом «срисовал» его реакцию, лицо его осветило предвкушение сенсации и столь любимого прессой «журналистского расследования». Он предвкушал статью в журнальный разворот с затейливой картинкой: фотография Картье, половина лица закрашена белым и поверх надпись «Кто вы, мистер Картье?». Но честолюбие Муртазина было куплено Картье, который молча достал из ящика стола пачку в сто тысяч рублей, завернул ее в лист бумаги и брезгливо, через стол подвинул Муртазину со словами:

– Усмирите вашу фантазию, дружище. Больше я вам не дам, а неприятности, в случае коли ваше любопытство не уймется, я вам гарантирую.

Муртазин взял деньги:

– Покорнейше благодарю. Если чем-то смогу быть полезен, вот моя карточка.

– Вы мне уже давали один раз, – делая отводной жест, процедил Картье. – Тогда, в Барселоне. Не лезьте не в свое дело. О большом бизнесе либо хорошо, либо ничего.

– Как о покойнике, – усмехнулся журналист.

– Не смею вас более задерживать, – услышал он вместо ответа...

...Картье очень быстро изменился: выражение его лица приобрело вид уверенной независимости, он приобрел «Mercedes S» в самой роскошной комплектации вместе с водителем и, особенно не торгуясь, квартиру в Пожарском переулке окнами в тихий двор с липами. Здесь после основательного и баснословно дорогого ремонта он поселился вместе с Леной. Они подали заявление в загс и начали готовиться к свадебной церемонии, даже заказали венчание в Елоховской церкви. Прежнюю квартиру Штукина по условиям развода пришлось разменять, да и не хотел Виктор жить в доме, где все напоминало о человеке, которого он обрек на тюремные страдания, сделав жертвой своей тонкой и подлейшей игры. Все складывалось для Картье более чем удачно: механизм «R-1» шел, словно швейцарские часы, без сбоев, бизнес работал, и бизнес этот требовал расширения. Появлялись все более изощренные схемы эсэмэс-мошенничества, от которых Картье всякий раз публично отнекивался и вяло обещал «разобраться с виновниками», ничего, по сути, не предпринимая, так как заработки были все более космическими. Отказаться от того, чтобы содрать с простака триста-пятьсот рублей за «скачанную прогу-сканнер, чтобы видеть телок без одежды на экране телефона», было невозможно. Мобильное интернет- и эсэмэс-мошенничество велико, как океан. Тут и там появлялись новые варианты лохотрона. Картье придумал забавную вещь: взяв базу корпоративных номеров «МДС», он договорился с одной из компаний «web-денег»,

и вскоре обладатели корпоративных номеров получили СМС следующего содержания: «Отправь СМС стоимостью 1,5 доллара на короткий номер и получи на свой счет в «web-деньги» 1 доллар». Многие нерадивые сотрудники – арендаторы корпоративной связи – украли таким образом огромное количество денег у своего работодателя, ибо чем больше компания, тем меньше там кого-либо волнует незначительное увеличение общего счета за мобильную связь в конце месяца – скажем, долларов на пятьсот.

Над всем этим возвышался тандем «МДС» – «R-1», обладающий полным иммунитетом от претензий со стороны потерпевших. Закона в этой области не существовало. Не существует он и до сих пор. И не будет существовать, покуда очередной министр связи не прекратит кататься на поклон к господину Евтушенко. Не появится закон до тех пор, покуда не перестанут думские лоббисты топтать его ногами и тормозить саму идею его. Это такая страна. В ней есть люди, у которых есть деньги, есть элита, живущая за счет девчонки из техникума, тратящей жалкую стипендию свою на «прикольные рингтончики», за счет прышавого юнца, ни аза не смыслящего в технике и бездумно качающего «прогу-сканнер», живущая за счет простаков, отдающих ей, элите, те гроши, что элита позволила им заработать. «Дай ему сегодня медный грош, чтобы он не подох с голоду и завтра заработал для тебя золотой», – вот правило, которому элита следует неукоснительно, и до тех пор, пока она не перестанет ему следовать, опасаться ей нечего. Ничего не изменится. Народ что стадо, и абсолютным преимуществом всегда будет обладать пастух.

Картье смущало, что весь его бизнес, по сути, зависел от единственного клиента – «МДС». Случись что с Шединым, и все бы рухнуло в одночасье, в этом сомневаться не приходилось. Конкуренты горячо ненавидели «R-1» и только и ждали ситуации, при которой им можно будет взять реванш.

Картье позвонил Нечипоруку из «Гигафона» вечером в субботу, когда тот менее всего был расположен говорить о делах. Нечипорук находился в своей арбатской квартире, где совершенно один, имея из одежды лишь залитые пивом семейные трусы,пил это самое пиво на кухне перед небольшим настенным телевизором и смотрел футбольный матч. Он любил отдыхать именно так. Будучи огромного, около двух метров, роста, нося на себе килограммов шестьдесят лишнего веса, Нечипорук не любил суеты, был в меру ленив и не понимал клубных изысков и прелестей активного отдыха. С книжкой его также никто и никогда не видел. А вот футбол и пиво для топ-менеджера «Гигафона» было делом привычным. В свои тридцать восемь он выглядел лет на 10 старше, и ему совершенно было на это наплевать. Женщины его мало интересовали, он был не женат. Единственное, к чему он был привязан, – деньги. Нечипорук ценил их так же, как возможность отдохнуть как ему хочется в компании самого себя.

– А? Кто? – не понял изрядно накачанный пивом Нечипорук в ответ на представление Картье. – Ах да, конечно, приветствую...

...Они познакомились за несколько дней до этого разговора во время одного из отраслевых мероприятий, проходящего в Гостином дворе. Картье по его просьбе подвели к этому человеку-горе, представили. Виктор с непередаваемым чувством пожал руку тому, кто, сам того не зная, сыграл столь выдающуюся роль в деле фееричного обмана Сидорова, великого блефа, который привел к столь значительным последствиям. Нечипорук тогда дал свою визитную карточку, сказал, что звонить можно «в любое время», что было обычным знаком вежливости, но Картье использовал это свое формальное право (слово не воробей, вылетит не воротишь) и позвонил в момент, неподходящий и в то же время довольно удачный, так как любимый клуб Нечипорука одерживал убедительную победу с хорошим разрывом в счете и Нечипорук пребывал в отличном расположении духа.

– Чем занимаетесь? – простодушно спросил Картье. – Может, посидим где-нибудь, выпьем пива? А то вечер какой-то пустой получается, а у меня к вам разговор есть интересный. Вы где территориально?

– Арбат, – зевнул Нечипорук и лениво подумал, что больше всего на свете ему сейчас не хочется одеваться и куда-то идти, хотя стояли последние дни апреля и вечера уже были

дивными, пахло в воздухе весной, и температура ниже 15 градусов тепла не опускалась.

– Тогда, может, в паб? – предложил Картье.

– А что за повод-то? – очнулся, наконец, Нечипорук и решил отстоять свое право на спокойный вечер во что бы то ни стало.

– Да вот, хотел вам предложить неприлично много заработать, – врезал Картье не в бровь, а в глаз. – Но если вы не очень-то легки на подъем, то давайте в другой раз, если, конечно, получится, а то и у меня и у вас вся неделя расписана, так что я думал, что сегодня как раз нормальный день для спокойной беседы двух серьезных людей вроде нас с вами.

– В пабе, в пабе, – забормотал Нечипорук. – В «Грэдис», что ли?

– Без разницы. Хотите там, а хотите в «Джон Булл». Там пиво вкусней, на мой взгляд.

– Это далековато идти, но извольте. Давайте в «Джоне». Вы правы насчет пива. Во сколько?

– Сейчас 17 с мелочью, – поглядел на часы Картье. – Давайте через час?

– В 19 подходит? Я не успею раньше, – поглядев на мокрые трусы свои, признался Нечипорук. – У меня тут одно дело, гм... неотложное.

Когда Картье начал одеваться, Лена (она отдыхала в гостиной, укрывшись пледом и читая Джойса) вышла в коридор и с изумлением посмотрела на «будущего мужа». Именно так она представляла Картье тому небольшому кругу знакомых, оставшемуся после ее развода со Штукиным. Множество друзей предпочли не общаться с ней и вежливо не отвечали на звонки, видя, что звонит «Лена-Новая», как назвал ее один из общих, ее и Кости, приятелей.

– Ты куда-то собираешься?

– Как видишь, – безмятежно ответил Картье, повязывая тонкий шарф особым франтовским узлом. – У меня встреча.

– Меня не приглашаешь с собой?

Виктор оставил шарф в покое, подошел к ней, обнял за плечи, поцеловал. Она с легкой неохотой ответила.

– Солнышко, это деловая встреча с одним жирным боровом. Тебе будет неинтересно.

Она отпрянула:

– Почему это мне «будет неинтересно»? Вообще-то мы с тобой еще и деловые партнеры в компании, ты об этом не забыл?

– О нет-нет, разумеется не забыл. Но это не тот вопрос... Вернее, это первая встреча, я должен буду постараться коррумтировать человека, требуется разговор тет-а-тет, – извиняющимся тоном начал Картье, но она недослушала его, повернулась и, бросив через плечо: «Как знаешь» – ушла в гостиную. Картье нагнал ее, схватил за локоть, почти грубо развернул:

– Послушай, что все это значит? Что за поведение недотроги, Лена? У тебя что, начал портиться характер?

– Нет, – с горечью в сердце тихо ответила она. – Просто все это мне до боли знакомо. Так уже было. Все эти «деловые встречи», на которых мне нет места, все эти разговоры непременно тет-а-тет... Просто тебе перестало хотеться везде со мной таскаться. Понимаю, надоело, хочется свободы. Поэтому спокойно иди куда хочешь.

– Да что же ты такое делаешь-то?! – вскипел Картье. Он нешуточно разозлился. – У меня важная встреча, а ты мне здесь полуистерики закатываешь! Создаешь атмосферу, так сказать! Прекрасно! Я вообще-то собирался заработать много-много денег и был настроен именно на это!

– Не ори на меня, – у нее задрожал подбородок. – Шел, так иди, куда тебе надо.

– Черт! Но зачем ты!.. Почему так!..

– Потому что ты мог хотя бы сказать! Просто сказать: «Милая, так-то и так-то, я иду туда-то, буду тогда-то, не скучай!» Вот что! Неужели это так непонятно! – перешла на крик Лена. Она вспыхнула, словно яблоня в жару, вся сразу занялась от корней до кроны.

Картье следовало бы сразу пойти с ней на мировую. Обнять, поцеловать, пригласить с собой, словом, немедленно помириться. Но в нем разыграло ретивое, плеснуло в глазах

мужской, непонятливой глупостью. Он топнул ногой:

– Знаешь, я тебе не ребенок, а ты мне не мамка. С какой стати я буду каждый раз у тебя отпрашиваться?!

– Да не отпрашиваться, это другое... – Она вдруг сникла, плечи ее опустились, глаза потухли. – Ладно, иди, удачи тебе на твоей встрече.

Картье понимал, что негоже вот так все теперь оставлять. Что нужно все это потушить, остудить как следует, поговорить и, возможно (ах, это лучше всего помогает в таких случаях), заняться с ней сексом, но стрелки часов не желали быть подкупленными и двигались по кругу в свое удовольствие – не остановишь. Поэтому он вынужден был выскочить из дома с тяжелым сердцем и беспричинно накричал на своего водителя, после чего окончательно впал в предурное расположение духа и всю дорогу до «Джон Булла» пристыженно молчал. Порой на нас накатывает что-то, и мы отдаемся в его власть, а оно делает с нами вовсе не то, что нам нужно. И мы, осознавая собственную неправоту, злимся еще больше и еще больше производим ненужных, никчемных поступков, за которые потом так бывает стыдно и результаты которых порой ну никак не удается исправить.

«Ничего, – думал Картье, заходя в паб, толкая дверь, которую надо было тянуть на себя, – вот вернусь и все поправлю. До чего же все вышло по-дурацки! И с чего в самом деле было не взять ее с собой? Что с того? После можно было бы поехать куда-нибудь, ведь выходной день! Дурак, дурак, дурак! Ну ничего, сейчас вот, я здесь недолго. Потом куплю цветы, поедем ужинать...»

Но недолго не получилось. Во-первых, нерасторопный Нечипорук опоздал минут на пятнадцать. В свое оправдание (хотя кто его знает, может, и правда) он наплел, что куда-то задевал ключи от квартиры и долго их искал, а оказалось, что все это время он держал их в кулаке.

– А что же? Бывает! – поддакнул Картье, который уже был в образе, уже играл роль, отдаваясь ей без остатка, уже позабыл обо всем, что было недавно.

– Да уж, – рокотал большой и толстый Нечипорук. – Какой странный случай, не так ли? Со мной такого прежде никогда не бывало. По всей видимости, нервы. Совсем сдают. Как говорил Берлиоз перед тем, как броситься под трамвай: «Пора бросить все к черту и в Кисловодск».

– Ну или в Баден-Баден, это как-то нам с вами ближе ментально, – вставил Картье, и Нечипорук согласно затряс головой и окунул подбородок в пиво.

«В сущности, он выглядит добродушным мудаком, – размышлял Картье, обозревая верхнюю половину торса великана, словно парус реющую над столом. – Но подобное добродушие обманчиво. Это медвежьи повадки. С виду увалень, а попадись ты ему, враз хребет разломит надвое и ребра пересчитает. Добродушные толстяки – самые страшные люди на свете. От них ждешь того, чего они с удовольствием не делают, и все, как один, мечтают о троне мирового диктатора, становясь, как правило, семейными деспотами. К тому же все они отчего-то мелкочленные, а это, конечно, тяжело выносить самцу. Вот уж действительно: «Велика Федора, да дура».

– ...таким образом, и я не знаю, что будет, если... – говорил что-то Нечипорук, а Картье, рассеянно слушая, ожидал перерыва в его монологе, чтобы, наконец, приступить к обработке туши.

Поднесли еще пива. Нечипорук отвлекся, буквально на один большой глоток, и Картье не преминул этим воспользоваться, ухватиться за соломинку.

«Как славно, что ты молчишь, fat boy. Вот прекрасное название для какой-нибудь песни».

– Вот вы совершенно правильно выразились насчет нервов...

– Да-а-а, – раскатисто начал было Нечипорук, но Картье уже без церемоний просто сделал жест, будто заворачивают водопроводный вентиль.

– Я хотел сказать, что коли нервы не в порядке, то здесь надо лечить и сами нервы и устранять причину, вызвавшую стресс. Вот у вас, например, я могу предположить, что за

причина для того, чтобы как следует нервничать. Работа, это понятно, это у нас с вами общее. Но я имею в виду всех этих назойливых людей, которые что-то от вас хотят и лезут со своими предложениями и хотят на вас заработать. Я имею в виду контентщиков.

– О да. – Нечипорук сокрушенно кивнул большой головой, которая грозила вот-вот отвалиться и пробить пол, точно не голова это была, а чугунное ядро из-под Tsar-Pushki. – Вот уж неугомонный народ. Все лезут, всем все надо, все пытаются делать какие-то убогие, неважные предложения.

«Ну, слава богу, попался умник, тут дело пойдет, не надо будет долго ходить вокруг да около», – подумал Картье, а вслух продолжил:

– Представьте себе, что ведь и я из таковых. А насчет неугомонности... В детстве татап читала мне стихи, кажется... нет, не припомню автора. Так вот там были такие слова: «вдруг раздался тихий звон, появился Угомон». Знаете, на меня до сих пор накатывает страх, отдаленный, пустяковый по сравнению с тем ужасом, что мне довелось испытать от этих стихов в детстве. Да... Так вот, я хотел бы сделать вам очень хорошее предложение, серьезное и конкретное, с цифрами.

– С большими цифрами? – ровным голосом и почти без интонаций, вложив силу удара только в последний слог «ми», задал вопрос Нечипорук.

– С большими. Всем хватит, – кивнул Виктор.

– Всем не надо, – спохватился Нечипорук. – Так никогда не бывает, чтобы хватало сразу всем. Кто-то непременно останется недоволен и сломает остальным весь бизнес.

«Талант, – уважительно признался себе Картье. – И профи, конечно. Тут и говорить нечего».

– В чем суть предложения? – Нечипорук деловито настелил свой парус во весь стол и пялился на Картье, словно хотел проткнуть его взглядом, не упустить ни одной детали, ни одного дрогнувшего на лице мускула.

– Да все просто и даже законно. Мы с вами создаем компанию, и пусть все эти мелкие люди идут через нее, а не напрямую к вам. А чтобы нам с вами было интересно, мы просто станем у них покупать по прежним ценам, а продавать в «Гигафон» на пятнадцать процентов дороже. Создадим такого вот дистрибьютора-монополиста, как я создал свою компанию при «МДС». Давайте! Одному вам такое не поднять.

Картье вдруг испугался, что его простую до изумления идею Нечипорук возьмет да и украдет, но толстяк соображал со скоростью современного процессора и сразу понял, что предложение это выгодно и он, господин Нечипорук, особо не напрягаясь (да что там «особо»? – вообще не напрягаясь), будет иметь стабильный доход и прекрасно себя чувствовать. Он давно думал о чем-то похожем, но нужен был компаньон для прикрытия, а человека такого все не находилось. И вот, подите-ка! Вот он сидит напротив за кружкой отличного лагеря и, не мигая, предлагает хорошенькое дельце.

– А почему бы и нет? Хорошее предложение. С меня – построить всех этих непосед и отправить их по единому адресу, а с вас – придумать и сделать компанию, – согласился Нечипорук.

– Да? То есть вы согласны?

– Разумеется. Я и сам давно хотел сделать точь-в-точь то же самое.

– Догадываюсь, почему не стали. Светиться на вашей позиции неразумно. Много пар глаз, ушей вокруг.

– Точно так.

– А компания уже есть. Называется «Инфор». Ждет расконсервации.

– Ну так считайте, что дождалась, – густо, как смеются одни лишь великаны, рассмеялся Нечипорук и закашлялся.

– Будьте здоровы, – искренне пожелал ему Картье. – Нам отныне надо заботиться друг о друге.

– Святые слова, – отдышавшись, согласился красный Нечипорук. – Вы смотрите, как подавился!

– Добрый знак, – закивал Картье. – Добрый! По рукам?
– По рукам.
– Тогда я домой, с вашего позволения. С деталями покончим в понедельник, если не возражаете, а сейчас мне к жене пора, у меня жена молодая, требует присмотра.

Нечипорук молчал. Он прикусил губу. Ему тоже мечталось о жене и о доме, куда хотелось возвращаться каждый день. Воистину человеку, у которого всего-то и есть что своя семья, не понять того, кто всю жизнь мечтает об этом и никак не может этого достигнуть. Сейчас простое человеческое счастье доступно далеко не всем. Так устроен мир, в котором удельная масса эгоизма всего человечества с каждым мигмом корректирует орбиту Земли, приближая ее все ближе к Солнцу, которое рано или поздно сожжет здесь все дотла.

Проклятье женщины в белых колготках

1

В цветочном магазине никого не было, если не считать сонной и неприветливой продавщицы. Раньше он ее здесь не видел, хотя клиентом был постоянным. Нет, он не так часто дарил Лене цветы, просто покупал их довольно много по самым разным поводам и в основном дамам «на должностях», чиновницам, с которыми так часто приходится общаться всякому российскому бизнесмену.

– Мне, пожалуйста, лилии, девушка, – вежливо попросил Картье.

Она лениво подошла к ведерку с цветами, поддела пальцами ценник:

– Сколько?

– В смысле? О, простите! Ну... Штук пятнадцать.

– Не поняла. Вам сколько конкретно нужно-то? – хамоватым тоном спросила продавщица и уставилась на Картье так, словно он был кем-то меньше клопа.

– Мне ничего уже не нужно, – разозлился Картье. – Я пойду в другой магазин, ваше поведение к покупкам как-то не располагает.

– Ваше право. – Она нагло улыбнулась, и Картье, полный негодования, вышел, по дороге не стерпев и пнув ведро с длинными розами гвардейского роста. Ведро покатилося, розы рассыпались, хлынула мутная вода. Продавщица сразу тонко заорала, принялась звать кого-то, но Виктор уже ехал домой и вполголоса материл невероятную продавщицу, у которой, по всей видимости, была непростая, тяжелая жизнь.

Перед домом он очень постарался и взял себя в руки, почти успокоился, выкурив сигарету. Подумал: «Черт с ней. Быдло оно всегда быдло». Пожалел, что все-таки без цветов. Решил, что купит после ресторана, оставит ее в машине ненадолго, выскочит и вернется с охапкой ее любимых белых лилий. Вот так будет хорошо. Даже лучше, чем если бы он принес эти цветы теперь.

Лены нигде не было видно, хотя в гостиной работал телевизор и на экране Брюс Уиллис пел арию Гудзонского ястреба. Картье подумал, что она в ванной или в зимнем саду, позвал ее:

– Лена, Леночка! Твой Виктор вернулся с викторией! Ты не подумай чего лишнего, я имею в виду с победой! Теперь будем с тобой наживать с «Гигафона». Помнишь, ты посоветовала держать наготове белую компанию, а я еще скрипел, что, мол, «денег жалко». Хорошо, что я тогда тебя послушался, потому что «Инфор» своего часа дождался. Будем работать через него, он уже выиграл в «Гигафоне» эксклюзивный тендер на поставку всего контента. Вот так вот! Знаешь, пора нам купить дом и задуматься о потомстве.

– Это не со мной. – Она стояла у Картье за спиной, полностью одетая, чемодан у колена. Как он ее не увидел?

– Не понял? Это что за фокусы, Еничка? Ты куда собралась?

– Я от тебя ухожу, Витечка, – в тон ему ответила она, милая, нежная, любимая. Она сказала, что уходит от него! Внутри нестерпимо заболело, в горле перекрыло кислород,

Виктор схватился за горло, захрипел.

– Не надо. – Губы ее сделались узкими, глаза злыми. Никогда прежде Виктор не видел у нее таких глаз, даже подумать не мог, что они могут быть у нее такими. Картье словно парализовало. Он оперся рукой о стену, стало немного легче, а так бы точно упал.

– Ты... Ты... – Он пытался что-то сказать, но она была неумолима.

– Витя, не надо тут ломать комедию. Тебе надо было в театральное училище идти. Ты имел бы успех на сцене. А так ты весь свой талант обратил в мерзость. Ты мерзавец.

– Но почему?! – Картье, казалось, был окончательно сбит с толку. Все вдруг пошло не так, как он задумал, словно в точнейший механизм попала песчинка и все поломалось и понеслись кувыркком, врассыпную, брызнули в стороны шестеренки, валики и прочие блестящие штучки, составлявшие недавно одно целое. И вот уже не собрать его заново: многое потерялось, а из того, что на виду, ничего путного не сделаешь.

– Почему? А ты не догадываешься, почему ты не только мерзавец, но еще и лжец, подлец и негодяй?!

– Лена, да что с тобой, наконец, происходит?!

– Происходит, представь себе. Слава богу, что наконец-то происходит. Жаль, что этого не случилось раньше, что я не увидела, какой же ты на самом деле. Мне известно, за что посадили Костю! Как же ты мог?! Ведь это самое настоящее лжесвидетельство, ведь это ужасно, за такое проклинают! Костя ни в чем не виноват, а ты его у-ни-что-жил!

На лбу ее появилась поперечная голубая жилка, и он совсем некстати подумал, что раньше она появлялась только в их любовных играх, когда пик ее наслаждения был совсем рядом. «Вот как оказывается», – вертелось одно и то же в его бурлящей голове.

– Что за бред? Откуда ты... Да с чего ты взяла?! – наконец собрался Картье. – Какое еще лжесвидетельство? Кто тебе наплел?!

– Это ты плетешь свои сети. Ты паук, Витя. Каракурт. Как же я раньше этого не поняла, какая же я дура! Ведь ты чудовище и меня сделал своей пособницей! Как ты мог засадить за решетку невинного человека?!

– Да кто тебе все рассказал-то?! – невольно выдал себя Картье.

– Мне Костя позвонил из тюрьмы. Сам. Полчаса тому назад. Его завтра отпустят на свободу. Все следствие по делу развалилось из-за отсутствия доказательств, а их и быть не может, потому что их попросту нет! Нет, понимаешь?!

У Картье перед глазами пошли синие и фиолетовые круги, он сел прямо на пол, вытянул ноги, свесил голову. Значит, вот так, просто «позвонил из тюрьмы». Но ведь обещал же ему прокурор, что «будет ваш Штукин сидеть долго, не переживайте». Откуда Картье было знать, что нашлись у Кости неожиданные доброжелатели из числа бывших конкурентов «Smart-soft», возмущенных наглой активностью его преемника и в складчину добившихся пересмотра дела?

– Я тут ни при чем, – сделал последнюю попытку Картье и услышал, как она возмущенно фыркнула.

– Лена, но какое теперь все это имеет значение? Через месяц наша свадьба, венчание, триста человек гостей! Боже мой! – застонал Картье, обхватив голову и сделавшись похожим на профессиональную плакальщицу. – Значит, ты все еще его любишь! Какая же ты дура, что поверила этому шукарю! Он по собственной глупости потерял тебя, потерял бизнес!

– Нет, – твердо сказала Лена, – меня он не потерял. Лучше с ним, чем с таким мерзавцем, как ты, Витечка. Ты через любого перешагнешь, когда тебе понадобится. Ты и меня продашь, как только тебе это покажется выгодным.

– Бред, бред, – бормотал Картье. – Не может быть. Не может! Ты не можешь уйти, я так люблю тебя!

– Это твои проблемы, – жестоко ударила Лена. – Ты мне не нужен. Какое счастье, что я от тебя не забеременела. Носить под сердцем ребенка подлеца сомнительное счастье.

Этим она сразила его наповал. Картье... зарыдал. Он ползал за ней на коленях, пытался обнять, но хватал руками воздух, он причитал, как баба, он блеял, как баран, он скулил, как

шакал, – все тщетно.

– Неужели ты уходишь к нему?!

– Да.

– Но ведь ты его не любишь!

– Тебя это не касается.

– Но вам даже жить негде!

– Мы проживем пока у его родителей.

– Но ведь у нас с тобой общий бизнес!

– Мы разберемся с этим, Витечка.

– Ничего не отдам! Ни-че-го! – даже не заорал, завизжал Картье. – Если бы не я, все бы давно рухнуло! Вы вдвоем не способны, ты и твой муженек! Вы ни на что не годные людишки, в вас нет ни грамма креатива, вы просто тупые купчики, которые не видят дальше своего носа! У тебя только тридцать процентов акций, все остальное мое, у вас ничего не получится! Господи! – опомнился он, заметив, с каким непередаваемым выражением она на него смотрит. – Что я такое несу! Леночка! Прости меня, я помешался, я так сойду с ума, я не могу без тебя жить! Не уходи от меня, не бросай меня, ради бога, пожалуйста! Я без тебя пропаду! Мне ничего без тебя не нужно! Ты мой смысл, я люблю тебя больше жизни своей! Нельзя расставаться с любимыми, Лена. Милая моя, светлая, останься, прошу тебя!

– Знаешь, ты не паук. Ты червяк. – Лена быстро распахнула входную дверь, вытащила свой чемодан и, застыв на мгновение в дверном проеме, порывшись в сумочке, достала ключи от квартиры и бросила связку ему под ноги. «Прощай», – услышал Картье, а затем дверь хлопнула, послышалось лязганье лифта, и там, на улице, он не услышал, но знал, что это было – шум отъезжающего такси. Вечер закончился оплеухой судьбы, и Картье, пошатываясь, едва нашел в себе силы доковылять до кровати и, как был в одежде, пал ничком на кремовую простынь, на которой еще так недавно им с Леной было так хорошо.

2

Время лечит? Смотря что. Время ненадежный доктор, который порой ошибается и вместо сыворотки забвения вводит экстракт тоски. Тогда результат всегда один в трех ипостасях: черная меланхолия, неизбежная грусть, хроническая печаль. Невеселый диагноз, что и говорить. Картье не повезло с доктором. Доктор ошибся.

Внешне, для окружающих, он совсем не изменился. Разве стал чуть менее разговорчив и чаще уединялся в рабочем кабинете. Кстати, кабинет он оставил за собой свой прежний, а бывший Штукина отдал на растерзание новому составу программистов, нанятому по причине резкого расширения бизнеса.

Ни от Лены, ни от Штукина вот уже полтора месяца не было никаких вестей. Картье вначале крепился, ожидал всякую секунду ее звонка, да так и не дождался и стал искать с ней встречи. Однажды ему удалось увидеть ее, издалека, метров со ста: она садилась в автомобиль. Он закричал, замахал руками, побежал, но перед ним лишь мелькнули красным фары. Через день или два он совершенно отчаялся и, решив, что уже все равно, лишь бы увидеть ее, позвонил в квартиру родителей Кости. Ему долгое время не открывали, за дверью слышалась возня, наконец, смутно знакомый голос прокаркал: «Уходи. Я не желаю тебя видеть. Я болен». – И Картье, к своему ужасу, понял, что этот страшный голос принадлежит, несомненно, Штукину, у которого после заключения основательно пошатнулось здоровье и приключился чуть ли не туберкулез.

– Ты мне не нужен, плевал я на тебя! – очень зло крикнул ему через дверь Картье. – Где Лена? Верни мне Лену! Сволочь! – крикнул он и в бессильной ярости ударил ногой по стальной двери, услышав удаляющиеся шаги Кости.

Он нашел в себе силы вернуться сюда же спустя неделю, но выяснилось, что он безнадежно опоздал. Дверь ему в этот раз открыли, но то была мать Штукина, которая, ничего не имея против Картье и, должно быть, приняв его за делового приятеля сына, сказала, что

«ребята уехали лечиться, и, когда теперь будут, неизвестно. У Костика слабые легкие, и, покуда не наступит стабильное улучшение, делать ему в Москве нечего».

– А далеко они уехали? – с пустотой в голосе спросил Картье и, невнимательно выслушав, что «точно не скажу куда, знаю только, что за границу», навсегда покинул этот подъезд.

Он попробовал уйти с головой в дела. На какое-то время это ему удалось.

«Инфор» заработал, действительно выиграв тендер на выбор компании-агрегатора всех своих дополнительных услуг, объявленный «Гигафоном». Муртазин чуть не сошел с ума, заливаясь как распоследняя шавка на каждом углу: «Миллионный контракт выиграла компания, ранее на рынке ничем себя на проявившая», – но Нечипорук был мужчиной основательным и никаких таких слухов страшно не любил, одновременно с этим понимая, что с прессой ссориться незачем. Поэтому он собрал пресс-конференцию в отеле «Олимпик-Пента», на которой уверенно заявил буквально следующее:

– Поводов для беспокойства и подозрений у участников рынка нет и быть не должно ни в коем случае. Тендер был выигран компанией, предложившей наилучшие условия. Это рынок, и все кейсы у нас самым замечательным образом срослись». После этой пресс-конференции все журналисты заткнулись, а все поставщики контента в «Гигафон» продолжили поставлять свой «товар», как и прежде и на прежних условиях, но теперь уже не напрямую в «Гигафон», а в «Инфор», который накручивал 10–15 % и продавал все это в «Гигафон». По сути, в «Инфоре» работали только бухгалтеры, ведущие взаиморасчеты с поставщиками. Персонал какой-либо иной квалификации не требовался.

Таким же агрегатором, но уже для «МДС» стала в конце концов и «R-1», но здесь, рассудив, что так, в случае чего, легче будет прикрыться перед акционерами, Шедин и Картье раздробили «R-1» на несколько вроде бы как не зависящих друг от друга юридических лиц и каждому из них дали по отдельной «делянке». Кто-то получил вар, кто-то музыку, кто-то мобильное видео, а «R-1» по-прежнему оставалась на правах привилегированного партнера «МДС» и была среди всех этих компаний первой среди равных. Стоит ли говорить, что подобная сегрегация стала возможной после того, как на супругу Шедина было зарегистрировано две, а на Картье и его мать три новые компании, выигравшие тендер в «МДС» и продолжавшие приносить своим подлинным владельцам по миллиону долларов в самый голодный месяц. Шедин защитил эту, придуманную им и Картье модель на совете акционеров, горячо выступив в поддержку «смелого начинания, предложенного «R-1» и сделавшего схему работы с контент-провайдерами наиболее прозрачной, чем когда-либо».

Зарабатывая грязные миллионы на смс-мошенничестве, Картье перезнакомился почти со всеми, как он их называл, пиратами, арендующими у него короткие номера для своих проделок, зачастую подлинно криминальными личностями. Однажды он пришел к Шедину и предложил ему провести конкурс среди абонентов «МДС» в стиле «отправляй СМС и получи шанс выиграть немецкий автомобиль».

– И что нам это даст? – наморщил лоб Шедин.

– Деньги, – невозмутимо ответил Картье, – народ клюнет и станет пулять эсэмэски рублей по сто за каждую.

– А машина? – удивился Шедин.

– Я уже договорился с «BMW». Они получают полную стоимость машины, как только стоимость отправленных гражданами СМС ее перекроет. Им такой вариант пришелся по душе, согласны выделить 20 машин новой серии. Для них заодно и реклама отличная.

– А кому машины-то пойдут, я что-то не врубаюсь, – и впрямь «не врубался» Шедин. – Их что, реально люди выиграют какие-то?

– Ну почему же «какие-то»? Их выиграют нужные люди. У тебя что, мало таких в записной книжке телефона? – Картье был готов покрутить перед Шединым пальцем у виска, но вовремя сдержался. На свете достаточно примеров, когда даже самые прочные деловые партнерства разваливались почти на пустом месте из-за какой-то никчемной ерунды, из-за мелочной обиды.

– О! Ну так это меняет дело, – сразу подобрел было напрягшийся Шедин. – Так ты говоришь двадцать автомобилей?! Ну это мы пристроим довольно легко. Сколько стоит одна машинка?

– Два миллиона триста восемьдесят тысяч рублей.

– Не самый дорогой из «БМВ». – Шедин скорчил недовольную гримасу. – Вот если хотя бы три миллиона... Так, для ровного счета. Ну да ладно. Смотри, что нужно сделать, Витя. Нужно будет договориться с неавторизованными автосалонами, чтобы они смогли выкупать машины по мере того, как их будут выигрывать, гм... наши «нечужие» люди. У меня тесть, братья, жена, старший сын, дядя Коля еще, – Шедин считал свою родню, загибая пальцы, словно школяр-первачок. Картье же с прежней, нахлынувшей тоской подумал, что у него из всей родни осталась только мама и призрачные права на дочь.

«Господи, Агата! – царапнуло Картье по сердцу. – Все, что я делаю теперь, только ей. Давно пора было заявить свои права, добиться папиного дня. Займись этим немедленно».

– С салоном я уже договорился. Есть знакомые ребята из Королева.

– Бандиты? – напрягся Шедин.

– Да нет, – сделал успокоительный жест Картье, – мои ровесники, чувствуют себя неплохо, у них как раз сеть автосалонов в Подмоскowie, срочный выкуп автомобилей и автосервисы.

– Ну тогда точно бандиты. Бандитский бизнес.

– Какая тебе разница-то? – удивился Картье. – Деньги наличными вперед.

– Ну смотри, смотри... – Шедин потянулся всем телом, хрустнуло что-то в поясице и в левом колене, он с облегчением вздохнул. – Меньше стал хрустеть, слава богу. Китайская медицина – великая вещь, рекомендую.

– А душу она лечит? – задумчиво спросил Картье. – Мне бы душу подлечить...

3

В Швейцарии, в умеренном климате, среди гор, на берегу темно-синего озера Штукину стало заметно легче, и он уверенно пошел на поправку. По мере того как он из жалкого, больного, потрепанного обстоятельствами человечка возвращался в нормальную жизнь, Лена с возрастающим ужасом и неприязнью видела, что чуда все не происходит и это вот-вот станет прежним Штукиным, Штукиным, которого она так хорошо успела изучить, понять, разлюбить. Тогда, поддавшись порыву сострадания, услышав в трубке его почти неживой голос, она искренне пожалела его. Жалость... Жалость, как и предупреждал ее Картье, – это тот самый последний мостик к Штукину, который нужно было сжечь, а она не смогла этого сделать и по этому мостику вернулась туда, откуда пришла. Так возвращаешься после многих лет отсутствия в отчий дом, в старый город, ожидая и рассчитывая на приятный сюрприз, но разочарование подхватывает сразу, как переступаешь порог, как сходишь с платформы. Нет-нет, все здесь по-прежнему: и та же посреди дороги лужа и дерево, наклонившееся через забор, да все никак не падающее, и центральная, вся в асфальтовых выбоинках, площадь с шайкой ворон и котом-альтруистом и философом, которому нет до птицы никакого дела.

Весь ужас состоял еще и в том, что к прежним штукинским чертам характера прибавились новые и тоже отнюдь не лучшие. Он стал брюзглив, постоянно пенял ей на ее «нестойкость» и «распущенность». Он называл ее несерьезной и неверной. Лена долго терпела, пытаясь пропускать его колкости мимо ушей, списывая все на его состояние, думая, что вот-вот закончится реабилитация и она увидит нового мужа. Он предстанет перед ней в своем прекрасном естестве, в красивой обертке, под которой станет биться любящее сердце. Словом, все на новый лад должно было стать в Штукине, как он и обещал ей тогда, позвонив прямо из камеры, когда стало понятно, что обвинение разваливается за отсутствием доказательств и через день-два его отпустят. В стенах тюрьмы, свесив жалко исхудавшие ноги с двухъярусных нар, Штукин клялся ей в вечной любви, обещал исправиться, говорил, что он только теперь понял, насколько она дорога ему: «Всегда была дорога, всегда тебя любил,

просто решил, дурак, что ты уже никуда не денешься, вот мне, дураку, и наука, и славно, что я здесь побывал, здесь волшебным образом все ложное прекращает быть, а все настоящее расцветает, распускается в душе, как моя любовь к тебе».

Она настолько была шокирована его признанием, вероломством Картье, что сразу же безоговорочно перешла по тому единственному оставшемуся мостику жалости обратно к Косте. Ее словно кто-то перевел за руку через зыбкую переправу, перекинутую через пропасть забвения, и Картье теперь остался на том краю, на другой земле, на иной планете. Долгое время она старалась не думать о нем, целиком уйдя в заботы о бывшем муже, ощущая всю тяжелую правильность своего миссионерства. Но стоило Штукину вернуться в своем прежнем, неприглядном неглиже, в своей душевной пустоте, как Лена опомнилась, и все, что заботило ее теперь, был поиск ответа на короткий вопрос «Что же дальше?» А дальше становилось все только хуже, и вот в один из вечеров, когда Штукин, заботливо укрытый пледом, сидел на балконе в кресле-качалке, почитывал книжку и изредка посматривал вперед, туда, где у отрогов Альп вдалеке паслись коровы и серебрилась в лучах закатного солнца нитка ручья, случилось вот что.

– Знаешь, я понял одну простую и очевидную вещь, – не отрываясь от книжки (это был роман «Мастер и Маргарита»), с насморком в голосе сказал Костя. – Вот здесь, в одной из заключительных сцен, когда Воланд объясняет Маргарите, почему так сильно изменился Коровьев, из клоуна превратившись в рыцаря, он упоминает о некоем каламбуре о свете и тьме, который этот рыцарь давным-давно себе позволил. Раньше я пропускал это место, как-то не придавал ему значения, потому что не понимал, в чем суть и сила этого каламбура, что за него можно попасть к сатане в свиту, а сейчас понял. Я знаю, что имел в виду Воланд.

Лене стало интересно:

– И что же?

– Помнишь, у Пелевина, в «Чапаеве и Пустоте»? «Сила ночи, сила дня – одинакова х-ня». Вот и весь каламбур, ей-богу!

Лена от души рассмеялась. Он никогда прежде не острил, а всякой женщине приятно, когда у мужчины есть развитое чувство юмора, но смех ее был недолгим.

– Скажи, а у Картье член намного длиннее моего? – спокойно спросил Штукин и, закрыв книгу, уставился на нее.

– Костя, ты не мог бы мне таких вопросов никогда не задавать? Мне неприятно.

– Значит, длиннее, – задумчиво пробормотал Штукин. – Ну и как? Не скучаешь по своему жеребчику? Сладко вам было?

– Костя! Я прошу тебя! – Она начала дрожать. Вся накопившаяся усталость, нерастратенный негатив готовы были вот-вот выйти из берегов. Но Штукину было наплевать на ее состояние, он заводил себя этими вопросами, настраиваясь на серьезный, настоящий скандал. Он хотел показать ей, что она неверная, падшая дрянь, и в том, что случилось, одна лишь ее вина. Ему нравилось чувствовать себя невинной жертвой, он совершенно искренне не считал, что хоть на йоту когда-либо был не прав.

– И как быстро вы с Картье решили устроить свою жизнь за мой счет?

– Костя, я уже много раз говорила тебе, что ничего не знала. Я представить себе не могла, что Виктор сможет решиться на такое. Прости меня, дай нам с тобой возможность все исправить, все начать сначала. У нас получится, я очень этого хочу. Давай не станем говорить о Картье, такие разговоры счастья не прибавят.

– Счастье... А что это такое? – Штукин внимательно посмотрел на нее. – Ты мне можешь ответить на этот вопрос прямо сейчас?

– Счастье – это когда люди, пройдя через испытания, понимают, что им плохо друг без друга. Знаешь, когда ты позвонил, я в одно мгновение это поняла. У нас с тобой были противоречия, но сейчас ведь все в прошлом. Скажи мне, что это так. Пожалуйста.

– Противоречия... – задумчиво пробубнил Штукин. – Да, были они скорее всего. И можно было бы все решить совсем иным путем, а не сбегая от меня в постель к этому Бруту. Ты изменила мне с моим, как оказалось, злейшим врагом. Ты спала с ним, получала от него

оргазм, занималась с ним оральным сексом – вот, как ты хотела разрешить противоречия между нами. Не кажется ли тебе такой способ чересчур радикальным? Ты меня предала, неверная жена. Ты развелась со мной, ты планировала свою жизнь вместе с Картье, и теперь, когда он послал тебя (а так наверняка и было), уяснив, что ты за человек, ты прискакала ко мне. Считаешь, что я святой? Думаешь, я все забуду? Перестану думать о том, как ты плясала на его члене? Черт возьми! – Штукин бросил книжку на пол, отбросил плед, выбрался из своей качалки и, трясаясь от ярости, подскочил к Лене: – Ты! Ты шлюха! Мерзость! Дорожная грязь! Да как ты могла! На!

Он ударил ее. Так мужчина бьет другого мужчину: по лицу, без опасений и предубеждения. Она едва не упала, рот наполнился кровью, в глазах померк свет. Штукин испугался. Он бросился на колени, умолял, каялся, просил понять, что его ослепила ревность, но она уже ничего этого не слышала. Он ударил ее. Такое нельзя прощать. Существо, поднявшее руку на женщину, – это живой бездушный труп, недостойный прощения. Лучше сразу же и навсегда о нем забыть, несмотря на то, что «вроде еще что-то к нему осталось». Нельзя бить женщин. Нет в природе для такого поступка ни одного оправдания.

Она тогда же уехала из отеля в аэропорт и ранним утром следующего дня вернулась в Москву. Идти ей было некуда. Она поселилась у подруги. Мысль о возвращении к Картье казалась ей неосуществимой затеей, и она запретила себе думать об этом.

4

Картье маялся, для него настал момент истины, когда сделалось понятно: жизнь без любви никчемна и пуста. Ничто не радовало. Несколько раз он сходил в дженльмен-клуб, где пытался хоть немного прийти в себя с помощью девок, но это не помогло. Тогда он еще раз вспомнил про Агату и основательно загрустил. При виде мужчины с ребенком ему становилось так же не по себе, как и при виде целующихся влюбленных. Он терялся, делал все невпопад. В конце концов решил плюнуть на все Ларисины «обстоятельства» и как-то раз (а была пятница) под вечер, Картье позвонил: длинный и два коротких. Так всегда звонил только он, но вопреки с трепетом ожидаемого «Папоцька идетъ» он услышал шелест крышечки дверного глазка, а потом сразу открыли, словно дверь не была заперта, словно ждали его и готовились к встрече.

Он вошел в свою прежнюю квартиру без ожидаемого трепета. В коридоре было очень темно, большая половина потолочных светильников не горела. Он огляделся с целью оценить обстановку. Вадим недружелюбно смотрел на него, но он был далеко, в самом конце коридора, а вот Лариса значительно ближе. Она так и наступала на него: одетая в неряшливый, залатанный халат, черные волосы собраны в пучок, от нее пахло спиртным. Выходит дело, вот кто воспитывает его дочь.

– Привет, Лариса, – изо всех сил стараясь казаться миролюбивым, поздоровался с ней Картье. – А где Агата?

– А тебе какое дело? – сразу очень агрессивно начала она. – Вадик, ты посмотри на него! Богатенький папаша вспомнил, что у него есть дочь-замарашка, и решил подать сиротке на прокорм! Нет здесь Агаты, она в санатории.

– Зачем? Почему? В каком санатории? – сразу же засыпал ее вопросами Картье.

– Слушай, мужик, ты бы не лез в нашу жизнь, – нагло заявил этот мускулистый, похожий на выточенную на токарном станке деталь Вадим. – А и то правда, появляешься раз в сто лет, наводишь тут панику, а мы вот... отдыхаем. Слушай, не мешай, а?

– То есть ты меня выгоняешь, так, что ли? – взбесился Картье. – Приперся на все готовое, влез в мои тапки, живешь в купленной мною квартире! И после этого ты мне смеешь говорить «не мешай»? Да ты кто вообще? Охранник? Инструктор тренажерного зала? Кто ты, чувачок?

– Мужик, ты не заводись, – спокойно ответил Вадим, хотя чувствовалось, что спокойствие это мнимое: напряглись его качаные-перекачанные, переколотые стероидами

ручищи, на шее вздулась жила толщиной в сардельку. – Ты давай-ка поспокойнее и без оскорблений. Во-первых, я никакой не охранник и не тренер, во-вторых, живу я с любимой женщиной, и чья эта квартира, мне, откровенно говоря, все равно, а в-третьих, Агафьюшка действительно в санатории от моей конторы. У нас есть санаторий для детей сотрудников, они там учатся. На свежем воздухе, хорошо... А я вчера из командировки вернулся. Оттуда. Ну ты там не был, не знаешь, что это такое, а у меня сегодня выходной, и мы тут немножко стресс снимаем, а здесь ты. Слушай, уходи подобру-поздоровому, ладно? Приедет Агафья...

– Агата, – дыша ненавистью, прохрипел Картье. – Мою дочь зовут Агата. И откуда тебе знать, где именно я был?

– Ну мы же в России живем, значит, не Агата, а Агафья, – заявил Вадим, и Лариса ему поддакнула.

– Ты, перекачанный придурок, тебе не кажется, что это край уже? Ты к моей дочке какое имеешь отношение, чтобы ей имя выбирать?! Нищеврод в погонах, лимитчик пряткий. – Кулаки Картье сжалились сами собой, и он бросился на Вадима потому, что уже не мог по-другому, потому, что в мужском разговоре, перешагнув красную черту с надписью «драка», назад пути уже не бывает.

Вадим, который служил и был офицером ГУИН – управления исполнения наказаний и дело имел по большей части с людьми, которых в официальных документах именуют «контингент», дело свое знал туго. Он встретил Картье левым прямым в нос, и от ослепляющей боли Виктор сразу осел, сполз по стене, держась за лицо.

Лариса совершенно спокойно посмотрела на все происходящее, сказала: «Ну вы тут сами разберетесь, без меня» – и ушла на кухню. Вадим взял Картье за шиворот, поднял, как котенка, отволол к двери:

– На ногах можешь стоять? Может, в больничку тебя отвезти?

– Пошел ты... – Картье говорил еле-еле, страшного удара хватит ему теперь надолго.

– Не хами, – сурово посоветовал Вадим. – А то еще раз огребешь. И не лезь к нам. У нас семья, меня Агафья папой называет. Не лезь, ты здесь сам все разрушил.

– Пусти меня. Слышишь?! Пусти...

Освободившись от лапы Вадима, Картье открыл входную дверь, сделал несколько шагов, обернулся. Вадим стоял, подпирая дверной косяк, и был готов к труду и обороне.

– Я еще вернусь, – пообещал Картье. – Слышишь, чемпион?

Вадим молча захлопнул дверь, и Картье остался один стоять на лестничном марше. Немного подумал, поднялся на площадку, вызвал лифт. Шофер испугался, увидев его, хотел позвонить в милицию, но Картье попросил отвезти его в травматологическое отделение 1-й Градской больницы, где знакомый врач, внимательно осмотрев его переносицу и поцокав языком («профи работал, круто он тебя»), вправил ему нос без всякого наркоза, и Картье под его пальцами отключился ненадолго.

...Он явственно, как случилось только до контузии, увидел две на весь Грозный панельные девятиэтажки. Рядом с собой труп капитана Горелова с простреленной над правым ухом головой. Капитан лежал в луже собственной крови и мозгов, и в горле у него что-то непостижимым образом булькало, как будто Горелов хотел сказать что-то, о чем-то предупредить. Но здесь и так все было предельно ясно. Вон оттуда, с девятого этажа одной из выжженных квартир дома, что стоял правее, бил снайпер из числа тех, что на спор вышибает белке глаз со ста шагов. Охотник за душами. Картье-сержант остался самым старшим во взводе, выбитом охотником на две трети. Тех, кто уцелел, душила ярость, но высунуться не решались, боясь, как Горелов давеча, схлопотать.

– Витька, надо драть отсюда когти, – сказал кто-то за спиной Картье. – Хрен с ним, пусть отцы-командиры решают, чего делать. Наше дело яйца свои спасать.

– Танк бы сюда, – проговорил еще один из солдат и сплюнул в цементную пыль плевком того же цвета. Цемент вьелся в легкие, и там, наверное, останется на всю жизнь. Судя по всему ненадолго...

Картье принял решение:

– Так, парни, под мою ответственность, отползаем. За грузовик. Там группируемся по двое. Двойками влетаем в дом. Двое впереди, двое прикрывают: один землю, другой воздух. В подъезде под ноги смотрите, там сто процентов растяжки. Гранаты приготовьте. Огонь не открывать, а то еще уйдет как-нибудь, падаль.

Никто не стал ворчать, все его поняли. По-крабьи, осторожно отползли за остов сгоревшего грузовика – спасительная преграда, за которой охотнику с девятого этажа ничего не было видно. Разделились. Картье вбежал в подъезд первым, сразу увидел: чуть над ступенькой, сантиметра на три-четыре тонкая, словно рояльная струна, проволочка. Один конец примотан к куску арматуры, вбитому в стену, другой привязан к кольцу чеки осколочной гранаты «эфки», в широком обиходе «лимонки». Если рванет, то от всех, кто неподалеку, останутся макароны и дерьмо. Картье ухмыльнулся: спагетти «болоньезе», мать их.

Снял гранату с привязи, загнул усы чеки, гранату убрал в карман. Пригодится. Через минуту все ребята уже были в подъезде. Невероятное дело, но никто по ним огонь не открывал, а это означало, что охотник залег наверху без прикрытия и сам поставил растяжку.

Сюрпризов от охотника оказалось еще четыре штуки. Времени на их разминирование не было: просто перешагнули и вверх, по шажку. Ворвались на девятый этаж. Правая сторона, квартира прямо, сразу несколько автоматных очередей по комнатам, дым, вонь пороховая, ничего не видно – и женский вопль!

– Сука! – заорал кто-то из солдат. – Сука! Вот она!

Картье вбежал в обезображенную комнату: оконный проем выбит, даже признака рам нет. В углу валяется что-то белое. Присмотрелся: женский труп. Вторая охотница в грязно-белом комбинезоне держалась за бедро, под рукой у нее расплывалось кровавое пятно. Винтовка с цейсовским прицелом лежала рядом, вокруг было много гильз. Каждая гильза родила пулю, каждая пуля чью-то смерть.

– Это они, Витька! Белые колготки! Одну я застрелил, а эта ранена, ты погляди, как корчится, падаль!

– Исполняет! – отрезал Картье. – На ноги ее, живо! Раздеть!

Белые колготки... Сколько о вас написано, сколько сказано, но никто так и не удосужился объяснить, почему вас так прозвали. Из-за колготок ли? Вовсе нет.

«Белыми колготками» на прошлой чеченской войне называли снайперш-спортсменок из Литвы и Белоруссии, преимущественно биатлонисток. Никаких колготок они не носили, на войне этот предмет явно излишний, а одевались они в белые термокомбинезоны, простеганные медными нитями. На поясе у такого комбинезона пояс с аккумуляторными батареями: лежи хоть в сугробе и грейся. Умные люди придумали. А под комбинезоном у женщин-убийц только и было надето, что нижнее белье, в чем убедились Картье с бойцами, разом стащив с охотницы ее комфортабельный наряд.

– Что ж ты, сука, натворила? – Картье хотел ударить ее, занес руку, и она вскрикнула, закрыла глаза.

– Работа у нее такая, Витя, нас убивать. Нам никто не платит, вроде как за Родину воюем, за Россию, а им за каждого из нас копейка бежит немалая. За Горелова бы небось долларов пятьсот сразу получила, – сказал кто-то.

– А вот и камера у них, чтобы доказательства фиксировать. – Картье заметил на полу маленькую видеокамеру. – Прямо фронтальная хроника, занятно будет посмотреть. Ну что – как тебя там? – с тобой делать. Небось думаешь, мы сейчас с тобой поступим гуманно: вызовем тебе лимузин с шофером и доставим в камеру со всеми удобствами? А потом суд, дадут тебе лет десять, выйдешь через пять...

Снайперша умоляюще смотрела на него, в глазах ее затеплилась надежда.

– Нет, сука, мы тебя сами сейчас осудим. На войне все происходит быстро. – Картье посмотрел на нее с ужасом. Как она могла? Женщина убивает живых людей, а должна их рожать! Но состояние его длилось совсем недолго: – За бесчеловечное и подлое уничтожение русских солдат и офицеров предлагаю приговорить вот эту вот к смертной казни. Кто «за»,

прошу поднять руки. Единогласно.

– Нет! Не надо! Так же нельзя! – завопила женщина. – Я только наводила, стреляла она, все она! Сдайте меня куда следует, там разберутся! Прошу вас, только не убивайте! У меня мама, у меня дочери три годика!

Картье молча достал из кармана ту самую, подобранную им внизу гранату:

– Держите ее за руки, вон провод валяется какой-то, возьмите, стяните в локтях, не давайте упасть, подведите к окну и поверните лицом на улицу. Смотри в небо, сука. Последний раз его видишь.

Солдаты молча выполнили его приказ. Снайперша поняла, что это конец и чуда уже не случится. В последние мгновения перед смертью ее оцепенение прошло, она уже больше не кричала, только сказала вот что:

– Будь ты проклят, сержант. Желаю тебе подохнуть так, что люди после долго еще будут тебя проклинать и пугать детей твоим именем. Будь ты проклят, – повторила.

– Помолись на лету, если успеешь. – Он оттянул ей трусики сзади, кинул в них готовую разорваться гранату и сильно пнул снайпершу берцем в спину. С жутким воем она вылетела с девятого этажа. Между третьим и четвертым раздался оглушительный взрыв...

... – Ах ты! – Картье очнулся от невыносимой боли, из глаз текли слезы, лицо ныло, носа же своего Виктор и вовсе не чувствовал.

– Ничего, все нормально, поболит немного, зато будешь нормально дышать и не превратишься в уроду, – как мог, успокоил его доктор. – Иди вон туда, в коридор, посиди там. Скоро легче станет, и я тебе укол сделаю.

– Вот садюга, – выругался Картье сквозь слезы, которые текли без остановки, – заставил меня вспомнить все, реаниматор хренов.

Доктор ничего не понял, подумал, что это бред, вызванный шоком, и только рукой махнул. Картье получил свой укол и поплелся восвояси. В машине, запрокинув голову и прижимая к носу сложенный в несколько слоев бинт, он обратился к шоферу:

– Андрей, ты же охотник?

– Есть немного, – следя за дорогой, ответил шофер. – Редко получается, но иногда с мужичками выбираемся.

– У тебя и ружье есть?

– «Сайга-12 С», длинноствольная, 12-й калибр. А что? Милое дело с ней. Восьмизарядка, оптика на ней армейская. Конечно, немного тяжелая и приклад убогий, но я там доработал как смог. А потом это ведь тот же «калаш», все просто и безотказно работает. Мощная опять же, дальнобойная.

– Молодец, – похвалил Картье. – А далеко у тебя она?

– «Сайга»-то? Дома...

– Слушай, мне надо стресс снять, пострелять в тихом месте. Просто хочу бутылок наставить, банок набрать консервных и как следует погрохотать. Так, чтобы оглохнуть, знаешь? Дай-ка ты мне свою штуковину на пару дней.

Шофер замялся:

– Виктор Иванович, как же я могу? Это же оружие, номерное, на меня записано. А случись что...

– Тебе у меня работать надоело? – с интонацией заправского иезуита спросил Картье. – Или я на клоуна похож? Что должно случиться-то? Сказано тебе: постреляю и верну.

– Ну хорошо, – покорно согласился шофер. – Тогда завтра, что ли?

– Зачем же завтра? Давай сейчас. А патроны у тебя есть?

– Дробь мелкая – штук десять, может, наберется. И пару штук картечи есть. Больше ничего.

– Успеем еще в магазин. У тебя разрешение на нее и паспорт с собой? Дробь не пойдет, надо пулевых взять побольше, чтобы в сторону ничего не улетело. – Картье нахмурился. – Все только в цель...

В магазине «Стрелок», что на проспекте Мира, Картье при помощи шофера скупил весь

имевшийся запас пулевых зарядов 12-го калибра, около четырехсот штук. Подъехали к дому. Картье взвалил на плечо «Сайгу» в чехле, взял из салона пакет с патронами, сказал, чтобы водитель забрал его завтра утром, пораньше:

– Поедем в область, я там знаю заброшенный песчаный карьер, вместе и популяем, – успокоил Картье шофера, и тот облегченно вздохнул, поверил, уехал.

А Виктор поднялся к себе в квартиру, ссыпал патроны в рюкзак, прихватил ружье и поехал в гости к Вадиму...

5

Лена никогда прежде не смотрела телепередач о криминальной жизни, они почти вызывали у нее тошноту. Но в тот вечер ее словно что-то заставило задержаться на канале, передававшем заставку оперативного выпуска «Хроники происшествий». На экране появился ведущий с напряженным лицом, он начал говорить, и весь остальной мир для Лены вмиг перестал существовать, ограничившись губами этого ведущего, произносящих фамилию ее Вити, Витечки...

– Как стало известно, крупный бизнесмен Виктор Картье сегодня, около двух часов назад, застрелил сожителя своей бывшей супруги, легко ранил ее саму, вышел из квартиры и, убив водителя машины, припаркованной во дворе, приехал во двор жилого дома неподалеку от Смоленской площади, проник в одну из квартир на двенадцатом этаже и вот уже долгое время ведет прицельный огонь по прохожим и автомобилям, проезжающим по Садовому кольцу. Учитывая, что в момент начала стрельбы на Садовом кольце движение в обе стороны сильно затруднено, то число жертв бизнесмена Картье может быть огромным. Как вы можете видеть, люди в панике выбегают из своих автомобилей, район Смоленской площади сейчас перекрыт, везде дежурят усиленные наряды милиции.

– Мама! Мамочка! – Лена стремительно одевалась, не имея еще в голове четкого плана действий. – Да что же это! Господи!

Ее завернули еще на Бережковской, объяснили, что дальше проход и проезд перекрыты, идет контртеррористическая операция.

– Да я ему жена, понимаете вы! – заорала Лена в лицо отшатнувшемуся милиционеру. – Дайте мне с ним поговорить, он сдастся!

Милиционер сразу куда-то ее потащил, она не сопротивлялась, вскоре очутилась в милицейском автобусе, где ее принялись расспрашивать, но она только твердила, чтобы ей дали с ним поговорить.

– Да невозможно это! – крикнул вконец измотанный и нервный милицейский полковник. – Сотовая связь вся перекрыта в этом районе, а телефонную линию к дому мы тоже обесточили, так положено в таких случаях.

– Тогда зовите сюда телевизионщиков, – в тон ему ответила Лена, но он только отмахнулся:

– Никого я никуда звать не собираюсь. Сейчас узнаю, что там с заложниками и...

– Заложников вроде нет, в квартире пусто, он один, – протрещала рация на столе у полковника.

– Штурмуйте квартиру, с богом. – Он положил рацию в нагрудный карман, и она торчала оттуда, словно рука с указующим перстом.

– Чего только не бывает, – глядя на нее, сказал офицер. – Что ж у вас муж-то такой нервный, гражданка? Столько людей на тот свет отправил... За что? В чем люди-то виноваты?

– Это я во всем виновата, – опустив голову, ответила Лена. – Он без меня не мог, а я от него ушла. Нельзя с любимыми расставаться.

– Кино какое-то, – недоверчиво хмыкнул полковник, и тут же рация отозвалась коротким, неразборчивым словом.

– Ну вот и все, – устало прокомментировал он, – кино кончилось. Идите, гражданка, теперь домой. Больше ничего интересного уже не будет.

